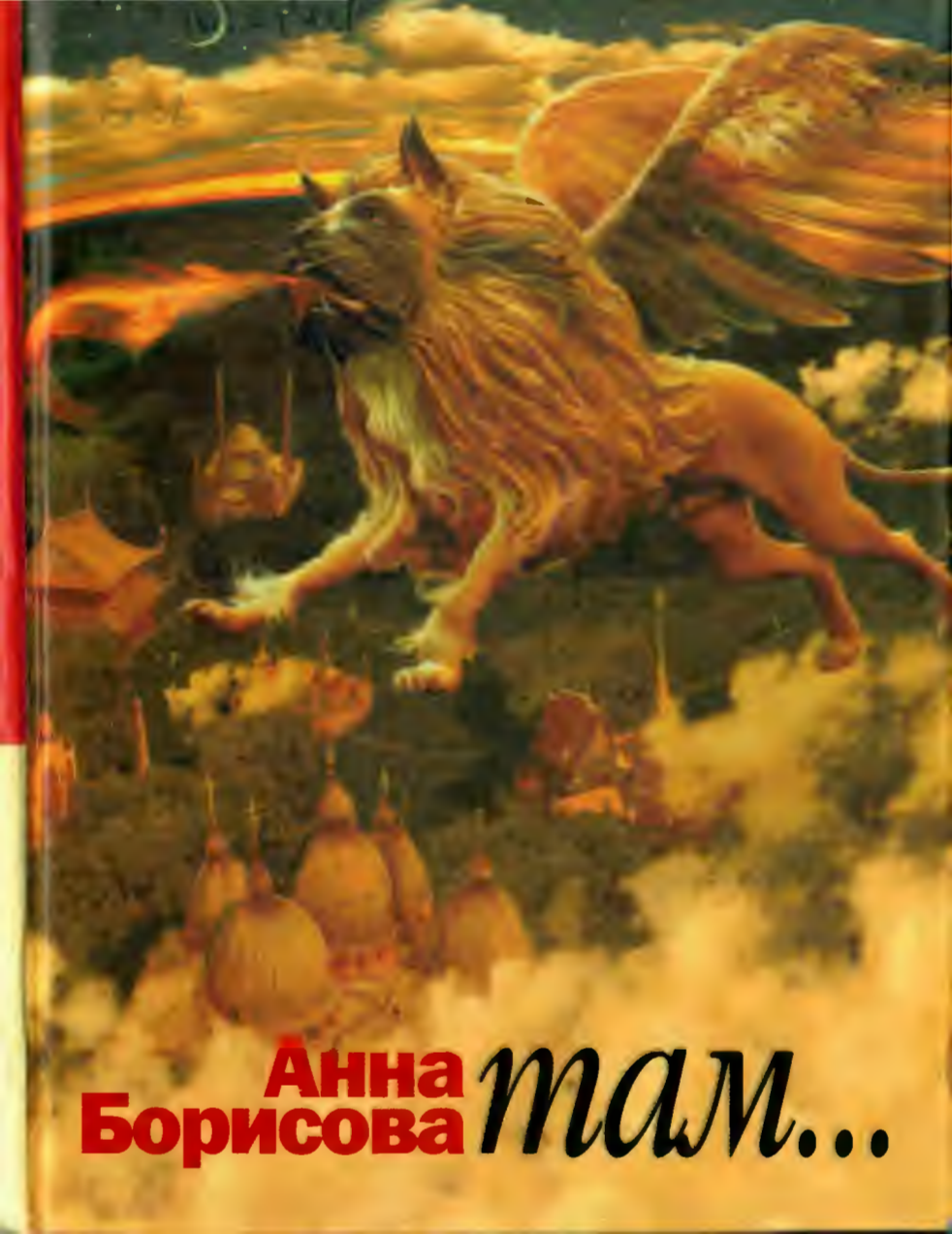




**Анна
Борисова** *там...*

**Анна
Борисова**

Издательская группа АСТ
представляет книги
Анны Борисовой

КРЕАТИВЩИК
ТАМ...

(11)

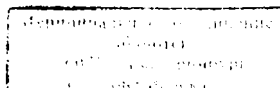
84(2Рос-Рос)
Б. 2

**Анна
Борисова**
там...

Роман в трех актах

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Москва

16 07 31 / 1



УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б82

Подписано в печать 15.12.2008 г. Формат 70×108 1/32.
Бумага офс. Усл. печ. л. 16.8. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2716.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

Оформление обложки — Андрей Фerez

Борисова, А.
Б82 Там...: [роман в трех актах]/ Анна Борисова. —
М.: АСТ: Астрель, 2009. — 384 с.

ISBN 978-5-17-057842-9

(ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-22996-1

(ООО «Изд-во Астрель»)

«Там...» — это роман-предположение о том, что ожидает каждого из нас по Ту Сторону. Герои романа проделывают этот роковой путь всяк по-своему. Одни — дорогой, которая проложена христианством, исламом или буддизмом. Другие более причудливыми маршрутами. Хотите узнать, что сулит человеку Вера и Безверие? Тогда эта книга, одновременно познавательная, страшная и смешная, для вас.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© А. Борисова, 2008

© ООО «Издательство Астрель», 2008

содержание

0 РЕШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ИСТОРИИ		7
1 АКТ		105
2 АКТ		125
3 АКТ		259

действующие лица и исполнители



АННА

элегантная дама, 45 лет

Отрешенный, не вполне земной голос, каким в аэропортах делают объявления только по ночам, пригласил пассажиров рейса Москва—Лагос на посадку.

У Анны включилось ассоциативное мышление с твердой установкой на позитив. Лагос в Африке. Кого из африканцев мы любим? Пушкина.

Решила выпить за Пушкина. Он молодец. Правильно сформулировал. Счастье — фигня собачья. Покой и воля гораздо лучше.

Но ассоциативный ряд удлинился, тема то-ста поменялась на ходу.

— За освобожденные народы Африки.

Мальчик за барной стойкой замигал телячьими ресницами.

— В каком типа смысле?

Не та генерация. Спроси его, кто такие Патрис Лумумба или Чомбе, предположит, что рэперы. Или растаманы.

В зрелые годы нужно выбирать собеседников из своей возрастной категории. Общие воспоминания, общий язык, общие шутки. А главное, все понятно без объяснений. Одна Аннина знакомая, лесбиянка Фиона из Нью-Йорка, тоже историк, в расслабленной обстановке, после джойнта, говорила, что именно в этом главная привлекательность однополрой любви. Не надо ничего объяснять, не надо прикидываться. Тебя стопроцентно понимают, как не сможет понять ни один мужик, даже самый тонкий и умный. Слушать Фиону было интересно, но когда пролесбиянский дискурс перешел в фазу актуализации, Анна отодвинулась и поменяла тему. Быть объектом гомосексуального желания ей *не улыбнулось*, как говорили во времена ее студенчества. Или, как выражались ее нынешние студенты, не покатило.

“Объект желания”. Термин из Аннинных колониальных времен.

Незабвенный Ю.А. любил порассуждать о сущностной противоположности корневых гендерных установок. Главный женский афродизиак — чувствовать себя объектом вожделения. Женщине очень важно быть желанной, возбуждающей страсть. У мужчины наоборот: ему нужно желать и добиваться.

Философ, блин. Светило гуманитарной науки. Изрекал свои банальности с таким небрежным видом, будто мечет бисер перед хрюшкой, а она, дурочка, только замирала. Как глубоко, как точно!

Многие мысли Ю.А. когда-то казались Анне всесильными, потому что верными. Ха! Вот еще одна шутка, которой юный бармен сто пудов не поймет.

— Ю.А., you are history¹, — скаламбурила Анна вслух, любуясь на свое щекастое отражение в пустом бокале.

— Who is history?

Мальчик знает английский. Международный аэропорт, не хухры-мухры.

— Анкора, — перешла она на итальянский.

¹ Ю.А., тебя больше нет (англ.).

И опять он, умничка, понял. Снова налил Лимончик положил. Воткнул свежую соломинку. Хорошую мы все-таки вырастили молодежь.

Положив подбородок на ладонь, она благосклонно рассматривала молодого человека.

Совсем дитё. Такие учатся курсе на третьем-четвертом. Черная бороденка клинышком, в ухе алмазная серьга. Страз, наверно. Или просто стекляшка.

Именно такие мальчики, худенькие и востроглазые, обычно навещали Анну в эротических сновидениях. Сон, уже после разрядки, заканчивался всегда одинаково. Щупленький любовник прижимался к ее груди, а переполненная нежностью Анна гладила его по тонкой шейке и целовала в макушку. Диагноз ясен безо всякого Фрейда. Подсознание вытесняет образ мужчины-отца образом мужчины-сына. Вторая версия, народно-пасторальная: яловая корова тоскует по нерожденному теленку.

Анна фыркнула, потому что именно в этот момент брюнетик, у которого руки были заня-

ты, мотнул головой, оттоняя муху. Как есть теленок!

Алкоголь определенно пробуждал в ней не-
растраченный материнский инстинкт. Захоте-
лось сказать несмышленишу что-нибудь доб-
рое и мудрое.

— Юноша, у меня есть для вас хорошая но-
вость. — Анна поправила очки и сделала тор-
жественное лицо. — Знайте: у мужчины боль-
ше шансов найти счастье, чем у женщины.
Потому что женщин, умеющих любить, на
свете гораздо больше, чем мужчин, достойных
любви.

— Честно? — равнодушно сказал бармен.

В его глазах читалось: наклюкалась тетка.

Еще не наклюкалась, сынок, с достоинством
возразила Анна, мысленно. Но это придет. Жди.

Джин энд тоник средство проверенное. Ни
разу не подводило. Секрет успеха в величине
дозы. Нужно пять коктейлей. Пока выпито
три. Три пишем, два в уме.

Диктор по-английски воззвал к какому-то
вылетающему в Женеву мистеру, которого
срочно ожидают у гейта двенадцать. Неведо-

мый мистер, наверное, тоже мандражирует где-нибудь в укромном закутке аэропорта.

Больше всего на свете Анна боялась летать.

Раньше этот страх у нее был на втором месте. Первое с большим-пребольшим отрывом занимал страх, что Ю.А. ее бросит. Семь лет назад главный кошмар ее жизни осуществился, и бояться стало нечего. Разве что перелетов. В момент, когда шасси отрывалось от взлетной полосы, Анну всегда охватывал животный ужас, который так называется, потому что поднимается из живота. По-нормальному дышать становится невозможно. То одни вдохи, то одни выдохи. Чейн-Стокс, а не дыхание.

Единственное, что помогало, это как следует надраться. Сделать местную анестезию. Чем Анна в настоящий момент и занималась.

Ирония судьбы заключалась в том, что теперь, когда Аннина карьера пошла в гору, летать приходилось все чаще.

В советские времена считалось, что историк не женская профессия. Ю.А. заявлял, что у женщин нет чувства времени, для них существ-

вует одно вечное “сейчас”. Теперь Анна возражала бы ему. Зато для нас всякое время живое. Если мы в него погружаемся, мы начинаем его чувствовать, а вам этого не дано.

Когда на бывшую рабу любви свалилась непрощенная свобода, Анна сначала, конечно, впала в нервное расстройство. Чуть было руки на себя не наложила, курица несчастная. Но как-то выжила. Огляделась, прислушалась к себе.

Что-то в ней уснуло, и, наверное, навсегда. Но что-то и проснулось. А именно башка.

На факультете, Анна знала, про нее за глаза говорят: не баба, конь с яйцами. Насчет яиц врать не станем, но мозги точно есть. Откуда ни возьмись закопошились мыслишки, научные идеи. Не брошенные с барского плеча великим Ю.А., а собственные.

Как раз и времена поменялись. То, что раньше было гандикапом, обернулось бонусом. Женщину-историка, особенно русскую, охотнее приглашают на международные конференции. Если вдуматься, в этом есть что-то унижительное. Любой научный чих, который, раздайся он из уст мужика, вызвал бы макси-

мум сдержанную похвалу, исторгнутый женщиной-историком воспринимается на ура. Слава феминизму и да здравствует политкорректность!

Анне тут предложили возглавить кафедру. Раньше она бы испугалась, замахала руками. Ответственность, административная работа, склоки всякие. А теперь подумала: почему нет? Вернется с конференции, нужно давать ответ. Пожалуй, единственный минус, что придется иногда видеть Ю.А. Все эти годы, узнав, что он будет на симпозиуме или на какой-нибудь научной тусовке, Анна уклонялась от участия. Завкафедрой себе такого позволять не сможет.

Семь лет она его не видела, с тех пор как ушла со старой работы на преподавание. Только пару раз по телевизору. Скоро семьдесят лет мужику, а все еще хорош. Красивый, маститый. Ну и умный, конечно. Это-то с годами тем более не проходит. Даже на экране видеть его было больноватенько. А наяву?

Ничего. Пускай и он на нее посмотрит.

Так замечательно Анна не выглядела и в двадцать два, когда пришла по распределению

в отдел и сразу же, с самого первого дня, влюбилась в начальника. Безоглядно и навсегда. Как говорят ее студенты, *без тормозов*. Обидно, когда твоя жизнь укладывается в пошлый сюжетец из женской прозы. Пересказывается одним предложением: поморочил женатик девке голову лет на двать, до первого своего инфаркта, а потом образумился и вернулся к благоверной, брошенка же превратилась в старуху у разбитого корыта.

В женщину бальзаковского возраста, поправила себя Анна. Со времен Бальзака средняя продолжительность жизни увеличилась вдвое. Сегодня в бальзаковском возрасте, то есть в пору зрелого женского расцвета, пребывают Шэрон Стоун, Изабель Аджани, Мадонна, а им всем вокруг полтинника. Нам до этих возрастных высот еще пять лет карабкаться.

Во времена Ю.А. была Анна академической мышкой с хвостиком. Натуральным, какой резинкой стягивают. Черт-те как одевалась. А сколько лет промучилась с контактными линзами! Пока умные люди не объяс-

17

16 07 31 / 1

М. филиалное объединение
оношотек
620077 г. Екатеринбург
ул. Антонова Валерия, 12

нили, что правильно подобранная оправка — самый лучший способ подправить недостатки лица.

“Умные люди” работали в парижской фирме “Индис”, сокращенное от Individual Styling. Как по-русски сказать? Поиск индивидуального стиля? Это совершенно новый, еще только зарождающийся бизнес с огромным будущим. Не путать с имиджмейкерами. Те подгоняют клиента под некий заданный имидж. Индисты, наоборот, ищут твой собственный образ. Так сказать, шьют костюм по фигуре. Анне, например, казалось теперь, что она всегда была именно такой: уверенной, элегантной и чуть-чуть стервозной.

Психологи, визажисты и дресс-дизайнеры из “Индиса” целую неделю тебя выпрашивают, разглядывают, анкетируют, тестируют, а потом создают твой собственный индивидуальный стиль. Как одеваться, какую носить прическу, какую косметику, какую обувь и прочее, и прочее. Анна в ту пору читала спецкурс по российскому консерватизму в Paris IV. Весь гонорар убухала на поиски стиля. Более

разумно потраченных десяти тысяч не знавала история человечества.

— Плесни-ка еще женщине бальзаковского возраста.

Пьянея, она легко переходила на “ты”. Вообще все делала легко. Еще пара коктейлей, и можно в полет.

Мальчик проявил внезапную проницательность.

— Летать боитесь? Зря. Самый безопасный вид транспорта. В мире ежегодно гибнет в авиакатастрофах только тысяча пятьсот человек. В среднем.

— Только? — вздрогнула Анна и скорей отхлебнула.

— Для сравнения: в автокатастрофах каждый год квакается миллион двести тысяч. На машине же вас не ломает ездить?

Какой умненький мальчик, умилилась Анна. И хороший. Специально цифирь выгучил. Дур вроде меня успокаивать. И джину налил щедро, не пожалел.

Она почувствовала, что уже допила до этапа неудержимой болтливости. Мальчику при-

дется потерпеть. Такая у него работа. Бармен все равно что психотерапевт.

Устроившись поудобнее, локти на стойку, подбородок на большие пальцы, Анна стала объяснять.

— Это не рациональный страх. Понимаешь, Земля — это тело, а Небо — душа. Когда взлетаешь, будто душа отрывается от тела.

— А вы что, в существование души верите? — спросил бармен скептически.

Нормальный русский разговор за выпивкой, подумала Анна. Начинается с народов Африки или любой другой белиберды, заканчивается непременно бессмертием души.

— Я агностик, — ответила Анна и вытянула через соломинку остаток сладко-горького напитка.

— Кто?

— Агностик — это человек, который открыт любым предложениям. Изобретателя Эдисона помнишь? Он, умирая, произнес замечательные слова. “Если после смерти что-то есть, это очень хорошо. А если ничего нет, то еще лучше”. Сказал и помер. Вот и я такая же.

Если б не бояться смерти, то даже любопытно. Столько всяких версий существует! Есть теория “выхода из тюрьмы”. Будто все мы на самом деле обитатели другого мира, который гораздо лучше нашего. А Земля это тюрьма, и мы сюда помещены за преступления. В зависимости от тяжести содеянного сроки у всех разные, но максимальный сто лет. Кто умирает в младенчестве, это мелкие хулиганы, кому дали типа пятнадцать суток. В тюрьме есть разные зоны. Общий режим это развитые страны. Строгий это как у нас. Особый это как в Африке. Отсидел свое, помираешь и возвращаешься на волю.

— Прикольно, — сказал мальчик.

— Другая теория называется “Пробуждение”. Будто земная жизнь это такое сновидение. У кого кошмарное, у кого более или менее приятное. Насильственная смерть это когда спящему в ухо крикнули или грубо растолкали. Естественная, от старости, это когда мирно продрых до утра и спокойно проснулся. К теории сна примыкает теория комы. Ну, что ты сейчас находишься в коме и тебя посе-

щают всякие фантомные видения, которые и есть земная жизнь. А смерть это ты выходишь из комы, к тебе возвращается сознание... В общем, на эту тему много чего напридумано.

Анну понесло, не остановишь.

— Лично мне было бы интересно, если бы после смерти мы становились звездами. Ведь откуда-то рождаются все время новые звезды? Для этого требуется вброс энергии. Что если смерть и есть такая энергетическая трансмутация? Если душа была мощной, возникает новое солнце. Если хилая, то какой-нибудь мелкий астероид. Небесных тел во Вселенной столько, сколько жило и умерло людей. Это мое личное открытие.

Всю эту чушь Анна выдавала экспромтом. С ней такое бывало. Особенно после четвертого джина с тоником.

— Помнишь, как у Бродского? — взмахнула она рукой с длинными сиреневыми ногтями. — “А скоро, как говорят, я сниму погоны и стану просто одной звездой. Я буду сиять в небесах лейтенантом неба...” Не помнишь?

Анна расстроилась. Перед глазами все плы-
ло и покачивалось. Чтобы разглядеть табличку
на груди бармена, пришлось сощуриться и
придвинуть дужку очков ближе к переносице.

Влад Гурко

Vlad Gurko

Бармен

Barman

0.1

т
а
м
.
.
.

— Влад? Что за имя? Владимир, что ли?

ВЛАД ГУРКО

бармен, 21 год

— Владислав, — сказал Влад. — “Влад” это чтоб “Славой” не звали. Отстойное имя “Слава”. Особенно с фамилией Гурко.

В школе у него была кличка сначала Огурок, потом Окурок.

Дамочка наморщила нос, очки сползли с переносицы.

— Все вы теперь Влады, Максы да Сэмы. Владислав красивое имя. Особенно в сочетании с такой фамилией. Только не Гурко, а Гурко́. Древний шляхетский род. Был такой генерал-фельдмаршал Иосиф Гурко. Герой Балканской войны.

Вот теперь Влад понял, кто она.

Из институтских преподав. По тону слышно. А муж бизнесмен или какой-нибудь шишак. У тетеньки в жизни все ровняк, по при-

киду видно. Среди баб-преподов немало таких, кто не ради зарплаты тужится, а просто любит это дело. Чем плохо? Трындишь себе, а все слушают, и никто не пикни.

Он сам годик в институте поучился. Чего-то не поперло. Бросил.

С точки зрения родителей, он лузер. Но это мы еще будем поглядеть.

Последний дар пэрентов блудному сыну — финансировали откос от военкомата. Исполнили родительский долг. За это им респект. За то что забили на сынулю и оставили в покое — двойной. А чему и как учиться, он как-нибудь сам решит.

За фигом человеку институт? Там главному не научат.

Ибо сказал Учитель: “Сначала пойми, кто ты и зачем, а потом уже учись. Учись быть собой. Все прочее лабуда”.

На самом деле никакого Учителя у Влада не было. Это он сам себе придумал. Как что толковое где прочитает или сама по себе умная мысль в башку придет, вывешивает в своем блоге. Там у него ник “Учитель”, аватар — Будда Гаутама. Страничка называется “Код Жиз-

ненных Правил”. И пониже написано: “В стадии разработки. Но все равно заходите”. Между прочим, многие заходят и хорошие слова пишут, благодарят.

Про то, что будет после смерти, у Учителя тоже есть. Но Влад на теткино ля-ля не повелся. Несет какую-то хрень. Пожилая ведь женщина. Лет, наверно, тридцать пять на свете прожила или пятьдесят. Если чел до такого возраста дожил, а правильных книжек не читал и головой не думал, это глушняк. С такой париться, только зря прану переводить.

Учитель сказал: “Слепой — не тот, кто не может видеть, а кто не хочет видеть и сам закрывает глаза”. Лично Влад намеревался прожить свою земную жизнь не вслепую. Глаза у него были открыты шире некуда, рецепторы настроены, уши как локаторы. Кое-что он уже повидал и понял. Но главное еще было впереди.

На ближайшие годы план был такой: посетить на планете все главные Места Силы. Акупунктурные отверстия, где фокусируется торсионное излучение из Космоса и из Земного ядра. Если там найти правильную точку, ого-го как вставляет.

Пока он побывал только на тридцатой параллели, где египетские пирамиды. Очень нехило забрало. Зачет, однозначно. Месяц потом как на крыльях летал.

Следующим пунктом у Влада значились Тибет с Гималаями. Самое высокое место на Земле. Во всех смыслах.

Там что? Священная Курукшетра. Лхаса. Естественно, Эверест.

Но это вам не в Хургаду по горячей путевке стонять. Бабла нужно немеряно. Главным образом на билеты. Все остальное в Индии и Непале почти даром.

Затем Влад и на эту работу устроился. Чтоб нарубить капусты.

Выход через ночь, очень удобно. Во-первых, народу мало, делать почти нефига. Смотришь телевизор, думаешь о своем. Во-вторых, ночью в аэропорту публика прикольной. Почему неясно, но факт. Или, может, у человека по ночам психика немножко свинчивается? В-третьих, ночные клиенты щедрей оставляют чаевые, а ради них родимых Влад сюда и нанимался.

Очкастая преподша, например, отвалит по крупному, это верняк. Пятый джин-тоник заказывает. И так уже назюзюкалась не по-детски, очки совсем с носа уползли. Самолет бы не пропустила, лейтенантша неба.

Смешивая коктейль, Влад думал уже не про Тибет, а про Мексику.

После Ахасы, после Эвереста, где стопроцентно находится посадочная площадка НЛО, нужно будет замутить поездку на Юкатан. Кто бывал, говорит, что пирамиды индейцев майя поставлены исключительно грамотно. Если забраться на самую верхушку в момент восхода солнца, окажешься на самой оси Земля — Космос. Люди, которые прошли через это, рассказывают, что такого кайфа словами не объяснишь. Оксанка, знакомая одна, клянется, что с пирамиды видела летающую тарелку и даже типа была на ней, просто инопланетяне ей потом память стерли. Вот бы куда попасть! А чего? Чем Оксанка лучше? Что летающие тарелки за нами наблюдают — давно доказанный факт. Кому положено, знают. А помалкивают, потому что нефига зря народ баламутить.

— Ой!

Бухая дамочка задела бокал рукавом, пролила весь коктейль на стойку, и стекло тоже треснуло.

— Разбилось лишь сердце мое, — грустно сказала она, проведя пальцем по луже.

Нормально. Больше на чай оставит.

— Сейчас другой сделаю.

Он вытер лужу, а тряпку отжал в кадку с миндальным деревцем. Немножко алкоголя ему на пользу, особенно в период цветения. У растений все как у людей.

Блин, закуски на салатной стойке заветрились. Ночью их плохо берут, разве только соленое что-нибудь, к водке. Огурчики маринованные, оливки. Иностранцы любят каперсы.

Отстойная попса, которую гоняли по аэропортовской радиосети, ненадолго приумолкла, это снова вызывали какого-то мистера Ваду с женевского рейса. Наверняка летит по бизнесу, иначе ограничились бы одним разом.

В баре было почти пусто. В углу за столиком сидел дед в прикольных роговых очках, китаец или японец, по акценту не поймешь. Сорок минут пьет чашку зеленого чая. И еще, у стены,

негритянка с маленьким ребенком. Забавный такой мулатик. Лицо кофе с молоком, а кудряшки золотистые. Бэби чего-то заверещал, захныкал. Ясное дело, устал, ночь уже.

И вдруг негритянка спокойно так задирает блузку до подбородка, а под ней ничего, один лифчик. Очень плотной упаковки, на два хороших арбуза. В шоколадной ложбинке сверкает золотой крестик.

И это было только начало!

Негритянка спустила у лифчика одну чашку. Вынула здоровенную сисюндю.

Влада в жар кинуло. Полный пипец! Чего только на этой работе не насмотришься!

Грудь формой, размером и цветом как глиняная крынка. Вокруг длинного соска большой розовый крут, с кофейное блюдечко.

Главное, ребенок был не грудной. Еще недавно по диванчику колупался, попискивал что-то вполне членораздельное. Года два ребенку.

А негритянка, надо сказать, собою была очень ничего. Скуластая, губастая, пышные волосы перехвачены красной вязаной лентой.

И молодая.

ГРАЖИНА И ДЖУЛИАН

мать с сыном

Малыш сразу затих. Губки работали, как маленький, но приемистый насосик. Синие глазки сонно прижмурились. Умаялся, бедненький. Четыре часа лёта из Нефтеозерска, потом на такси из аэропорта в аэропорт, через московские пробки.

Гражина погладила сыночка по золотистой головке, сказала ему по-литовски: "Мой самый красивый мальчик на свете".

Восемь месяцев назад, когда она уезжала из Каунаса, все вокруг говорили: "Пора, Гражинуте, отучай его от груди". Но на новом месте Аманда, самая умная и тертая из девушек, посмотрев на Гражинин бюст, посоветовала по-другому. Пока молоко идет, пусть идет. И пацаненку здоровее, и тебе

выгода. Закончишь кормить, пол-объема пропадет.

Гражина ее послушалась. Раньше, до родов, у нее грудь была четвертый номер, ничего особенного, а теперь стала шестой. Таскать тяжело, зато мужчины прямо с ума сходят. Думала, месяц лишний покормит. Ну два. А прошло больше полугода, и молоко все идет.

Бабушка рассказывала, когда после войны совсем плохо с едой было, у нее молоко четыре года не кончалось. И дядя Донце пил, и двоюродная тетя Неёле, и мама чуть ли не до детсада. Юлюкаса вот тоже не оторвешь. Ни на какие фрукты-йогурты сисю не променяет. За зиму не болел ни разу, не смотря на холода. Авитаминоза весеннего не было. А еще успокаивающе действует. Засыпает как миленький. Буквально через пять минут. Доктор в консультации говорил, что в материнском молоке какие-то особые ферменты содержатся, с анестезирующим эффектом.

Юлюкас почмокал-почмокал, сосок выпустил и тихонько рыгнул, но пока не сытенько.

Посопит, передохнет, потом еще попьет-покушает.

0.3/4

“У вас же ребенок маленький, — сказала та женщина из агентства, когда уговаривала. — Вы должны о нем думать. О его будущем”.

т
а
м
.
.
.

Вообще-то Гражина пришла в агентство совсем для другого. Хотела в Америку уехать, поработать массажисткой, а дальше как-нибудь там зацепиться. Другим ведь удастся. Во-первых, к темнокожим в Штатах сейчас особенное отношение. Во-вторых, в Чикаго большая литовская община, восемьдесят тысяч человек.

Но женщина ее расстроила. Посмотрела заполненную анкету, покачала головой. Говорит, массажисткой в Америке можно работать только со специальным дипломом. На соотечественников тоже особенно не рассчитывайте. У чикагских литовцев с политкорректностью не очень. Темнокожей литовке они вряд ли обрадуются. Ну, вы понимаете, о чем я.

Гражина, конечно, поняла. Не маленькая.

Само собой, огорчилась. Хотела документы назад забрать, но женщина дверь поплотнее

закрыла, окинула Гражину внимательным взглядом.

Не может быть, говорит, чтобы вы с такой внешностью, с такой фигурой одним только массажем на жизнь зарабатывали.

Гражина сказала, что два года назад, когда вообще без единого литаса осталась, устроилась танцовщицей у шеста в ночном клубе "Лидо". Временно.

Женщина обрадовалась. "Я же вижу. Чувственная внешность, природная пластика, потрясающая сексуальность. Фантастические данные! Погодите-ка, у меня есть для вас очень интересное предложение". — И перешла на шепот. Вы, говорит, только сразу не отказывайтесь. Хорошенько подумайте.

Но Гражина отказалась сразу, как только дослушала.

А хорошенько подумала уже после, дома, глядя на спящего в кроватке Джулиана.

Пошла к отцу Юозасу, потому что привыкла во всем с ним советоваться. Он сказал то, что и должен говорить *кунигас*: смертный грех, погибель души, геенна огненная.

После этого Гражина еще два дня думала.

От слов отца Юозаса было страшно. Еще страшней от неизвестности. Пишут же в газетах всякие ужасы про судьбу девушек, которые уехали на такие вот заработки в Эмираты, Турцию или Японию.

Но Джулиан. Но квартира. Но Америка.

Даже если половина из того, что наобещала в агентстве ведьма-соблазнительница, вранье, все равно много получается. Очень много.

В общем, попросила Гражина у Девы Марии прощения. Она тоже мать, Она поймет. И поехала.

Женщина из агентства говорила: "Вы только представьте, мужчины работают на износ, в очень тяжелых климатических условиях, ненормированный рабочий день, стрессы. Особенно у менеджерского состава. А деньги при этом получают большие. Колоссальные деньги. В отпуск все, как один, уезжают в жаркие страны, оттаять душой и телом. Отсюда взыскательность, привычка к хорошему сервису. Это ведь не валенки сибирские, у многих иностранные дипломы. Бизнес-про-

ект, в котором я предлагаю вам поучаствовать, ставит целью подарить людям в приполярном Нефтеозерске кусочек южного солнца. Там открывается эксклюзивный клуб "Коралловый рай". Все девушки сплошь темнокожие. Условия на редкость привлекательные. Понимаете, профессионалки из Африки, Америки или Европы ехать туда боятся. Сибيريا, холод и все такое. Поэтому рекрутские фирмы по всему бывшему Советскому Союзу получили конфиденциальный заказ. Таких девушек, как вы, довольно много. Плод любви африканских студентов, которые когда-то учились в СССР".

Именно так и выразилась, по-старомодному: "плод любви". Она вообще очень интеллигентно говорила, та женщина.

Поразительней всего, что нисколько не наврала. Еще лучше получилось, чем она обещала.

Малыша Гражина взяла с собой, это было специально оговорено в контракте. Там ведь как, в Нефтеозерске? От дома до работы не то что рукой подать — вообще на улицу выходить не надо. На лифте поднимаешься со вто-

рого этажа в пентхаус, и все. Тот же самый отель, "Ойл-Лейк-сити", самый шикарный в городе.

Знающие люди предупреждали, что она разорится на небиситтерах. Зарплаты в нефтедобывающих регионах ого-го какие, запросы тоже. Минимум тысячу в месяц выкладывать придется. Но все очень хорошо устроилось.

Днем Гражина была всегда с сыночком, в номере. Пока он спит после обеда, учила английский. Вечером, перед работой, уложит его, сказку читает. Кто-нибудь из девушек, у кого месячные или просто выходной, просто счастливы с Джулечкой переночевать. Даже иногда ссорились между собой, чья очередь.

Потому что Юлюкас у Гражины золотистый *ангелас*.

— Больше не будешь?

Она вытерла ему мокрые от молока губки, потерлась носом о его мягкую пуговку. Джулиан засмеялся.

Он всегда смеялся, когда Гражина так делала. Еще он очень любил, когда она начинала

“Mister Wada, Mister Wada, you are urgently requested to proceed to gate twelve”, — объявили по радио, и Гражина все поняла, до последнего слова. Не зря аудиокурс английского наконец-то выучила. Там есть отдельная глава “In the Airport”.

— Вот мама выучит английский, накопит много денежек, и мы с тобой уедем в Америку. Там таких, как мы, много-премного. Никто не будет на нас пялиться. Тем более обзывать. В Америке за это делают атата.

— Атата, — повторил Юлюкас и улыбнулся. Его самого никогда не шлепали, но что такое “атата”, он знал.

— Никто не будет спрашивать: “Как-как тебя зовут?” Там Джулианов сколько хочешь.

Гражикина мать, дура безмозглая, выбрала для дочки имечко. Как будто из-за этого темнокожая девочка станет такой же, как все. В дет-

¹ Мистер Вада, мистер Вада, вас просят срочно пройти к выходу 12 (англ.).

ском саду у них было две Гражины, в классе три. А все равно по имени никто не называл. То Ириской, то Снегуркой.

— У нас с тобой на счете уже целых двадцать тысяч, — рассказывала она сыну дальше. — И еще почти восемь *наликом*. Вот тут, в поясе.

Она похлопала себя по животу. Юлюкас себя тоже. Понравилось. Еще, еще. И так звонко расхохотался, что от стойки обернулась женщина в съехавших на сторону очках. Сделала ребенку пальцами “козу”.

На себя за все восемь месяцев Гражина почти ничего не потратила. Только на сына. Плюс подарки от постоянных клиентов.

Кольцо с топазом.

Сумочка “Луи Вюиттон”.

Шарфики “Эрмес” четыре штуки.

Три пары золотых сережек.

Серебряная зажигалка “Монблан”.

И это только те подарки, которые можно продать!

От дирекции клуба ничего плохого Гражина не видела. Мало того что за хорошую работу на-

градили недель отпуск, так еще дорогу оплатили. Причем кружную, через Варшаву. Вошли в Гражино положение. Она ведь маме сказала, что работает в Америке. А варшавским рейсом прилетает, потому что с пересадкой.

Одно ее тяготило. Восемь месяцев без исповеди, без причастия. Значит, придется идти к отцу Юозасу. И он уж выдаст за все сразу. Грехи-то отпустит, никуда не денется, но будет требовать, чтоб Гражина назад в Нефтеозерск не возвращалась. А как туда не вернешься? Контракт не отработан. И предлагают еще на год продлить. За два-то года можно очень серьезную сумму накопить. Хватит и обустроиться в Америке, и специальность приличную получить. Не все же мандой на жизнь зарабатывать. Это грех тяжкий, и вообще противно.

Джулиан увидел, что у мамы лицо вытянулось, и у самого тоже губки изогнулись коромыслищем.

— Ладушки-ладушки, где были? У бабушки. Что ели? Ка-ашку. Что пили? Бра-ажку, — запела ему Гражина. Русская детская песенка, ее Сюзи всегда пела.

Через минуту мама с сыном снова улыбались. Потому что Юлюкас обожал про ладушки, а Гражина придумала, как быть с отпущением грехов.

Не к отцу Юозасу нужно идти, а в храм, который у рынка. Там священник ее не знает. Он старенький, и лицо доброе.

Как вон у того узкоглазого дедушки в смешных очках, что сидит над чашкой чая и, зажавшись, все чему-то улыбается.

ШИН ВАДА

старый маньчжур в смешных очках

Сегодня, ровно в полночь по токийскому времени, Подлинный Голос известил Ваду, что настал последний день его жизни. В ранние годы Подлинность обращалась к нему очень редко. Но с возрастом, особенно в старости, Вада научился лучше слышать тихий голос, который не обманывает. Едва Вада сошел с самолета авиакомпании JAL и переместился в транзитную зону, чтобы дожидаться женевского рейса, Голос шепнул: "Сегодня".

Теперь старик сидел над остывшей чашкой плохого чая в баре, где завывало радио, и вел борьбу с самим собой. Борьба была отчаянная, не на жизнь, а на смерть. Или наоборот — не на смерть, а на жизнь?

За восемьдесят пять лет он преодолел много искушений, выдержал, наверное, тысячу трудных экзаменов. Но такого тяжкого на его долю еще не выпадало.

Неужели сегодня? О милосердный Будда—

В своей жизни Вада знал три сильных страсти.

Первая, юношеская, была такая: стать японцем.

Он родился и вырос в государстве Маньчжоу-го, где все было ненастоящее: император, правительство, сама страна, которой с точки зрения международного права не существовало. Но люди в этой игрушечной империи жили обыкновенные, настоящие. И чувства у них тоже были настоящие.

Мальчик с китайским именем, которое Вада через столько лет мог припомнить лишь с усилием, неистово мечтал быть японцем. Японцы были самые сильные и красивые люди на свете. Они ничего не боялись, их дух был крепче стали, огромный Китай склонялся и трепетал от их чеканной поступи.

В школе детям рассказывали про мужественных самураев, презирающих смерть. В газетах писали про летчиков-истребителей, которые таранят вражеские “летающие крепости” и без колебаний обрушивают свои “Мицубиси-А6М1” на палубу американских авианосцев.

Мальчик хотел стать солдатом. Шла война, и эту мечту было легко исполнить. Но он не хотел служить в смехотворной маньчжурской армии и прорвался в японскую авиашколу. Курсантов там били палками, плохо кормили, давали спать по четыре часа в сутки. Из восьмидесяти человек до выпуска дошла четверть, но Вада, которого тогда звали по-другому, был среди них первым.

В истребители его все равно не взяли, только в транспортный полк. Потому что он не был японцем. Когда по той же причине его не приняли в Особую эскадрилью Божественного Ветра, пилоты которой давали клятву не возвращаться с задания живыми, он заплакал от бессилия. Мечта ускользала, оставалась недостижимой.

В самый последний день войны, когда советские десантники уже захватили императора Пу И, а генералы Квантунской армии стрелялись в своих бункерах, молодой летчик вывез из Синьцзина тридцать женщин и детей. Это были семьи японских офицеров и чиновников.

Мужчинам места не хватило. Они попрощались с родными на взлетной полосе и остались в городе, куда уже входили вражеские танки.

При расставании никто не плакал, хотя и остающиеся, и улетающие были обречены.

“Дуглас” был старый и неисправный, довоенной сборки. Горючего в баках для перелета через Японское море хватить не могло.

Глядя, как провожающие кланяются пассажирам и с улыбкой машут им рукой, пилот жалел лишь об одном: что умрет не японцем. Только японцы умеют расставаться навсегда, улыбаясь.

Надежда на спасение была только одна, совсем слабая. Попутный ветер.

Но через полчаса из облаков вынырнул американский “грумман”, пронесся наперерез, полоснул очередью из крупнокалиберного и полетел себе дальше. Добивать не стал. Навер-

ное, не осталось боезапаса. Но “дугласу” хватило и одной очереди.

Она разбила фонарь кабины. Одна пуля прошла летчику легкое, другая задела голову.

Дырку в груди он заткнул выковырянной из комбинезона ватой, но от черепного ранения почти ослеп. Море слилось с небом, пилот не мог отличить одну синеву от другой.

Жена полковника Судзуки, у которой была сильная близорукость, надела ему на залитое кровью лицо свои очки, круглые, в роговой оправе. Снова стал виден горизонт, отделивший море от неба. А потом произошло чудо. Сильный ветер подхватил дырявую машину и понес на восток, к полуострову Ното.

Госпожа Судзуки подарила ему свои очки на память. Он проносил их всю жизнь, ни разу не уронил. Только стекла менял. Другая пассажирка, вдова майора Вады, попросила летчика-маньчжура стать ее приемным сыном.

Так осуществилась первая мечта, он стал японцем.

Правда, наступили времена, когда сами японцы все сплошь захотели стать американцами.

И у Вады появилась новая страсть — разбогатеть.

Новая родина пребывала в нищете и унижении. Зрение у него не поправилось, про работу по специальности следовало забыть. В любом случае гражданской авиации было ни к чему такое количество военных летчиков. Многие из тех, кто уцелел в лобовых атаках, спивались или накладывали на себя руки.

Но Вада не думал о смерти, он думал о богатстве. И не только думал. Действовал.

На ломаном велосипеде он стал доставлять конторским служащим обеды. Горячие, из дому. Получит у жены, в течение десяти минут доставляет мужу. За два часа успевал обслужить до пятнадцати клиентов. Через несколько лет на него работали семьдесят велокурьеров. Когда термосы подешевели и бизнес закончился, Вада переключился на лапшевни "Обед за восемь минут". Настоящие деньги потекли в шестидесятые, когда началась мода на супермаркеты. Но лишь на шестом десятке он позволил себе переехать из дощатой конуры в особняк и дал семье вкусить плодов богатства.

Г
в
М
:
.

А полностью утолила вторую свою страсть, когда понял, что думать про деньги стало скучно. Позднее он передал весь капитал фонду, который пытается вернуть Земле подпорченное промышленностью здоровье.

К этому времени Вадой всецело овладела третья obsессия. Она была самая жгучая и выражалась одним словом.

Умереть.

Восемнадцать лет назад частный самолет, в котором находилась вся семья мультимиллионера — жена, дочь с зятем, внуки, — попал в тайфун на подлете к райскому острову Гуам. Сам Вада собирался присоединиться к своим два дня спустя, его задержали в Токио дела.

Добровольная смерть от тоски — это слабость, измена себе и своей карме. Он напоминал себе об этом каждый день и был честен с судьбой. Никогда так не следил за здоровьем, как в эти черные годы. Не давал себе ни малейшего послабления. Вот и теперь ехал оперироваться в Швейцарию, чтобы продлить муку бытия еще на несколько лет. Человек обязан вынести испытание жизнью до конца и не сломаться.

И вдруг Голос!

Вада сидел в пустом баре, прислушивался к себе.

Никаких сомнений.

Сегодня. И очень скоро.

Самочувствие у него нынче было приличное. Значит, не сердце.

Очевидно, самолет не долетит до Женевы.

Какой невыносимый соблазн приготовил для него изобретательный дьявол-искуситель Мара, который, как известно, является частью нас самих. Превратить свою жизнь в небесную радугу!

Ее начало — перелет через Японское море на “дугласе” в залитых кровью очках. Высшая точка — “фалькон”, проглоченный тайфуном близ Гуама. Конец — крушение “боинга” среди заснеженных Альп. Что может быть прекрасней?

“Last call for Mr. Wada! Last call for Mr. Wada!”¹ — призывал Мара нервным голосом.

Чувствовал, бес, что это искушение последнее.

Вада отпил холодного чая. У чая был горький вкус победы.

¹ “Последний вызов для господина Вада” (англ.)

В обреченный самолет он не сядет. Но и остановить рейс не попытается. Нет, Вада не боялся, что его примут за сумасшедшего. Однако кто он такой, чтобы вмешиваться в карму других пассажиров? Если их Подлинный Голос ничего им не подсказал, значит, так надо.

Первое, что сделала победившая Жизнь, — заявила о своих правах через мочевого пузырь.

Старик в допотопных очках поднялся, засеменил в туалет.

До него от бара было не больше десяти метров.

Отделение для инвалидов оказалось занято.

Идти в мужской? Но в тесной кабинке возиться с мочеотводом очень непросто.

Подождать?

Из-за двери доносились приглушенные вздохи и стоны.

Вада знал по себе: когда инвалид справляет нужду, это надолго.

Придется все-таки в мужской. Слишком тяжело стоять.

ЖАН И ЖАННА

молодожены

— Ых.

— Аа!

— Ых.

— Аа!

— Ых.

— Аа!

Медовый месяц у них продолжался всего десять дней. Кто же отпустит с работы на целый месяц, да еще не в сезон отпусков? Тем более, решили они. Пусть эта декада запомнится на всю жизнь.

Всем известно, что такое медовый месяц. Период бешеного спаривания. Но что тут запоминающегося? Жан и Жанна спаривались уже полтора года, с того самого дня, когда впервые увидели друг друга. И влюбились с

первого взгляда. Безумно. Как говорили в старину, до гроба. Даже еще сильнее.

В смысле спаривания Создатель наших тел предоставил нам не так уж много простора для фантазии. Сколько можно придумать манипуляций и комбинаций из одного выпуклого предмета, одной (окей, двух) впадин и двух языков? Такая фрикция, сякая фрикция, изменение угла, немножко акробатики, полизать тут, пощипать там. Все это было давно уже пробовано-перепробовано, безо всякого свадебного путешествия.

Поэтому план поездки они составляли вдумчиво и обстоятельно. Креатив в основном обеспечивала Жанна, у нее было лучше развито воображение. Жан только соглашался и восхищался.

Девиз для медового месяца был определен: “Желание”.

Известно, что вечный враг супружеского секса — легкодоступность наслаждения и постоянная сытость, от которой всего один шаг до перекормленности.

Отсюда вывод: всю интригу нужно построить на искусном разжигании голода и его тщательно дозированном утолении.

Прежде всего решили исключить всякую прозу жизни. Никакой совместной чистки зубов, толчков локтем в бок: “Не храпи!”, нетерпеливых призывов из-за двери: “Ты скоро с толчка слезешь?” Поехали в составе одной туристической группы, но по отдельности, чтобы в гостинице номера были разные.

Фамилию Жанна оставила девичью, и молодожены делали вид, будто они чужие. Нарочно обзавелись каждый своей компанией и пересекались лишь эпизодически, на экскурсиях там или во время совместных трапез. Но держались друг от друга на расстоянии.

Лучший возбудитель — небольшая инъекция ревности. Для этой цели Жанна обзавелась платоническим ухажером, клерком из банка “Сельскохозяйственный кредит”. Дядечка был такой безобидный, что жена без опаски отпустила его одного в Таиланд. Клерк смотрел на Жанну влюбленными глазами, два раза осмелился взять за локоть, но не более. Проблем с ним никаких не было.

Жан, это уж было ее условие, изображал студента Католической академии. В постных очо-

ках а-ля “Махатма Ганди” он смотрелся овца овцой. Однако Жанна здорово ошиблась, думая, что воротник-стойка уберезжет мужа от домогательств. Одинокие бабы из группы липли к нему, как мошки на желтый цвет. Так что новоиспеченной супруге пресловутый возбудитель достался прямо-таки лошадиными порциями.

Притом что в дополнительных аппетитах, как вскоре выяснилось, никакой нужды не было.

Любовные свидания планировалось проводить по одной штуке в день, без анкоров. Непременно украдкой, как бы случайно и всякий раз в каком-нибудь незабываемом антураже.

То на дискотеке, где темно и по лицам скользят разноцветные блики. Вроде как парень пригласил на танец незнакомую девушку, и вдруг ба-бах! — удар молнии. Сумасшедшая страсть. Оба, не обменявшись ни единым словом, удаляются в сад и там в кустах, беззвучно, предаются трем минутам первобытной страсти.

То в двухместной кабинке на 50-метровом колесе обозрения. Времени на все про все — один круг.

То в зеркальном лабиринте. Это была идея Жана, его вклад в креатив. Он разведаль, что есть такой туристический аттракцион. Мало популярен у публики, а за полчаса до закрытия там вообще пусто. Звучало заманчиво, но на деле вышла вечная история, когда мужики проявляют инициативу: в теории все чудесно, а на практике получается фигня. Они вошли в лабиринт с двух разных концов и все тридцать минут проблуждали среди зеркал, пытаясь отыскать друг друга. Наконец сошлись в квадратной комнате. Все классно, миллион отражений в любых ракурсах. Но... только пристроились, только наладились, как послышались шаги сторожа. Семь часов, пора закрывать. Пришлось сворачиваться в темпе. Жанна была в таком заводе, что даже разревелась.

Мужчине-то что, они свое всегда получают. Но она, бедняжка, за эту десятидневку наголодалась сполна. За все время успела кончить только один раз. Посреди бухты, на лодке, звездной ночью. Так заорала, что чайки с воды взлетели.

Одну ночь супруги все-таки провели вместе, но было не до любви. Это когда Жан за ужи-

ном ракушками отравился. Она тайком прокралась к нему в комнату. Ужасно жалела его. Лекарство подействовало не сразу, Жан каждые пять минут бегал в туалет. Потом, когда он, обессиленный, уснул, она сидела рядом с кроватью и просто смотрела на него. Странно, но, может быть, это был самый счастливый момент всей медовой недели.

Обратно группа летела с пересадкой, через Москву.

И тут Жанна решила отыгаться по полной. Отомстить сытому самцу за его эгоистичное физиологическое устройство.

В середине полета попросила мужниного соседа поменяться с ней местами. Якобы захотелось из окошка посмотреть на закат. Села справа от Жана, невинно так. Вся к иллюминатору вывернулась. А руку, левую, тихонько просунула ему под плед. Повозится там минуточек десять, убирает. Плед топорщится холмиком. Как только начнет спадать, она снова.

Жан, бедняжка, все это время был вынужден поддерживать благочестивую беседу со сво-

ей соседкой слева. Некая мадам Брикур, пенсионерка. Ее очень интересовали современные теологические воззрения на загробную жизнь и прочая ерунда. Он сидит весь красный, ерзает, того и гляди в штаны спустит, а она “блаженный Августин”, “блаженный Августин”.

Хотя вообще-то неизвестно еще, кого Жанна таким манером больше измучила, себя или мужа.

В московском аэропорту, когда вся группа дисциплинированно отправилась в ресторан, супруги, не сговариваясь, чуть не бегом кинулись искать место. Любое.

Жан увидел туалет, потащил жену в кабину для инвалидов.

Оглянулись — вокруг никого. Ночь все-таки.

Юркнули внутрь.

Он рванул с себя джинсы. Жанна — трусики, платье задрала до подмышек.

Сначала встала коленками на крышку унитаза, но это было неудобно.

Жан поднял ее, прижал спиной к стене. Жанна обхватила его ногами.

— Ых.

— Аа!

0.6/7

а н н а б о р н с о в а

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

— blx

— Aa!

[illegible]

0.6/7

T A M . .

— Aa!

— blx.

— Aa!

— bix

— Aa!

— blx.

— Aa!

— blx

— Aa!

— bix.

— Aa!

— Хххыааааааааа!

Расцепились.

Он пошатывался. У него все плыло перед глазами.

Она села на унитаз. У нее подкашивались ноги.

— Давай... — Голос у Жана прерывался. — Давай каждый отпуск что-нибудь такое придумывать.

— Помоги подняться, — слабо попросила Жанна.

Посмотрелась в зеркало. Ну и видок. Все лицо потекло. Ужас.

Подобрала с пола сумку.

Придется все смыть к черту и накрастись заново. На люди с такой рожей точно не выйдешь.

— Ты иди, подожди меня где-нибудь. Тут какой-то бар рядом. Дай сюда салфетки...

Жан застегнул ремень.

— Да, я бы выпил. Тебе что взять? Кампари с грейпфрутовым?

Выходить надо было осторожно, для начала выглянув в щелочку. Не догадался.

Раскрыл дверь слишком широко, а в мужской туалет направлялись два каких-то типа. Ну и увидели, конечно, как Жанна перед умывальником салфеткой вытирается.

Один, ложенный блондин, ухмыльнулся.

Другой, смуглый молодой парень в черном мешковатом костюме, брезгливо поморщился и сплюнул.

МУСА

первый Исполнитель. Смуглый парень в мешковатом костюме, 20 лет

“А-uzu би-ллахи мин аш-шайтан ар-рад-жим!” Прибегаю к Аллаху от Шайтана, побиваемого камнями!

Магическую формулу, что отгоняет дьявольское наваждение, за последние два дня Муса был вынужден произносить беспрестанно. Сколько диковинного, ужасного и даже совершенно невероятного насмотрелся он за эти два дня! Больше чем за все двадцать лет жизни. А ведь перед отправлением в Священный Путь он прошел месячный курс спецподготовки, где его, казалось бы, всему научили и ко всему подготовили.

Как нужно себя вести в *Дар-ал-харб*, на “территории войны”, населенной неверными. Как ходить, чтобы не вызывать подозрений.

Как отвечать на вопросы цепных псов из паспортного контроля, таможни и службы безопасности. Как есть и как пить. Чего ни в коем случае не делать. Тысяча всяких хитростей и премудростей. Знания, почерпнутые за годы обучения в мадраса, ко всей этой науке никакого отношения не имели.

Еще три дня назад он был среди своих, в голой комнате, единственным украшением которой было каллиграфически выписанное изречение Пророка.

А потом время, по воле Аллаха, замедлилось и стало тягучим, как мед.

Муса видел ночной город, освещенный разноцветными адскими огнями. Дороги, наполненные машинами. Огромные толпы людей, не похожих на людей.

Много, много всякого.

Уже дважды он пролетел по небу в самолете. Военная хитрость требовала, чтобы Муса попал к месту Последней Битвы не напрямую, а кружным путем, через страну узкоглазых.

В самолете работало "око Шайтана" — телевизор, про который учителя в мадраса рас-

сказывали столько страшного. Действительность оказалась еще омерзительней. Враг рода человеческого искушал Мусу соблазнительными картинками, но Муса посмотрел совсем немножко, одним прищуренным глазом, и зажмурился. На экране неистовствовали полутолые гурии, вращали бедрами, пели бесовские песни.

Известно, что в мире *кафиров* главенство принадлежит распутным женщинам. Они ведут себя там, как хозяйки.

Девять лет провел Муса в стенах своей *мадраса* и за все это время не видел ни одной женщины. Только изредка, из окна верхнего этажа. Ученики пробирались туда украдкой, чтобы подсмотреть, как по улице грациозно двигаются черные, укутанные фигуры, полные соблазна и тайны. Даже мать с сестрами Мусу ни разу не навещали, чтобы не отвлекать от благочестивости.

Ну что сказать про женщин?

Теперь, когда Муса достаточно на них посмотрелся, он чувствовал разочарование. Вблизи они оказались не столь уж прекрас-

ными. И совсем не таинственными. Они выставляли напоказ голые ноги, плечи и даже пупы, но на Мусу эти искушения действовали уже не так сильно, как позавчера. Тогда в очереди на паспортный контроль светловолосая бесовка задела его обнаженным локтем, и с Мусой случилась *джанаба*. Поскольку шахид освобожден от *тауба*, покаяния, Муса ограничился короткой очистительной молитвой и омовением, но все равно на душе остался стыд.

Вот и ныне, увидев то, что оскверняет взгляд, Муса испытал острое волнение плоти.

Учителя много раз говорили, что женщины неверных бесстыжи и безнравственны. Но одно дело слова, и совсем другое — увидеть собственными глазами развратницу, стоящую враскоряку перед умывальником и подтирающую срамное место в присутствии своего любовника!

Муса не сдержался и сплюнул, чтобы сок похоти не задержался во рту.

Связник потянул его за рукав.

— Пойдем, брат, пойдем.

Виновато опустив голову, Муса пробормотал извинение. Его ведь предупреждали, что на территории врага он увидит много мерзостей, ни в коем случае нельзя плевать или закатывать глаза, а очистительную молитву следует произносить лишь мысленно, без шевеления губ. Иначе вражеским соглядатаям, которые там повсюду, его поведение покажется подозрительным.

Они вошли вдвоем в мужскую уборную. Там было пусто, но связной предостерегающе поднял руку. Присел на корточки, заглядывая в кабинки снизу. На одну показал пальцем: кто-то есть.

Они подождали, делая вид, что мочатся. Что такое писсуары, Муса знал, ему показывали на картинке. Но справлять нужду стоя, по-собачьи, могут только *кафиры*.

Из кабинки вышел старик в очках с застывшей улыбкой на морщинистом узкоглазом лице. Сполоснул руки, вышел.

Только теперь они крепко обнялись.

— Как я рад, что ты благополучно добрался сюда, брат, — сказал связной.

Они встретились всего пару минут назад, в обговоренном месте. Как будет выглядеть связной, Муса не знал. Нипочем не подумал бы на высокого белолицего блондина, стоявшего под рекламой кофе. Но блондин подал условный сигнал, и Муса последовал за ним.

Достаточно было обменяться несколькими фразами, чтобы понять: это человек большой учености, настоящий *муфти*. О, как красиво произнес он пароль, тридцать третий аят суры “Покаяние”! “Он — тот, который послал Своего посланника с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели это многобожники”.

Как чисто говорил связной на языке Книги! Даже лучше, чем сам Маулана Фатх, главный наставник *мадраса*. Не говоря уж о Мусе. В училище он считался первым учеником по арабскому, потому что не просто выучил Книгу наизусть, а мог понимать каждое слово. Отец мечтал, что Муса выучится на муллу, но судьба уготовила ему куда более завидную юдоль. Ибо сказал Пророк: “Лучше один час

сражения на Пути Аллаха, чем шестьдесят лет «молитвы»

Они вошли в кабинку и заперлись. Связной снял пиджак из дорогой, тонкой ткани. На шелковой подкладке золотом были вышиты латинские буквы W.A. Но и без золотых букв было видно, что это человек из богатой и благородной семьи. У себя в Пешаваре людей такого полета Муса не видывал. Наверное, сын имама или настоящего шейха. А что волосы светлые, так это нарочно покрасился. Чтобы обмануть врагов.

Вот как вознесся ничтожный талиб Муса! Вот какой человек его обнимает и называет братом. Воистину сладостна участь шахида.

Когда Муса исполнит Долг, его родные получат поздравление и устроят торжество. Они больше никогда ни в чем не будут нуждаться, потому что их семья произвела на свет Мученика Веры. Самого же Мусу ожидает ни с чем не сравнимое блаженство.

Сказано в хадисе Микдама ибн Мада, что Мученик получит Семь Особых Благ от Аллаха.

— Он будет прощен, едва лишь прольется его кровь.

— Он увидит свое место на Небе.

— Он обрядится в одеяние Веры.

— Он сочетается браком с семьюдесятью двумя прекрасными гуриями небесными.

— Он будет избавлен от кары могильной и Великого Ужаса в Судный День.

— Глава его будет увенчана Венцом Достоинства, яхонт которого прекрасней всего, что есть на земле.

— Ему будет даровано право молить Аллаха за семьдесят своих родственников.

Шахид попадает в Благословенный Рай без всяких испытаний, без страшных мук чистилища *ал-Барзах*. Мученику Веры даже не нужно посмертного омовения. Но Муса решил, что все-таки взорвет бомбу над океаном, чтобы частицы его брэнного тела были орошены водой. Жалко лишь, что при жизни он так и не увидит, какое оно, море. Неужели действительно ничего, кроме воды, от горизонта и до горизонта? Воистину чудесны творения Господа!

Самолет лопнет и развалится. Душа Мусы вознесется прямо в Джанна, души двухсот *кафиров* ухнут в крошечный *Джаханнам*, и весь мир узнает, что воинство *Джихада* нанесло новый сокрушительный удар по американско-еврейскому *Иблису аш-Шайтану*.

У *Иблиса* в арсенале ракеты и атомные бомбы, миллиарды долларов и страшная *Всемирная Паутина*. У мусульман только Вера и Самопожертвование. Но победа будет за *Дар-ал-исламом*. Потому что Божий Дух сильнее *Дьявольской Мышцы*, а страдания правоверных вызывают о возмездии.

В боговдохновенном трактате святого мученика Шейха Аззама "Присоединяйтесь к каравану" сказано: "Помыслите о миллионах мусульман, которых подвергают чудовищным унижениям и преследованиям, обрекая на жизнь в скотском состоянии. Они лишены возможности защитить свою честь, жизнь и имущество. Мужчина даже не может отбросить себе бороду, какая ему нравится, ибо это знак приверженности Исламу. Его жене не дозволяется носить длинных одеяний в соот-

ветствии с законами Ислама, ибо это почитается преступлением. В иных странах мусульманским женщинам не разрешают прикрывать волосы, а полицейские имеют право среди ночи взять мусульманскую девушку за руку и увести туда, куда им угодно”.

В том, как неверные глумятся над мусульманами, Муса убедился и сам. В предыдущем аэропорту его, одного из всей очереди, увели в закрытую комнату. Не только всего обшарили руками, но еще раздели догола и сунули в нечистое место палец в резиновой перчатке! Он стерпел все измывательства, потому что знал: скоро воздаст *кафирам* сполна.

Враг силен и подл, но воины Господа изобретательнее и умнее.

Неверные ничего не нашли у Мусы и отпустили его. Глупцы! Они не знали, что в транзитной зоне он встретится со Связным.

Под дорогим пиджаком у брата был жилет. По виду самый обыкновенный. Но когда брат его снял и передал Мусе, ткань оказалась тол-

стой и мягкой, будто наполненной каким-то живым веществом.

— Твое место близ окна, — стал объяснять Связной, помогая Мусе надеть жилет. — Когда ты будешь готов, надави вот на этот бугорок. “Сокрушительное извержение” прорвет шкуру “железной птицы”.

Связной так выразился, потому что в Коране нет слова “взрыв” и тем более слова “самолет”. Муса почтительно слушал наставление, хотя все это ему много раз объясняли во время спецподготовки.

— Перед самой посадкой в “железную птицу” тебя ожидает еще одна проверка. Улыбайся. Не суетись взором, но и не смотри в одну точку. Они ничего не найдут. Их хитроумные устройства не смогут обнаружить сие зелье. Если даже раздастся звон тревоги, не беспокойся. Зазвенит пряжка пояса или мелкая монета в кошельке. Они могут тебя даже ошупать своими погаными руками, но потайное вместилище без рукавов мягкое, как плоть. Тебе нечего страшиться.

А Муса и не боялся. Во всяком случае, сейчас, когда жилет был уже на нем. Нажать на

клапан он всегда успеет, так что в плен его теперь точно не возьмут.

Нет ничего ужасней, чем оказаться в плену у неверных.

В *мадраса* показывали видеозапись, снятую в иракской тюрьме. Как охранницы-кафирки заставляют мусульман голыми ползать на четвереньках. Как полицейские собаки с черными, морщинистыми мордами хватают скованных наручниками людей за горло. Таких собак, с тупыми жабыми рылами, Муса боялся с детства. Называются они “бульдоги”. Вцепится бульдог своими страшными челюстями — не отпустит. А еще в американской тюрьме Гуантанамо, на острове Куба, янки тайком подкладывают заключенным в еду кусочки свинины! Так вот опоганишься и даже не узнаешь.

Еще хуже американцев русские. В школе было несколько ребят из Чечни. Они рассказывали про русских военных и полицейских такое, что Муса заранее решил: если в московском аэропорту его схватят прежде, чем он наденет спасительный жилет, лучше разбить

себе голову о стену. Или подавиться собственным языком.

А с жилетом что. Раз — и ты на небе.

Связной повертел Мусу и так, и этак.

— Хорошо. Теперь и пиджак сидит лучше.

Понимать его все-таки было трудно. Например, слово *минтаф* Муса не понял. В Кора не оно ведь не встречается. Связной перевел: *малябис*, верхняя одежда.

— Пойдем, брат, — сказал он. — У тебя еще полчаса. Посидим, выпьем *шай*. Хочу напиться твоей благости.

Это был настоящий дар судьбы. Провести последние минуты на земле не в тоскливом одиночестве, а со своим. Муса чуть не проследил за ним.

Они сели поблизости, в маленьком баре. Там было темно и совсем мало людей.

Тот косоглазый старик.

Распутник из туалета.

Негритянская женщина с ребенком.

Еще одна женщина сидела у стойки, навалившись на локоть. Сбоку юбка у нее задрала-

лась, было видно ляжку в прозрачном чулке. Пришлось отвернуться.

Брат принес Мусе чашку чаю, а себе высокий стакан, в котором лежали куски льда и плескалось немного желто-коричневой жидкости — недостаточно, чтобы удовлетворить жажду.

— Что это, брат? — с любопытством спросил Муса.

— Виски.

О, как это хитро! Про человека, пьющего эту отраву, никто не подумает, что он мусульманин.

Связной мужественно отхлебнул из стакана и даже не поморщился.

— Горько? — шепотом спросил Муса, сострадательно скривившись.

УОЛФОРД ЭШЛИ

он же Тарик бин-Вахф, он же Троц, он же Ястреб. Диспетчер, 300 лет

— В этот благословенный день даже ядовитое зелье слаще меда, — ответил Ястреб на цветистом языке Корана.

И не соврал. Ничего лучше паршивого “Чивас-Ригала” в этом паршивом баре не нашлось, но никакой “Макаллан миллениум” по две тысячи фунтов бутылка не доставил бы ему столько наслаждения. Такого кайфа от обычного глотка виски Ястреб не получал за все триста лет своей гребаной экзистенции.

По обычному человеческому исчислению ему было в десять раз меньше, но протяженность земного бытия измеряется не календарными годами, а количеством исчерпанных жизней. Уолфорда Эшли, появившийся на свет Тариком бин-Вахфом, потом ставший Троцем,

а ныне известный соратникам под кличкой Ястреб, на своем веку состарился четыре раза. Если считать, что у среднестатистического двуногого засранца от рождения до старости проходит семьдесят пять лет, в сумме выходило аккурат три сотни годков.

Первая жизнь прошла в мраморном дворце, где журчали фонтаны, благоухали тенистые сады и все вокруг было белое либо зеленое. Мальчик с утра до вечера постигал Божественную Премудрость, ибо дед Абдалла свято верил в спасительность религиозного воспитания. Учили маленького Тарика не так, как этого пешаварского обсоска в его захолустной *мадраса*. Во дворец приходили лучшие богословы, истинные светочи Ислама. Никаких живых людей, кроме этих почтенных старцев, Тарик не видел, слуги не в счет, и потому вскоре сам тоже превратился в юного старичка. У него не было друзей, не было родителей. Зачем? Все мироздание заполняли две величественные тени: Аллаха на небе и деда, Его Наместника, на земле.

Вторая жизнь.

Она бурно началась, бурно шла и бурно закончилась. Однажды, когда Тарика везли домой из мечети, на "роллс-ройс" напали люди в масках и увели восемнадцатилетнего старца с собой. Он подумал, что его похитили ради выкупа, и вяло сказал себе: "На все воля Аллаха". Но один из похитителей сдернул с лица черную ткань, на худом лице горели воспаленные глаза. "Здравствуй, сынок. Жаль, мать не дожидается до этого дня". Оказалось, что у Тарика есть родители: парочка полоумных леваков, причем мамаша, немка из группы Баадера-Майнхоф, к тому времени уже завершила свой шумный земной путь. Еще оказалось, что настоящее его имя не Тарик, а Троц, в честь знаменитого русского революционера. Никакого Аллаха, как выяснилось, не существует. А все зло на земле от американских империалистов и их прислужников вроде деда Абдаллы. Жизнь, которую Троц бин-Вахф провел с отцом, была короткой. Но такие жизни длинными и не бывают, а старятся от них еще быстрее, чем от изучения священных книг. Троц видел, как

умирают те, кто хочет умереть. Видел, как убивают тех, кто умирать не хочет. Убивал сам. От всего этого он снова стал стариком. На последнюю акцию, с которой живым никто не вернулся, отец его с собой не взял.

Третья жизнь.

Самая тоскливая из всех. Узнав о гибели своего непутевого единственного сына, Абдалла умер. Его миллиард достался внуку, который из Троца снова превратился в Тарика. Он получил все, что могут дать человеку деньги. И лишился всего, чего они человека лишают. Становиться стариком в третий раз было мучительно. Он не умер только потому, что боялся смерти. Черт ее знает, что в ней было такого уж страшного, но боялся, и все тут. Должно быть, перед той последней акцией отец прочел этот страх в его глазах, потому и сказал: "А ты с нами не идешь. Прощай".

Третью жизнь вытеснила четвертая, когда Тарик понял, почему он боится смерти, и понял, что боится ее напрасно.

Это произошло 11 сентября 2001 года. До того дня он относился к воинствующим исламистам с презрением. Это было что-то из его позавчерашней жизни. Но когда увидел, как самолет врежется в небоскреб, на Тарика произошло озарение.

Он боялся не Смерти, он боялся Жизни! Боялся, что со смертью все не закончится, а начнется новая тягомотина, какая-то другая форма бытия, пускай не похожего на земное, но такого же неотвязного и нескончаемого.

Тарик смотрел на телеэкран в гостиной своего кенсингтонского особняка и не мог оторвать взгляд от черного дыма, что поднимался к небу из горящих зданий-близнецов. Это жизней бывает много, а Смерть она одна! Она не обманет, прикидываться ничем не станет. Она — Черное Ничто.

Ему неистово захотелось влиться в эту Черноту, раствориться в ней без остатка.

Но откуда-то возникло твердое знание, что сделать это не так просто. Чтобы смерть оказалась Смертью, нужно принести ей жертву, сделать вступительный взнос.

Он стал про это думать. Так пришло новое озарение.

Для того чтобы Чернота была абсолютной, ей нужен ореол из ослепительных искр. Когда самолеты Ангелов Смерти врѣзались в небоскребы, во все стороны разлетелось три тысячи искорок, по числу погибших баранов, пожертвованных во всеожожение. Черному дыму необходим яркий огонь. Ибо дыма без огня не бывает. Ведь сколько раз слышал эту поговорку, а истинного ее смысла не понимал!

Так родился Ястреб. Прочее было вопросом техники.

Деньги деда плюс имя отца плюс знание исламской премудрости, засевавшее в голове с детства, помогли обзавестись соратниками и вступить в контакт с Организацией.

Четвертая жизнь по силе ощущений была интенсивней секса и пронзительней кокаина. Главным образом из-за того, что она была последней.

Ястреб возглавил автономную ячейку, которая координировала свои действия с Органи-

зацией, но никому не подчинялась. Сегодняшнюю операцию с кодовым названием "Гром Небесный" он разработал и подготовил сам.

На это ушло полгода.

Все было тысячу раз проверено и перепроверено. Любые теоретически возможные ситуации и неожиданности смоделированы и просчитаны на компьютере.

В двенадцати аэропортах, расположенных в разных точках планеты, диспетчеры одновременно *навьючивают верблюдов*. Предположительно треть из верблюдов струсит или делает что-то не так. Вторая треть завалится на досмотре. Но третья исполнит все как надо. Минимум четыре самолета взорвутся в один день. Эффект будет сравним с 11 сентября. И это еще только предварительная иллюминация. Не более чем зарница перед настоящим ударом Молнии.

Ястреб еще не готов стать Чернотой. Когда он устроит свой финальный фейерверк, весь мир ослепнет от этого сияния.

Сначала Уолфорд Эшли, пресыщенный яппи, доучится в летной школе. Но его начинен-

ный взрывчаткой самолет врежется не в глупый небоскреб, вместо которого выстроят новый, еще выше прежнего. Во всесожжение будет принесено здание-символ, который ничем не заменишь и заново не выстроишь. Капитолий, Биг-Бен, Кремль, собор Святого Петра, Лувр, Эйфелева башня. Что-нибудь в этом роде.

В последний миг Ястреб увидит великолепный сполох. И больше ничего. Настанет Чернота.

Верблюд все лепетал что-то на своем смехотворном арабском. Ястреб не особенно вникал, отделиваясь междометиями. Но на вопросительную интонацию среагировал.

— Брат, грех ли, коли я исполню волю Аллаха над зеркалом вод?

— Что ты спрашиваешь, брат?

Оказывается, парнишку волновало, может ли он взорвать бомбу над океаном.

— Не должно того творить, брат. Обломки “железной птицы” да падут на град неверных. Сотвори праведное дело, егда птица начнет спускаться.

Смутная физиономия “брата” омрачилась. Ястреб же ободряюще улыбнулся.

Он мог прислать сюда с бомбой кого-нибудь из помощников, но разве тогда показалось бы ему виски таким вкусным? Ястребу нравилось быть диспетчером.

Эту миссию он исполнял уже в третий раз. Первая попытка закончилась пшиком. Верблюд от нервов лишился чувств, так и не приведя взрыватель в действие. Хорошо хоть мину не обнаружили. Во второй раз самолет был уничтожен, но произошло это на российской территории, и местные власти при расследовании замяли дело, свалили крушение на ошибку экипажа. Весь эффект пропал.

С “Громом Небесным” такого не произойдет. Взрывов будет несколько, их не спрячешь. Вопрос лишь, какая именно из лошадок, то бишь верблюдов, дойдет до финиша. Тарик готов был поставить на своего.

Аэропорт тут очень хороший. Служба безопасности многочисленна, но не слишком ретива. Терагерцевых детекторов, способных обнаруживать пластиды, пока не установлено. Та-

рик несколько раз проходил через здешний контроль в жилете, и ничего. Правда, с его внешностью и паспортом на имя Уолфорда Эшли это нетрудно.

Единственно, верблюд что-то совсем уж дикий. Не выкинул бы от дремучести какой-нибудь фортель. По правилам, передав мину, диспетчер должен немедленно отваливать, но Тарик решил довести придурка до самого гейта. Если выдаст себя и попадется, нужно будет отойти подальше и нажать кнопку дистанционного пульта. Взрыв в аэропорту, прямо в очереди на рейс, это, конечно, не падение самолета, но на худой конец содится.

И тут Тарика как ударило.

А что если... А что если попробовать нажать на кнопку, когда самолет только-только оторвется от взлетной полосы?!

Вдруг сработает?

Радиус действия пульта пятьсот метров. Должно хватить!

Даже голова закружилась.

Международный аэропорт одной из мировых столиц парализован. Все пассажиры само-

лета погибли. Если повезет, машина еще и рухнет на жилые дома, здесь вокруг довольно густая застройка.

Главное же, это сделает не какой-то там верблюд, а сам Ястреб, собственной рукой! И увидит все не на видеозаписи, а своими глазами!

Верблюд опять что-то пробормотал, но Ястреб не услышал, потрясенный величиной идеи.

— Что ты молвил, брат?

С верблюдом что-то происходило. Он весь напрягся, глаза с ужасом смотрели в одну точку.

Обернувшись, Ястреб увидел у входа двух мужчин в форме. Один, повыше ростом, держал на поводке собаку, рыжего боксера. Охранники молча оглядывали помещение, словно еще не решив, заходить или нет.

Ничего особенного. Обычные пешки из аэропортовской службы безопасности. Серьезные люди, кого следует опасаться, в форме да с псиной на поводке не ходят.

— Упокой трепет своей души, брат, — вполголоса сказал Ястреб. — Эти неверные просто желают утолить жажду.

КОЛЫВАНОВ

старший контролер службы безопасности, 27 лет

— Ну, че встал? — сказал Колыванов. — Заходим или че?

Губкин сказал:

— Кузя чего-то напрягся.

— Хуюзя, — сказал Колыванов и вошел в бар первым.

Это у них в отделе так заведено было, неважно кто с каким напарником. Каждый час, когда обход участка, можно минут на пять, на десять зайти, попить чего-нибудь. Не то чтобы разрешается, но в принципе нормально.

Губкин, понтырящик дешевый, взял кофе “экспресо”. Хрен его знает, почему так называется. Кофе как кофе, только чашка маленькая и без молока. Барбосу своему, как обычно, Губкин заказал колы. Себе Колыванов взял пива.

Вслух сказал: “Дай-ка безалкогольного”. На дежурстве алкоголь ни в коем случае нельзя. Бармен Влад, ему объяснять не надо, налил нормальной “Балтики”. Запах-то один, хрен кто разберет и докажет, какого пивка выпил Колыванов, алкогольного или нет.

Кладя на стойку деньги и забирая сдачу, Колыванов ощутил привычное раздражение. Не полтинника сраного жалко, другое ломало. На прежней работе нипочем бы он не стал на собственной территории за пиво платить, это себя не уважать, конкретно.

Собака Губкина со свистом и хлюпом лала колу из блюда, рыжая задница с обрубком хвоста от удовольствия ходила туда-сюда. Сам кинолог, оттопырив мизинец, сосал свое кофе. Ну а Колыванов после первого, самого сладкого глотка по привычке тренированным взглядом осмотрел граждан. А то на этом припухалове все профнавыки растеряешь.

Рядом у стойки сидела очкастая телка в возрасте, хорошо бухая. Звенела кусочками льда в бокале. Ладно.

В углу дед-япошка. Или китайса. Сейчас стало много китаез, которых от джапов не отличишь. Богатеют, суки косоглазые. По телику говорили, у китайцев больше всего долларов накоплено. С каких, интересно, шишей? На нашем Дальнем Востоке они все рынки под себя взяли, русскому человеку не сунься. Вот и варят бабло тоннами. Ладно.

За столиком посередке кобел иностранный, один, но с двумя коктейлями. Ждет кого-то. Ладно.

Дальше чудная пара. Прикинутый мистер с чуркой азиатским. Чурка косился на людей в форме как положено: с опаской. Этот взгляд Колыванов хорошо знал по прежней службе, патрульно-постовой. Поймаешь у чурки на улице такой взгляд, можно смело брать. Или документы не в порядке, или еще что. Железно. Но в аэропорту свои замороки, тут все по инструкции. Опять же чурка не один. Такие парочки Колыванов уже видывал. В городе встретишь, подумаешь, мажор снял пидора вокзального. А на самом деле это крутые иностранцы, когда путешествуют, слугу с собой во-

0.10

н
з
м
.
.

зят. Батлер называется. Чаще всего батлером как раз чурка — пак или индус. Ладно.

Чернорылая лярва с киндером. Что лярва, без вопросов. Уж этих-то Колыванов на старой работе научился сходу распознавать. По походке, по тому как башкой вертят, по глазам.

Эх, были денечки. Когда Колыванов за старшего наряда попадал и в тачке подбирались нормальные пацаны, обязательно личный состав “субботником” баловал. Подвал у них такой был, специальный. Набьют полный “кузов” шалав уличных, кто без крыши. Отвезут и давай пялить. Колыванов силу всегда на концец приберегал, к десерту. Порядок у него был такой, девки знали: кто меньше всех стараться будет, попадет в “ведьмы”. Это значит в очко метлу обрезанную вставят и прикажут по полу ползать. От того, как лярвы Колыванова стремились, как перед ним лебезили, он больше всего заводился.

Золотая была работа. Весело, башлево. И коллектив хороший. Грех жаловаться.

С улицы в такое место хрен попадешь. Но Колыванова будто сила какая-то по жизни ве-

ла, не давала пропасть, всегда выводила на правильный путь.

0.10

Он в патрульно-постовую как попал?

Нетипичным, можно сказать, образом.

Н
В
М
.
.

После дембеля завис без дела. Расслабился. Работать нигде не работал, пару раз с ребятами ларьки грабанули, по мелочи. Ну там магнитолау из тачки вынешь. Мужика поддатого в переулке тряханешь. Запросто мог, как говорится, по кривой дорожке пойти. Все к тому шло.

В конце концов запалились всей командой, по крупняку.

Наварили на Плешке одному черножопому. Не из-за денег, а чисто из патриотизма. Чтоб знал свое место. А он возьми и перекинься. Тут, блин, началось. Вонь до небес. Газеты, телевизор. Короче, взяли всех, без разбору. И стали трясти по-взрослому.

Тогда-то Колыванов с “батей”, с Сергей Сергеичем, и познакомился.

Сергей Сергеич во время допроса сидел тихонько в углу. Следователь на Колыванова и матом, и кулаком в печень, и по-всякому, а

Сергей Сергеич молчок. Типа журнальчик листает. Потом подсел культурно, галстук поправил и по-хорошему, по-человечески с Колывановым поговорил. Ломится тебе, Толик, восемь лет строгого, без вариантов. Такое сверху получено указание. Парень ты вроде неглупый, поумней дружков своих. Жалко тебя. Это ты сейчас перед ними красуешься, а сидеть вам поврозь придется. Дай показания, не губи себе жизнь.

Ну он и дал. Пацанов всех по полной упаковали, а Колыванова “батьа” не обманул. Отпустил. Походишь, говорит, у меня пока на поводке. Если задуришь, посажу с прицепом. “Прицеп”, Толя, это когда в зону про человека дают объяву, что он стукач. Ну а будешь стараться, получишь путевку в жизнь.

И после испытательного срока направил Колыванова на работу в правоохранительные органы, на передовой край борьбы с лярвами, уродами и нарушителями паспортного режима.

Жил Колыванов как бог. Раз в две недели или когда что чрезвычайное давал “бате” ин-

формацию по своему отделению. У Сергей Сергеича людей вроде Колыванова много где было, в самых разных местах, не только в ментуре.

Что спорел, не удержался на хорошей работе, сам виноват. Хача одного, административно задержанного, уделал крепче нужного. Не нарочно, от нервов. Психанул немного.

“Батя” сказал: “Увольняйся сам, так лучше будет. Пока разруливать буду, посидишь в тихом месте. А там посмотрим”.

И пристроил в аэропорт. Тоска тут. Работа вроде чистая, и зарплата приличная, но кого она парит, зарплата? Прибашлять не на чем, душу отвести тоже. Если б не Сергей Сергеич, Колыванов давно бы уже отсюда свалил.

Пиво кончилось. Колыванов дососал пену, вздохнул.

Напарник Губкин опустился на корточки, взял пса за брыли, повернул ему башку кверху.

— Кузнечик, ты чего нервничаешь? Болит что?

Дурдом, блин. Еще поцеловался бы со своим уродом слюнявым.

Что Колыванова больше всего тут напрягало — на новой работе кругом были одни козлы. Процентков семьдесят как минимум, просто поговорить не с кем. А Губкин-Залупкин из всех придурков самый первый, с этой своей улыбочкой. Не то пидор, не то стебанутый на всю голову. А скорей всего, стебанутый на всю голову пидор.

— Хорош, пора уже, — поторопил он Залупкина.

АЛЕКСАНДР ГУБКИН

кинолог, 32 года

— Погоди.

Что сопишь? Что ухом дергаешь? Что тебе не так? Это Губкин у Кузьки уже без слов спросил. Хозяин и собака, если у них правильные отношения, друг с другом глазами говорят.

Взгляд у Кузи был неуверенный. Видно, сам не очень понимал, отчего нервничает. Но вставать явно не хотел.

— Еще колы?

Боксер оскалился. Коричневую бурду с пузырьками он мог дуть в неограниченных количествах. На последний День пограничника, Кузин профессиональный праздник, Губкин ему два литровых жбана поставил. Рыжий потом полдня рыгал. Зато был счастлив.

Собаку легко сделать счастливой. Угостил чем-нибудь, поиграл, пузо почесал. Еще лучше — похвалил или просто поговорил ласковым голосом. Бесхитростная душа всякой радости открыта.

Правда, отец Кирилл сомневается, что у собачья душа есть, а Губкина обвиняет, что он животное больше ближних любит. Но любовь ведь бывает разная. Одно дело христианская, другое личная. Так сказать, Большая и Малая. Хотя отец Кирилл и с этим не согласен. Малая любовь, говорит, от малой веры.

А вот другой умный человек, старший инструктор Зайченко, сказал как-то, что у Губкина семейная жизнь не сложилась, потому что бабы христосиков не любят. Женщине нужна любовь конкретная, персонально для нее. И еще чтобы любовь эту из мужика требовалось клещами вытягивать. Те, кто готов и так сразу все отдать, женщинам неинтересны.

Губкин много про это думал. Наверное, Зайченко прав. Ни с кем у Губкина прочных отношений не получалось, и некоторые девушки примерно что-то такое ему на прощанье и

говорили, в сердцах. Что он ни рыба ни мясо, что не мужик, а размазня. Но это не потому, что они плохие, женщины. Просто так их воспитывают. Кино, телевизор, матери, старшие подруги. Все наше общество. Что секрет жизненного успеха очень прост: нужно к мужчине пристроиться и тянуть из него все, что можно. Женщин, которым приходится самым чего-то добиваться, у нас даже жалеют. А мужчину, если из него тянуть особенно нечего, презирают.

Какой, к примеру, из Губкина муж? Он, может, и рад бы все отдать, да что отдавать-то? Однокомнатная квартира в драной пятиэтажке. Ползарплаты отцу Кириллу на нужды прихода жертвует, потому что зачем одинокому, здоровому человеку в месяц целых пятнадцать тысяч? Он бы себе и меньше оставлял, но Кузьку надо хорошо кормить.

— Ну ты меня достал, козлина, — выругался Колыванов, когда Губкин взял еще одну банку колы. — Блин, я твоему кабысдоху в хавку булавочек насыпалю!

А Губкин промолчал. Жалко ему было Колыванова. Ему вообще людей было жалко. По-

тому что ведь умрут все. Бывало, встретится какой-нибудь совсем уж пропащий. Ну просто дрянь человек, вроде того же Колыванова. Но тоже живая душа, беззащитное тело. Чем злее сердце, тем оно несчастней. Как не пожалеть? Наверное, Господу, Который неуязвим и бессмертен, каждого из нас еще в тысячу раз жалче.

Что Губкин на грубость не ответил, напарник, конечно, по-своему истолковал. Как признак слабости. Такое у злых людей устройство. Будто у дворняжек беспризорных. Кто их по носу палкой, перед тем они хвост поджимают. Кто не огрызается, того они зубами за лодыжку.

Чтобы не расплескать колу, Губкин присел на корточки. Так Колыванов его нарочно носком ботинка задел, по щиколотке, и сказал:

— У, мелочь занюханная.

Вот уж мелочью Губкин себя нисколько не ощущал. Свою должность втайне именовал красиво: Хранитель Неба. Гордыня, конечно, и нескромность, но ведь не вслух же.

В юности, когда выбирал жизненный путь, пришло в голову, что имя человеку при креще-

нии дается не спроста, а по Промыслу. Если те-
бя нарекли Алекс-Андр, твое дело оберегать
людей. Так на роду написано.

Работа у Губкина была хорошая и очень от-
ветственная.

Вот из Колыванова какой хранитель, какой
инициатор? Только и смотрит, где бы напакос-
тить, кого бы побольней обидеть, что бы ур-
вать. Губкин нарочно попросил Михалыча,
старшего смены, чтоб почаще ставил в пару
Колыванова. За ним присмотр нужен.

Что-то Кузька вел себя странно. Понюхал
блюде, но пить не стал, а поднял морду и
вдруг тихонько заскулил. Такого с ним не бы-
вало со щенячьего возраста.

КУЗЯ

второй Исполнитель.

Рыжий боксер, 6 лет

Он сам не понимал, что с ним.

Запах, страшнее которого нет ничего на свете, сочился ниоткуда. Сначала он был совсем слабый. Кузя хоть было и занервничал, но Пузырящаяся Вода на время заставила его забыть о тревожном явлении. Пузырящаяся Вода чудесно щекотала нос и горло, у нее был вкус счастья.

Но когда блюдец было вылизано досуха, Запах накатил новой волной.

Он был хорошо знаком Кузе. Вещи, от которых так пахло, были не похожи одна на другую, но Запах от них почему-то исходил один и тот же, от него хотелось поджечь хвост и попятиться.

Например, так пахла штука, которую Хозяин иногда вешал себе на пояс.

Так пахло из-под колес машин, когда они проносились по дороге на бешеной скорости.

Так пахло от дохлой крысы на помойке.

Он, этот Страшный Запах, отчасти был похож на аромат опасности, нередко они возникали одновременно. И все же он был другой, не спутаешь. Аромат опасности был будоражащий, даже приятный. От Запаха же в Кузе все будто сжималось.

Обычно Самый Страшный Запах шел из какого-то определенного, понятного места. Можно было отвернуться, отойти, и тогда тревога ослабевала. Сейчас же ужас был словно разлит повсюду, с каждой минутой он ощущался все сильнее.

— Ты что? — тихонько спросил Хозяин. — Ты меня не пугай. Заболел?

Тухлый тоже что-то сказал. Злое, с подрыванием. Тухлый не любит Хозяина. И Кузю не любит.

Была у Кузи сладкая, неосуществимая мечта. Вцепиться Тухлому клыками в ляжку. Долго не отпускать, а потом хорошенько рвануть, с вывертом. Но кусать людей нельзя. Совсем нельзя.

Иногда Кузе снилось, как он гонится за каким-нибудь Врагом и сначала долго не может догнать, потому что лапы не слушаются, но потом все-таки догоняет и впивается зубами в мягкое. Просыпался — становилось стыдно.

Когда Кузя был молодой и глупый, с ним случилось Приключение. Он сошел с ума, сбежал на Запах Любви и провел два незабываемых дня вне Дома. Было три победоносных драки, от которых пасть наполнялась горячей кровью. Кузя стал в стае главным. Сначала у них была одна сука на всех, потом отбили у чужой стаи вторую. Он залезал на сучек, когда хотел, а остальные кобели должны были ждать.

Но появился Хозяин, посмотрел в глаза. “Никогда так больше не делай”, сказал Хозяин, взяв Кузю за ухо.

Было невыносимо стыдно. Драки драками и суки суками, но главное Кузино дело было защищать Хозяина. Их ведь на свете только двое, им друг без друга нельзя. Особенно Хозяину без Кузи. Пропадет. Он же неповоротливый, ничего вокруг не видит.

И потом, кто будет защищать Дом?
Дом у Кузи был очень большой и беспокой-
ный.

В нем было много хороших мест, где пахло
кожей, или вкусной едой, или опилками, очень
славный запах. Много было и плохих мест, от-
куда несло ржавчиной, духами (вот уж га-
дость) или мазутом, бр-р-р.

Страшным Запахом чаще всего веяло с по-
ля, на котором взлетали и садились огромные
шумные птицы, но туда, на Кузино счастье, вы-
ходить запрещалось.

— Кузнечик, ты почему не пьешь? — не мог
понять Хозяин.

Он взял Кузю за шею, будто несмышленного
щенка, ткнул мордой в блюдце. Но Кузе было
не до Пузырящейся Воды.

Он вдруг понял, откуда тянет Запахом.

За столиком сидели двое.

Один узкий, серый. Неприятный. Смердит
духами, гуталином, еще какой-то щекотной
дрянью.

Другой поменьше, черный. Запахи непло-
хие: пот, говяжья сосиска, что-то клеенчатое.

Но Смертью тянуло именно от черного. Никаких сомнений!

Ужасный Запах набухал и ширился, будто расплзающееся сизое облако. Времени оставалось совсем мало. Оно уже почти кончилось.

Кузе неудержимо захотелось броситься вон из этого пропащего места. Но не бросать же Хозяина. Да и не успеть тому на двух нескладных лапах.

Рыжий боксер, подбадривая себя, зарычал. Ощерил зубы и ринулся на Запах.

30.12.1970
1970.11

1970.11
1970.11
1970.11
1970.11
1970.11

AKT
1

1970.11
1970.11

В баре полумрак. По радио поет группа «Тату»: «Я сошла с ума, я сошла с ума, я сошла с ума...» Рыжая собака с рычанием бросается к столику, за которым сидят Муса и Ястреб. Муса испуганно вскакивает. Стул, на котором он сидел, падает. Ястреб оборачивается к охранникам и сердито кричит что-то по-английски, но пес переходит на лай, и слов не слышно.

Губкин и Колыванов сами изумлены, ничего не понимают.

Муса расстегивает пиджак. У него дрожат пальцы, глаза выпучены от ужаса, губы что-то беззвучно шепчут. Кузя громко лает, брызгается слюной.

“Ля иляха илля-Ллагу!” — истошно выкрикивает Муса.

Дернувшись, Ястреб поворачивается к нему, шипит что-то по-арабски, протягивает руку, но поздно.

Пальцы Мусы уже в кармашке жилета.

Яркая вспышка.

Оглушительный грохот.

Крики, треск, звон стекла.

Песня обрывается на словах “Папа-мама, про-сти-и!”

Сцену заволакивает черный дым.

Больше ничего не видно.

События, описанные в первых одиннадцати картинах, происходят одновременно. Двенадцатая картина начинается секунду спустя.

Картина первая

КУЗЯ

“Беги! Ты в опасности! Все в опасности!” — кричал Кузя черному человеку, от которого остро пахло Смертью.

Но тот не понимал. Люди за исключением Хозяина никогда ничего не понимают. Да и Хозяин не всегда.

От черного человека кисло запахло страхом. Но испугался человек не Смерти, а Кузи. Вот глупый! Как будто Кузя его укусит.

Боксер перешел на лай.

“Скорей! Скорей! Времени больше нет!”

Черный человек схватил себя за бок и сделался огненным облаком, превратив Кузю в комочки разодранной плоти.

Картина вторая

МУСА

С того момента, как в бар вошли охранники, Муса был сам не свой. Стеснялся выказать страх, даже отхлебнул чаю, но руки мелко дрожали, а на лбу выступила холодная испарина.

Один из *кафиров* нашептывал что-то своему мерзкому бульдогу. Второй, не скрываясь, впился в Мусу ненавидящими поросячьими глазками и отвел взгляд не сразу.

Знают! Они все знают!

Спокойно, сказал себе Муса. Просто эти неверные не любят мусульман. И вообще теперь, когда на мне жилет, бояться нечего.

Он даже улыбнулся Связному, показать, что нисколько не встревожен.

Но проклятая собака вела себя странно. Раздувала ноздри на своем жабьем рыле, смотрела только на Мусу, начинала порывивать.

Среди учеников *мадраса* ходили слухи, что у *кафиров* есть псы, специально натасканные вынюхивать шахидов. Будто бы есть какой-то хитрый химикат, называемый *эссенция*. Это зелье еврейские ученые добыли в своих лабораториях из крови мучеников, отдавших свою жизнь за Правое Дело.

Не может этого быть, сказал себе Муса, храбрясь. Глупые выдумки.

Но в ту же секунду жабопес сорвался с места и рыча кинулся на него!

Все было кончено...

В первый миг Мусу охватил парализующий страх. Зато Связного мужество не оставило. Он обернулся к врагам и крикнул им что-то грозное.

Это придало Мусе сил.

— Нет Бога кроме Аллаха! — провозгласил он, нащупывая заветный клапан.

Связной сказал что-то еще, уже не *кафирам*, а Мусе. Наверное, подбодрил или просто попрощался. Слов Муса не разобрал.

Собрав всю свою волю, он зажмурился и нажатием пальца вверил душу Аллаху.

Картина третья

ЯСТРЕБ

От рычания за спиной он вздрогнул. Разозлился жутко, в первую очередь на собственную нервозность. Ну и на болванов, которые не могут уследить за собакой.

Черт знает что! Главное, сидят, плятятся, уроды.
— Take away that fucking dog!¹

В этом и была его ошибка. Смотреть надо было не на охранников, а на верблюда. Услышав молитву, которую правоверные произносят, расставаясь с жизнью, Ястреб повернулся, прошипел по-арабски:

— Не смей, идиот, ты что!!!

Но мир превратился в белый-пребелый шар и лопнул черными брызгами.

Ястреба не стало.

¹ Уберите эту хренову собаку! (англ.)

Картина четвертая

ШИН ВАДА

Вада сидел и протираал очки, поэтому разглядывал своими близорукими глазами лишь какое-то движение, слышал собачий лай, чей-то возглас.

Всему этому он не придавал значения, потому что уже несколько минут внутри него происходило что-то очень важное и непонятное. В сердце нарастал звенящий трепет, наполнявший дух старика радостью и волнением. Вада жадно внимал этой вибрации и боялся верить счастью, которое она, возможно, сулила.

Неужели он ошибался? Неужели освобождение принесет не падение самолета, а тривиальный, долгожданный инфаркт? Если так, то это милостивая награда Судьбы за победу над демоном Марой.

Когда разорвалась бомба, Вада не понял, в чем дело. Он решил, что это разорвалось его сердце.

В самый последний миг жизни зрение старого летчика вдруг прояснилось и стало таким же острым, как 18 августа 1945 года, перед ранением.

Вада увидел бар; всех, кто сидел в баре; рыжую собаку; стоящего перед ней юношу, который был не юноша, а пылающий куст вроде того, что увидел перед собой ветхозаветный бодхисатва Моисей.

Картина, отчетливо видимая до мельчайшей черточки, была неподвижна.

На этом загадочном, но прекрасном видении инкарнация по имени Шин Вада прекратила свое плотское существование.

Картина пятая

Т
а
м
...
.

ВЛАД ГУРКО

Влад не удержался, фыркнул, потому что у поддатой тетеньки локоть съехал со стойки и Анна Васильевна (это она сама сказала, что ее так зовут) чуть не приложилась подбородком.

Вдруг над склоненной головой преподши взметнулось подобие светозарного нимба, от которого бармен разом ослеп и оглох.

За долю секунды, понадобившуюся взрывной волне, чтобы достичь стойки и превратить его в кровавый студень, Влад успел оторопело и по инерции как-то весело подумать: “Неужто ку-ку? Чего вдрут?”

Ку-ку, Владик, ку-ку. Оно, родимое.

Картина шестая

АННА

Ну а доктор исторических наук и без пяти минут завкафедрой Анна Васильевна умерла, как сказали бы ее студенты, *в полных непонятках*.

Во-первых, потому что рассудок этой женщины был одурманен алкоголем, а во-вторых, она же сидела к взрыву спиной.

Картина седьмая

ГРАЖИНА

Еще больше повезло молодой матери. Последнее мгновение ее жизни было поистине удивительным.

Гражина смотрела на своего Юлюкаса. Напившись молока, малыш задремывал, клевал носиком. Мать не хотела, чтобы он уснул. Скоро идти на посадку, проснется, будет плакать. Пусть бы продержался до самолетного кресла. Поэтому она держала его перед собой на вытянутых руках, приговаривая “кач-кач”, а сама думала: ангел, ну просто ангел, только без крыльев.

И вдруг произошло чудо. Сделалось совсем тихо. Джулиан вырвался из ладоней матери и полетел.

Что было дальше, Гражина, благодарение Деве Марии, не видела.

Так, изумленным вздохом, все и оборвалось.

Картина восьмая

ДЖУЛИАН

Когда Джулиана вырвало из маминых рук и подкинуло в воздух, он решил, что это новая веселая игра. Да еще все вокруг озарилось ярким праздничным светом.

Мальчик хотел заорать от восторга, но сияние было слишком уж жарким. Оно заняло собою весь мир, и маленький огонек, который был Джулианом, погас, задутый испепеляющим смерчем.

КОЛЫВАНОВ

Цапни, цапни его, со злорадством думал Колыванов. Сбесившаяся служебная собака это чэпэ. Вышибут кинолога с работы к едрене фене, в лучшем случае. Если бритиш за своего покусанного батлера на аэропорт в суд по...

Эту мысль Колыванов не додумал. Ее сменила другая, очень коротенькая: кранты! Именно данный термин точнее всего передал суть произошедшего.

Старшему контролеру конкретно настали кранты.

Картина десятая

АЛЕКСАНДР ГУБКИН

Хороший человек был Александр Губкин. Одна беда — небыстрый на реакцию. Так и сидел на корточках с дурацкой банкой колы в руке, остолбенело смотрел на своего взбесившегося четвероногого друга.

Зато на слух Губкин пожаловаться не мог. Слух у него был просто идеальный. Предсмертную мусульманскую молитву про единого Бога Аллаха он расслышал очень отчетливо, про нее рассказывали на спецсеминаре по исламистам-смертникам.

И что живет у смуглого парня слишком широкий, Губкин тоже заметил, когда тот пиджак распахнул.

В общем, за полсекунды до взрыва Александру стало все ясно.

Только что проку? Полсекунды не тот срок, когда можно что-то поправить или хотя бы самому подготовиться.

Больше всего на свете Губкин страшился внезапной смерти, без покаяния и отпущения.

Времени у него хватило, только чтобы подумать: “Прости, Господи...”

1.10

—

■

Σ

·

·

Картина одиннадцатая

ЖАН

Столик, за которым Жан дожидался жену, был дальше всего от взрыва, да еще заслонен пальмой в кадке.

И все равно поразительно, что Жан не погиб мгновенно, как остальные. Он даже не потерял сознания.

Воздушная волна швырнула его о стеклянный шкаф с бутылками. Острый осколок пробил бок, треснули четыре ребра и позвоночник. Во многих местах полопались кровеносные сосуды.

Но сердце не остановилось.

Лежа на спине, Жан ничего не видел, кроме клубов черного дыма. Боли он не чувствовал. Что случилось, не понял.

Все силы ушли на то, чтобы вдохнуть, а потом выдохнуть.

Жану казалось, что какая-то могучая сила тянет его к потолку, но поддаваться ей ни в каком случае нельзя. Вот он и не поддавался.

Потому что Жанна.

Мысль была странная, куца. Но только она его и держала.

Потому что Жанна.

Потому что Жанна.

Нет, нет. Никак...

н
в
ж
.
.
.

Картина двенадцатая

ЖАННА

Кое-как набросав лицо, Жанна стала приводить в порядок одежду и выругалась от досады.

Merde! Спереди на платье пятно, на самом видном месте, на животе. Самого недвусмысленного вида. Еще и пахнет. Как только оно туда попало? Нужно замыть. Вода через десять минут высохнет, будет незаметно.

Вот почему, когда снаружи раздался ужасающий грохот, от которого заложило уши, Жанна стояла в одних трусах, держала платье под сушилкой.

Крича и сама этого не слыша, она выскочила из туалета в чем была.

Из бара валил дым. Стена треснула и наполовину рассыпалась. Обе половинки двери отлетели долой.

Будто сквозь слой ваты Жанна слышала вой сирены, гул голосов, какой-то треск, но все это не имело значения.

Дым. Ее звал дым.

Ворвавшись в черную, слепую комнату, Жанна сама тоже ослепла. Споткнулась обо что-то или кого-то, упала, разбила в кровь колени, но не заметила этого.

Она не стала подниматься, чтобы не терять времени. Поползла на четвереньках. По обломкам, по осколкам, по мокрому.

Куда ползти, она знала. Чувствовала.

Жан был в самом дальнем углу. Она услышала его судорожное дыхание.

— Я здесь! Я здесь! — завопила Жанна. — Погоди! Я уже!

Нащупала его, схватила одной рукой за лицо, другой за рубашку.

— Сволочь! Сволочь! — рыдала она. — Ты что наделал?

Грудь Жана опустилась в последний раз и больше не поднялась.

AKT 2

*То же место, окутанное дымом. Миновало
еще одно мгновение*

Картина первая

Т
а
м
...
.

АННА

Невыносимая боль прожгла ее насквозь и сразу же исчезла. Как и все остальное. Такого неколебимого покоя и такой абсолютной тишины Анна никогда прежде не знала. Она подождала, что будет дальше. На вопрос, сколько времени продолжалось это ожидание, ответа не существовало, потому что время тоже исчезло.

Но сама Анна никуда не делась. Она не видела, не слышала, не чувствовала своего тела, но она БЫЛА. Это необъяснимое ощущение — единственное, что у нее осталось.

Мысль не работала. Анна вся обратилась в ожидание, но не отдавала себе в этом отчета. Ее органы чувств были предельно напряжены, но не получали никаких сигналов.

2.1

Ожидание могло означать только одно. Время исчезло не окончательно, когда-нибудь оно задвигается вновь.

Так и вышло.

Первым пробудился слух.

Анна услышала звуки, похожие на очень далекое зазывание вьюги.

Да, это был ветер!

Он коснулся ее лица, а значит, к Анне вернулось и осязание. Вместе с ним появилось ощущение движения. Тело — а у Анны по-прежнему оставалось тело — тронулось с места и потянулось вверх, безо всякого усилия с ее стороны.

Зрение, оказывается, тоже вернулось. Она поняла это, когда уловила мелькание какого-то смутного, но неоднородного фона. Просто было очень темно, совсем темно, вот она ничего и не видела.

Я лечу, подумала Анна. Это была первая оформленная мысль.

Да, Анна неслась вверх, будто на скоростном лифте высоченного небоскреба. Только лифт был без стен, пола и потолка. Вернее, Анна сама сделалась лифтом.

С каждым мгновением становилось немного светлее. Теперь можно было рассмотреть шахту получше. Пожалуй, это была не шахта. Колодез. Округлый. Стены из чего-то органического, *плотского*. Что-то они Анне напоминали. Ах да. Картинку на дисплее УЗИ: такое же чередование мутных серых контуров. Плюс едва заметное, живое колыхание.

Зрение прояснилось оттого, что сверху, куда неслась Анна, лился ровный свет. У колодца было выходное отверстие!

Здесь Анна впервые догадалась посмотреть вниз и обмерла.

Несмотря на бешеную скорость движения, никуда из бара она не улетела. Ну, может быть, поднялась метра на два, к потолку. Не выше.

В зальчике, где секунду или вечность назад сидела Анна, все было перевернуто вверх дном. Противно пахло горячей синтетикой и паленым мясом. Ага, обоняние тоже восстановилось! Повсюду клубился густой дым, но, странное дело, он совсем не мешал Анне разглядеть картину вплоть до мельчайших деталей.

Барная стойка вдавилась внутрь, а посередине лопнула. От мебели остались лишь мелкие обломки. Анна рассмотрела несколько фигур. Одни были неподвижны, другие двигались. Кто-то, сразу несколько человек кричали ненатуральными, резкими голосами. Особенно неприятно было слышать молодую женщину, которая трясла кого-то лежащего и визжала: "Putain merde! Merde!" Женщина почему-то была голая, ее острые груди болтались из стороны в сторону.

Но здесь Анна увидела нечто такое, отчего сразу забыла обо всем остальном.

Под грудой деревянного и стеклянного сора лежала она сама, ничком. Костюм от Балансьеги разодран, ноги нелепо вывернуты, волосы на голове тлеют, а правая рука, кошмар, лежит в двух шагах от тела. Из красного, кровоточащего ошметка торчит белая кость.

"Это я! Меня убили!" поняла Анна, и стало ужасно жалко себя, такую истерзанную, изорванную.

Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу...

Анна громко всхлипнула, хотела вытереть покотившиеся из глаз слезы, но рука осталась сухой. *Правая рука, та самая. Она была на месте, никуда не делась!*

Вообще все тело было в полной сохранности. Правда, оно сделалось каким-то... каким-то *неясным*. Анна держала ладонь у самого лица, но видела ее будто сквозь туман. Или это сама ладонь была соткана из тумана?

Удивительно при этом, что все, происходящее на месте взрыва, можно было разглядеть очень подробно. Любая мелочь, на которую Анна обращала взгляд, сразу представала в резком фокусе и очень близко.

Лопнувшая бутылка джина "Гордонс".

Шеврон на рукаве мужчины, вбежавшего в бар вместе с другими людьми, часть из которых была в форме, часть в белых халатах, а часть в обычной одежде.

Родинка на плече орущей француженки.

А между тем очков на носу у Анны больше не было. Они валялись на полу, разломанные в трех местах, с треснувшими стеклами. Их тоже было отлично видно. Да что видно! Она

протянула руку и запросто потрогала титановую дужку. Однако странный полет при этом не прервался. Анну все так же утягивало вверх, сквозь темный колодез, к медленно, очень медленно приближающемуся свету!

От полнейшей *несовместности* всех этих событий и ощущений ей стало... нет, даже не страшно, а невыносимо одиноко. Она была одна, совсем одна в этом жутком пищеводе, этом шланге, этой прямой кишке, от всего оторванная, всеми покинутая. Когда Ю.А. ее бросил, тоже казалось, что худшего одиночества на свете не бывает, но нынешнее было в тысячу, в миллион крат безысходней.

Одна, навсегда одна, содрогнулась Анна и зажмурилась.

Вдруг что-то коснулось ее щеки. Точнее, не коснулось, а будто обдало дыханием. Анна открыла глаза и вскрикнула от неожиданности.

Рядом, совсем близко, кто-то был! И справа, и слева.

Она узнала этих людей, хотя, в отличие от фигурок, суетившихся в разгромленном баре, эти были видны смутно, одними контурами.

“Не бойся, Нюсенька, не бойся”, — шепнули с одной стороны.

“Не стремайся, подрунька, прорвемся”, — хрипловатодохнули с другой.

“Нюсенькой” ее называла только бабушка, которая умерла в семьдесят восьмом. “Подрунькой” — единственная настоящая подруга, Верка, разбившаяся на машине в позапрошлом году.

Это и правда были они. Теперь Анна увидела седую прядку на бабушкином лбу, непременною камео с Афиной Палладой на ее груди. От Верки пахло табаком и немножко алкоголем. Когда-то бабушка снилась Анне часто, это была первая смерть в ее окружении. Верка же снилась до сих пор. Анне ее здорово не хватало.

Невозможно передать, до чего она им сейчас обрадовалась. Хотела дотронуться, обнять. Не получилось, руки рассекали пустоту.

“Э, э, полегче, — хохотнула Верка. — Ручонки-то прибери”.

Бабушка ничего не сказала, только грустно покачала головой.

— Где я? — крикнула Анна. — Что меня ждет? Куда я несусь? Что тут у вас вообще?

“Бедная ты моя девочка”, — вздохнула бабушка.

Грубая Верка сначала буркнула: “Ничего. Не ты первая, не ты последняя.” А потом, подумав, добавила: «Хотя вру. Ты первая, ты и последняя. Ладно, сама увидишь. Ну все, дальше легче будет”.

И обе исчезли.

А может быть, не исчезли. Просто Анна перестала их видеть. Свет вдруг сделался таким ярким, что она почти ослепла после колодезного мрака.

Полет закончился. Она стояла на зеленом лугу, у которого не было границ. Горизонта тоже не было, он таял в ласковом, переливчатом маре. Возникло ощущение безбрежного простора, легкости и ясности, как в раннем детстве, когда проснешься на даче летним утром — и солнце, и кукарекает петух, и весь день впереди.

Жерло колодца было рядом, оно чернело сквозь густую траву, но Анна его больше не боялась. Оно утратило всякую важность.

Кто-то стоял прямо перед Анной, весь залитый солнечным сиянием. Или, может быть, не солнечным, а каким-то иным, еще более ярким, но в то же время удивительно мягким.

Сколько она ни пыталась рассмотреть Стоящего или Стоящую, не смогла.

“Скоро ты будешь дома”, — услышала Анна.

Нет, не услышала, потому что никакого голоса не было. Фраза прозвучала у нее внутри, словно бы возникла сама собой.

Там же, внутри, возникло легкое, удивительно приятное щекотание, как если бы сквозь тело проходили теплые волны. Или Некто ощупывал невесомыми пальцами внутреннее Аннино устройство, но проделывал это так умело, так *участливо*, что ей и в голову не пришло путаться или противиться.

Опять всплыло мимолетное воспоминание из совсем раннего возраста. Тоже дачное. Маленькая Аня сидит в тазу с теплой водой, и бабушка моет ее мягкими мыльными руками, напевая какую-то песенку.

Осмотр, если это был осмотр, закончился, и закончился *хорошо*. Анна не знала, что это значит, но ошибиться не могла. *Ею остались довольны*.

А потом прозвучал вопрос, которого она толком не поняла. Или не расслышала.

Повторен он не был, но она чувствовала, что от нее ждут ответа и что ответ этот очень важен.

Она растерялась. Ей не хотелось разочаровать Вопросающего или Вопросающую, однако что говорить, она не знала. И нужно ли вообще что-то говорить.

Вопрос каким-то образом касался ее прошлого.

Какого-нибудь конкретного события?

Какой-то мысли?

Чувства?

Образа?

Дарованного, но не понятого знака?

Анна стояла на зеленом луту, у края черной дыры, вся залитая золотым сиянием, но ничего этого больше не видела. Перед ней как на экране, только с многократным убыстрением, проносилась вся ее жизнь.

Лысое красноморденькое существо в колыбели моргает бессмысленными глазенками, разглядывая ползущую по потолку муху.

“Снежинка” в серебристых бантиках, с наклеенными на платье звездочками из фольги сидит на корточках, роется в картонной ко-

робке с подарками. Шоколадки сует в карман, карамельки бросает под елку. Личико сосредоточенное, немного обиженное.

Толстая девочка шевелит губами, читая книжку с картинками. Книжка называется “Шел по городу волшебник”.

Девочка подросла, стала еще толще. Жует пирожок с капустой, плачет. Виталик Сидоренко обозвал ее “сарделькой”.

Школьница в некрасивых пластмассовых очках читает сильно потрепанную книгу. Грызет яблоко. “Граф опустил руку в глубокое декольте, слегка сжал ей грудь, и Анжелика почувствовала, как ее плоть...” Мамины шаги в коридоре. Хлоп! Книгу накрывает учебник по истории СССР.

И снова все то же. То она читает, то она плачет. То плачет, то читает. Полнота сменилась худобой, но появилась новая причина для страданий, прыщи.

Крупно: лицо в зеркале. На левой щеке два алых буторка, на правой три. В глазах, разумеется, слезы. Оправа у очков сверху черная, снизу золотистая. Тогда многие в таких ходили, оправа стоила пять шестьдесят. Вспоминать

эту подробность Анне не пришлось. Просто подумала про оправу и сразу увидела прилавок магазина “Оптика”, себя перед ним, ценник. Обошла весь город, искала повсюду “Мону Лизу”, французские, с наносниками. Нигде не нашла. Видно, придется брать эти.

Не то, не то. Неинтересно. Неважно.

А что важно?

Некоторое время она наблюдала за парой любовников. Как нелепы их движения. Как некрасиво свесилась с кровати нога. И вообще. Неприятно. Мисхор, восемьдесят четвертый год, август месяц. Ю.А. что-то наврал жене про конференцию, а сам... Анна тут же увидела перед собой лицо молодого, еще даже не пятидесятилетнего Ю.А., услышала его голос. “Врать научился — программа “Время” отдыхает. Даже Савичева припел...” Какого еще Савичева? Немедленно возник и Савичев. Сергей Леонидович, из Ленинградского университета. Завел что-то про раскол среди еврокоммунистов по вопросу о всемирно-историческом значении Великой октябрьской социалистической революции. На фиг Савичева.

Ю.А. смеется. У нее дома, на кухне.

Ю.А. сердится. “Любовные отношения могут выдержать любое испытание, кроме одного. Занудства”. Дальше, дальше!

На белом дисплее ниоткуда, будто сами собой выскакивают черные буковки. “Анализ центральных тенденций внешнеполитического курса пореформенной России позволяет с известной долей достоверности предположить, что дипломатия горчаковской школы окончательно...” Это из диссертации. Неважно.

Холодный пот на ладонях. Дрожащие пальцы. “Пристегните ремни безопасности. Наш самолет находится в зоне турбулентности”. Это в прошлом году, когда сильно болтало над Альпами. Даже вырвало. Хорошо хоть в пакет. Снова не то!

Такси. Плотный затылок, макушка с зчесом. Песня: “Я тебя слепила из того-о, что было-о...” “Послушайте, а другой музыки у вас нет?” “Вы какую любите? Могу классическую. Она у меня на третьей кнопке. Хотите? Я вообще-то попсу тоже не очень”.

Стоп, стоп! Это ведь сегодняшнее утро, дорога в аэропорт!

И все? Это вся жизнь?!

—
в
и
:
.

Вопрос остался без ответа. Но Существо не проявляло ни малейших признаков нетерпения. Времени у Анны было сколько угодно. Или, может быть, времени не было вовсе. В сущности, это одно и то же.

Тряхнув головой, она погнала ролик в обратном направлении. Ей уже совсем не было страшно, Анна поняла, что *здесь* с ней ничего плохого не случится. Вернее, так с ней не случится ничего такого, чего не захотела бы она сама.

Снова мелькнул разговор в такси. Подготовка к конференции. Заседание кафедры. Почему-то газетная статья, прочитанная в туалете. Обувной бутик. Выступление на симпозиуме в Манчестере. Кабинет дантиста. Урок автовождения. Идиотское телешоу, которое Анна тупо смотрела чуть не каждый вечер, когда ее бросил Ю.А.

Вдруг мелькание замедлилось. Теплее, теплее! Уже близко! Вот сейчас!

Она увидела ночное небо, вид из окна. Пленка отмоталась чуть дальше, но это, кажется, произошло по ошибке, с разбегу.

Ужасно волнуясь, Анна увидела себя сидящей перед туалетным столиком. Это была ста-

рая квартира, на Профсоюзной, позднее обменная с доплатой.

Белое лицо, распухшие глаза. Ужасный сиреневый пуловер. Анна его потом разрезала и выкинула. Потому что видеть не могла. Пуловер был на ней, когда позвонил Ю.А. и сказал, что больше ничего не будет.

Тот самый вечер Анна сейчас и видела.

Ю.А. уже позвонил. Она уже свое отрыдала. На столике приготовлены стакан воды и упаковка таблеток.

Анна не только явственно видела саму себя семилетней давности, но и слышала, или считывала, или чувствовала, не разберешь, все мысли, пронесившиеся в голове несчастной брошенки.

Жить дальше безнравственно. Безнравственно. Безнравственно.

Это слово было повторено несчетное количество раз. Ей нравилось, как оно звучит. Сама формулировка. Нарушен нравственный закон бытия, а сила всякого закона в чем? Правильно. В неотвратимости наказания.

Ну как иначе?

2.1

Человек ставит все на одну карту. Играет, играет, потом слышит: “Ваша дама бита”. И не остается ничего, лишь громадный долг. Перед впустую потраченной жизнью, перед нерожденным ребенком, перед наукой.

Надо же, так и подумала: “перед наукой”, поразила нынешняя Анна, продолжая напряженно вслушиваться.

Когда человек все проиграл и расплачиваться нечем, выход один. Застрелиться. Именно так поступали благородные люди девятнадцатого века. Как историку Анне это было хорошо известно. Ну а даме приличнее отравиться.

Она высыпала на ладонь таблетки, зачем-то пересчитала их.

С точки зрения религии самоубийство смертный грех. Но это чушь собачья, предназначенная для тех, кто верит в загробную жизнь. Зачем нужна какая-то иная жизнь после того, что было сегодня сказано? Этого ничем не искупить и не исправить. На фиг, на фиг другую жизнь. Спасибо, кушано достаточно.

А кое-кого пускай повторный кондратий хватит. Желательно только не до смерти. Чтоб жил до ста лет, вспоминал и мучился.

Тридцативосьмилетняя женщина вдруг поднялась и, не перестав злорадно улыбаться, совершила поступок, который полностью противоречил ходу ее мыслей. Прошла по коридору в санузел, высыпала таблетки в унитаз и спустила воду. После чего вернулась в комнату, но села уже не к столику, а к окну.

Была августовская ночь. В небе, такая редкость для Москвы, горели звезды. Анна смотрела на одну из них, не сказать чтоб самую яркую, и все не могла оторваться. Звездное небо над нами и внутренний закон внутри нас, думала она. Кантовы доказательства существования Бога. Ну, что касается внутреннего закона, то он, положим, спущен в толчок. Остаются звезды. Звезды, планеты-кометы, астероиды...

Мысли начали путаться. Усталая голова склонилась на подоконник. Анна подложила под нее руки и уснула.

Ну и где тут ответ, забеспокоилась нынешняя Анна. Может, было что-то еще? Например, увиденное во сне?

Она без труда проникла в сновидение женщины, уснувшей на подоконнике.

Но там ничего осмысленного не было, какая-то мутная ерунда.

То ли туман, то ли облака, проносящиеся мимо. Где-то внизу блестит вода. На ней рябь. Больше ничего. Порожний сон бабы, оставшейся у разбитого корыта. Земля безвидна и пуста, и Дух витает над водой.

Ответа Анна так и не нашла. Но он почему-то был уже не нужен. Или прозвучал так же, как был задан вопрос. Без слов.

Экзаменатор куда-то делся. Сияние больше не слепило Анне глаза. Краски померкли, трава потускнела. Над ней, серея, поднималась дымка.

В растерянности Анна огляделась по сторонам.

Что это за прямоугольник вдали? Какое-то здание. Откуда оно взялось? Раньше его здесь не было.

Туда она и двинулась. Больше все равно было некуда.

Картина вторая

ЖАН

Никак, никак... Слишком трудно, слишком больно.

Он мучительно выдохнул, а вдохнуть уже не смог, сдался. И боль моментально исчезла. Все исчезло. Такого беспредельного покоя Жан никогда еще не испытывал. И такой тишины тоже никогда не было. Всегда, даже при полном отсутствии внешних звуков, слышишь ведь свой пульс. Пока бьется сердце, идеальной тишины быть не может.

Сердце больше не бьется, подумал Жан. Я умер. И не понял, хорошо это или плохо.

Только тишина баюкала его недолго. Послышалось негромкое пощелкивание, словно испанская танцовщица в темноте начала слегка постукивать кастаньетами. Или грему-

2.2

а
н
н
а
б
о
р
о
с
о
в
а

чая змея предостерегающе затрещала своим хвостом.

Покой сменился тревогой. Сейчас что-то произойдет!

Жана подбросило кверху. Он чувствовал себя соринкой, которую всасывает труба гигантского пылесоса.

Так и есть! Вращаясь вокруг собственной оси, тело ввинтилось в подобие раструба и понеслось куда-то вверх в крошечной тьме. Жан хотел закричать, но не смог.

Он был один в этой жуткой черной ловушке, совсем один! Неведомая сила тянула его все выше, выше, и конца этому не было.

Вот что такое смерть! Вот почему все так ее боятся! Нельзя было сдаваться. Нужно было дышать, дышать во что бы то ни стало. Любая боль, любое страдание лучше, чем *это*!

Но в миг, когда паника стала невыносимой, чей-то голос шепнул ему: "Ничего, ничего, скоро кончится. Потерпи. Задери голову. Видишь?"

Он посмотрел вверх. Там светилась ясная точка, с каждым мгновением делаясь все круп-

нее и ярче. Из нее лилось сияние, от которого тьма уже не казалась крошечной.

Кто-то был рядом, очень близко.

Пьер Жиро! Учился в том же классе. Умер от менингита, за месяц до бакалаврских экзаменов. Вся школа ходила на похороны. Хороший был парень. Из другой компании, но хороший. Жан давно его не вспоминал, а теперь ужасно ему обрадовался.

— Пьер! Ты что тут делаешь? — закричал Жан.

Одноклассник приложил палец к губам и показал куда-то вниз.

Жан взглянул и сразу забыл о Пьере, о светящейся точке. Потому что увидел себя и Жанну.

Он лежал навзничь, окровавленный, грязный, с некрасиво разинутым ртом. Жанна трясла это беспомощное тело за плечи, била кулаками в грудь, потом неумело попробовала сделать искусственное дыхание. Она впиалась губами в его рот, но Жан не почувствовал прикосновения. Он был не там, а наверху, в трубе, и продолжал нестись вверх.

— Очнись, гад, очнись! — хрипло выкрикнула Жанна, отрываясь. — Не бросай меня!

Странно. Он по-прежнему был наверху, а видел, как у Жанны на подбородке висит слезинка.

Смотреть и слушать, как она рыдает, было тяжело. Сделать он все равно ничего не мог. Поэтому Жан перестал глядеть вниз, задрал голову — и зажмурился от яркого сияния.

Полет закончился. Вокруг было просторно и очень светло. Под ногами белел песок. Но это была не пустыня, а скорее дюны. Только без моря.

Впрочем, толком осмотреться не получилось. Слишком уж ярко сияло солнце. Оно было рядом, в нескольких шагах. Большой шар, наполненный золотым светом. Глядеть на него прямо было невозможно, приходилось отворачиваться.

Наверное, это все-таки не солнце, подумал Жан. Иначе оно бы меня испепелило. А что же это?

Laterna magica. Волшебный фонарь.

Это название всплыло в памяти невесть откуда. Из детства, что ли. Жан не очень представлял себе, что это за штука — волшебный фонарь. Кажется, так называли в старину какой-то про-

тотип диаскопа. Неважно. К сияющему шару имя *Laterna magica* отлично подходило.

Тем более что Лампа действительно оказалась проектором. И очень хорошего качества.

Сияние ее умерилось. Контуры сделались более четкими. Теперь это был овальный экран, в котором замелькали картинки. Сначала размытые, блеклые, вскоре они стали не просто четкими, а трехмерными. Лучше, чем на самом навороченном дисплее.

Жан следил за мельканием картинок как замороженный. Они были неподвижные, просто череда стоп-кадров. И каждый знаком, каждый выдернут из его жизни. На первый взгляд подборка казалась совершенно случайной, действительно важные эпизоды чередовались с малозначительными, давно позабытыми. Но во всем этом явно содержался некий важный смысл. Жан чувствовал, что почему-то должен выбрать один из слайдов. Должен, подобно Фаусту, произнести: "Остановись, мгновенье, ты..." Что? Прекрасно?

Вот в этом у Жана уверенности не было. Нужно ли обязательно выбрать момент осо-

бенно пронзительной красоты или наивысшего счастья?

Он сделал новое открытие.

Оказывается, если задержать взгляд на кад-
ре, тот оживает. Можно в него войти, оглядеть-
ся, послушать, ощутить запахи, даже коснуться
предметов. Можно прожить кусочек жизни
заново. Только изменить ничего нельзя.

А кое-что изменить захотелось.

Вот шестилетний мальчуган стоит на мос-
тках, собираясь с духом, чтобы нырнуть в реку.
Там, под темно-зеленой водой, из дна торчит
коряга, о которую через несколько секунд
Жан раздерет себе бок, так что на всю жизнь
останется некрасивый белый шрам. "Погоди,
не прыгай!" — крикнул мальчишке Жан, но
тот не услышал и прыгнул.

Или еще. Это, кажется, из второго класса. Тол-
стый Люка притащил хромированного робоко-
па, всем на зависть. Давал потрогать только своим
друзьям, к числу которых Жан не принадлежал.

За окном играет музыка. Это марширует
духовой оркестр, в городке праздник. С разре-
шения учительницы все бросаются к окнам,

чтобы посмотреть. Робокон лежит в парте, на время позабытый хозяином. Но не маленьким Жаном. “Не делай этого, будет стыдно!” Но второклассник не слышит. Воровато пригнувшись, задерживается у чужого стола, отламывает игрушке сверкающую руку.

Что было потом, Жан не забыл. Ревущий Люка, острое чувство стыда и раскаяния. Никому и никогда про этот гадкий поступок он не рассказывал. Но запомнить запомнил.

Фотоальбом прожитой жизни пролистывался быстро, замедляясь на каких-то страничках, но очень ненадолго. Удивительно, что эпизоды, казавшиеся самому Жану важными, так ни разу и не наполнились движением и звуком. Один из них, самый приятный, он попробовал остановить усилием воли.

Получилось.

Последний курс Школы технодизайна. Подведение итогов дипломного конкурса. Директор вскрывает конверт и после эффектной паузы объявляет: “Жюри признало лучшим проект соковыжималки под кодовым номером Z-348! Автор будет удостоен диплома с отличием!”

2.2

Глупость какая-то. Почему нужно было столько лет вспоминать эту хрень с чувством гордости?

Жан отпустил страницу, она перевернулась.

Он поймал себя на том, что просматривает картинки совсем не так, как делал бы это прежде. Раньше, перелистывая журнал или бродя по Интернету, он всегда задерживался, если натыкался на эотику. Когда Волшебный Фонарь добрался до возраста зрелости, там стали часто мелькать обнаженные фигуры. Но смотреть на них было неинтересно. Для проверки Жан нарочно притормозил на амстердамской поездке. У них с Жанной там было три дня суперклассного секса. Она была просто чумовая, ну и он тоже не подкачал. Поднимал флаг по три-четыре раза в сутки.

Гостиничный номер. Расстеленное на полу одеяло. На нем две суетливые мартышки. А это еще что?

Жанна, притворщица, охает и стонет, а сама украдкой поглядела на часы, благо любовнику этого не видно.

На фиг, на фиг.

Сменилось еще сколько-то картинок, и вдруг экран сам собой, безо всякого приглашения, перешел с фотопоказа на видеорежим, хоть эти технические термины подходили тут лишь очень условно.

Жан сразу узнал этот день и тоскливо вздохнул. Будь его воля, он поскорей бы перелистнул это воспоминание. Однако начал смотреть и уже не мог оторваться.

16 ноября прошлого года Жанну по работе отправили в командировку на три дня. Куда-то под Тулузу. Он скучал, особенно вечерами. Ну и пошел на день рождения к Хамиду, один. Там в основном собралась компания из соучеников по дизайнерской школе. Но не только, были и незнакомые.

И положила на Жана глаз одна классная цыпа. Черные такие пышные волосы, на кожаном платье спереди разрез, а сзади все в дырочку. Звать Сандрой. Никогда у Жана девушек такого уровня не было. На самом деле это, конечно, он сам первый на нее пялиться начал. Без особых планов, просто так. На Сандру все парни пялились. А потом, когда выпили шам-

панского с кокаином, она вдруг поглядела на Жана... Да-да, вот так!

“Ну как, зацепило?”

Огромные зеленые глаза смотрят сквозь густые ресницы. У Жана, который на экране, пересохло во рту. Нынешний Жан подумал: чего она так глаза таращит? Вообразила себя женщиной-вамп, а сама дура дурой.

Пока те двое обсуждали достоинства порошка, причем оба прикидывались, что очень хорошо разбираются в этом вопросе, нынешний Жан страдал, зная, что последует дальше.

Вот они уединились в дальней комнате. Девушка сняла через голову свое тесное платье, под которым ничего нет. Ну и что? На спине и ягодицах отпечатались розовые кружочки от дырок на платье.

Зачем, зачем он встал на колени и целует ее в бедра и в низ живота? Она вцепилась ему в волосы, делает вид, что сходит с ума от его поцелуев. Ему больно, но высвободиться он не пытается.

Само спаривание Жан прогнал в ускоренном темпе. Некое безошибочное чувство подсказывало, что дело не в этом.

Вот, вот, сейчас!

Это он уже вернулся к себе.

Отпускает такси. Открывает подъезд. Физиономия противная, по ней будто волны перекачиваются.

Маленькая волна морального дискомфорта. Это он про Жанну подумал.

Волна озабоченности. Подумал, как теперь будет встречаться сразу с двумя, обе ведь с характером.

Волна гордости. Какую крутую ляльку трахнул! С пол-оборота!

Выходит из лифта.

Замирает.

Выражение лица меняется. Никаких волн, одна растерянность.

На ступеньках, прислонившись плечом к стене, дремлет Жанна. Она в джинсах, зеленой куртке, кроссовках, рядом чемоданчик.

Сбежала из своей Тулузы. Ужулила денек, чтоб быстрее попасть к Жану. Звонила с вокзала, но абонент был недоступен. Поехала прямо сюда. Код знает, но ключа от квартиры нет. Решила подождать, да и заснула. От усталости.

Теперь-то Жан все это знал, а тогда просто оторопел и всё, от неожиданности. Почувствовал себя жуткой сволочью. Особенно когда она открыла глаза и лицо у нее осветилось такой радостью, таким счастьем.

Вскочила, хотела кинуться ему на шею, а он попятился. Испугался, что она запах Сандриных духов унюхает. Но мысли в голове были совсем про другое. Собственно, только одна мысль, и та не больно ясная. “Это навсегда. Навсегда”. А что “навсегда”, хрен знает.

“Ты чего? — обиделась Жанна. — Ты не рад?”

А он ей: “Я тебя люблю”. Впервые такое сказал. В смысле, не только Жанне, а вообще. Кто из нормальных людей теперь говорит “Я тебя люблю”? Одни уроды. А он сказал.

Тут кино и закончилось. Волшебный Фонарь погас, светящийся шар растаял. К чему понадобилось все это реалити-шоу, Жан так и не понял. Но задумываться не стал, потому что теперь, когда слепящее сияние угасло, окружающий мир стал виден лучше.

Зрелище было не сказать чтоб разнообразное. Со всех сторон белый, чистый песок. Впе-

реди, как раз там, где раньше находился Шар, довольно высокая дюна. Жан почувствовал, что должен на нее взобраться. Во-первых, оттуда наверняка откроется более обширный вид. А во-вторых... Во-вторых, просто *должен*, и все.

Идти вверх по песку было трудно, и с каждым шагом все трудней. Жан вспомнил, что много раз уже испытал это. Во сне. Оказывается, снилось ему именно это восхождение на Дюну.

Когда до вершины оставалось уже близко, откуда-то снизу и сзади донесся голос. Он был совсем слабый, еле слышный.

— Эй, погоди! Я с тобой!

Жан остановился и обернулся.

Куда идти, вперед или назад?

Картина третья

ЖАННА

Бедная Жанна. Она не скоро поняла, что муж больше не дышит. Трясла неподвижное тело, поднимала тяжелую голову, то целовала ее, то била по щекам. Короче, была не в себе.

От удушливого дыма раздирал кашель. Текло из глаз, из носа. В метре от места, где лежал Жан, на стене темнело и переливалось огромное пятно, медленно сползавшее вниз. Будто кто-то выплеснул на обои целый таз вишневой наливки.

Вскоре вокруг появились еще люди. Они кричали, суетились, о чем-то спрашивали. Жанна не обращала внимания. Когда ее хотели поднять, яростно оттолкнула чужие руки. Когда накинули на плечи белый халат, сбросила.

— Ostav evo, on myortvy, — сказал кто-то.

Тогда она прижала ухо к окровавленной рубашке Жана. Ничего не услышала. Но это, может, потому, что вокруг все шумели.

Вспомнила, как видела в кино массаж сердца. Села на Жана сверху, стала давить ладонями на грудную клетку. Вверх-вниз, вверх-вниз. А еще есть искусственное дыхание! Прижалась к его теплым губам, начала дуть.

Все это было очень похоже на занятие любовью: она голая, сидит сверху, и губы в губы. Только Жан не двигается.

— He is dead, understand? — сказал тот же голос.

Она распрямилась, яростно замотала головой, чтобы вытрясти из нее этот кошмар.

Удалось. Она мягко повалилась на бок. Кошмар закончился. Стало тихо и спокойно.

Жанна почувствовала, что поднимается в воздух, одновременно кружась, но не быстро, а плавно, словно листок дерева, который сорвался с ветки. Только он не падает на землю, а поднимается в небо.

Нет, я как пар над плитой, который засасывает в вытяжку, подумала Жанна. Вот я уже в воздуховоде, и все поднимаюсь, поднимаюсь...

Ей было хорошо и нисколько не страшно. Куда она летит, значения не имело. Главное, что там был Жан, это она знала наверняка.

Внизу валялись две тряпичные куклы, Жан и Жанна. Он на спине, она на боку. Пускай валяются. Они больше не нужны. Двое людей в белом зачем-то оттаскивали тряпичную Жанну в сторону, что-то с ней делали. Плевать.

— Эй, погоди! — закричала Жанна, задрав голову кверху, где белел какой-то просвет. — Я с тобой! Я сейчас!

Но легкость уходила. С каждым мгновением подниматься становилось все тяжелее. До края воздуховода оставалось всего ничего, но преодолеть это расстояние не получалось.

— Жан, помоги! Помоги, я упаду! — в панике позвала она.

Ну наконец-то!

В круге света показалась голова Жана.

— Что ты здесь делаешь? — испуганно спросил он. — Тебе тут нельзя! Возвращайся!

Она рассердилась.

— Ты что, сдурил? Куда это я без тебя вернусь? Держи меня, идиот!

Он протянул руку, Жанна хотела ухватиться, но пальцы прошли сквозь его кисть и сомкнулись.

— Мне некуда возвращаться. Сама видишь, — грустно сказал Жан. — Прощай.

— Я тебе дам “прощай”! Держи крепче! Сделай что-нибудь! Ты же обещал, что мы всегда будем вместе!

Но благодатная сила больше не держала Жанну. Она ухнула вниз, в черноту, а Жан и белый круг стали стремительно уменьшаться и удаляться.

— А-а-а-а!

Со стоном Жанна открыла глаза, увидела над собой два незнакомых лица, мужское и женское.

— Ochnulas, — произнес мужчина.

Ныла голова, в носу щекотало от дыма, тело было тяжелым и неуклюжим.

Врач сказал еще что-то, по-английски.

Чтобы не слышать его и не видеть, Жанна повернула голову.

На полу валялись какие-то обломки, тряпки. Нелепым углом торчал столик, лишившийся двух ножек. Там, под ним, лежало нечто малопонятное.

Жанна поморгала, чтобы сбросить с ресниц слезинки.

Из-под сломанного стола на нее пялилась оторванная бульдожья голова. Зубастая пасть судорожно подергивалась, будто беззвучно лаяла.

Это было уже чересчур.

Жанна с облегчением лишилась чувств, но в чудесную вытяжку больше не попала. Обморок был неглубоким.

Картина четвертая

КУЗЯ

А Кузя в это время и в самом деле заходил-ся лаем. Только не беззвучно, а очень даже громко. Был он совершенно цел, превосходно себя чувствовал и находился вовсе не на захламленном полу, а во Дворе, очень похожем на тот, куда Хозяин водил его гулять каждое утро и каждый вечер. Выглядел Двор, правда, не совсем так, но для собаки видимое не столь существенно, главное — запахи. Запахи же были какие надо, те самые. Волнующие ароматы мусорных баков, печальный тон гнилой листвы, наглая приправа бензина и самое интересное — признаки присутствия других собак.

Во Двор Кузя попал так.

Нестерпимый ужас, который заставил его обляять черного человека, источавшего Запах

Смерти, взорвался не только огненным облаком, но и невыносимой болью. Правда, боль была очень короткой, не дольше мгновения. Потом она прошла, а вместе с нею *прошло* все остальное. Не осталось ничего, совсем. Ни звука, ни изображения. Даже запахов.

Сколько Кузя ни раздувал ноздри, вокруг ничем не пахло. Такого с рыжим боксером никогда еще не случалось. Это было непредставимо!

Только и Беззапашье длилось недолго. Откуда-то сверху потянуло незнакомым, но весьма интригующим ароматом, учуяв который Кузя аж заскулил от нетерпения. Он попробовал прыгнуть, хоть и не надеялся, что достанет. Аромат доносился с значительного расстояния, он был довольно слабым.

Однако прыжок получился отменным. Кузе впервые удалось скакнуть так пружинисто, так высоко и с такой легкостью. Лапы оттолкнули его от поверхности, подкинули к самому потолку, который снова стал различим сквозь пелену дыма.

Голова беспрепятственно прошла сквозь потолочную панель. Перебирая лапами, бок-

сер влетел в тесное черное пространство, где Аромат многократно усилился.

Летать оказалось здорово и очень просто. Кузя удивился, что не делал этого раньше, а лишь гонялся как дурак с лаем за голубями. Сейчас бы он этих глупых неповоротливых птиц растрепал как от нечего делать. Воробья, может, и не настиг бы, но голубя влетку.

Летучий пес возносился все выше и выше. Этому подъему не было конца. Усталости Кузя не чувствовал, но одиночество и темнота начинали его нервировать.

Внезапно он со всей несомненностью почувствовал нечто невообразимо жуткое. *Хозяина здесь нет. Его вообще никогда больше не будет.*

В отчаянии Кузя завыл и в ту же секунду увидел наверху белую точку, почти сразу же превратившуюся в маленький белый кружок, в большое белое пятно, в круглый кусок беле-сого неба.

Хозяин наверняка там!

Несобаческим усилием пес рванулся к свету, прорвал своей лобастой башкой какую-то

2.4

в
в
с
о
в
е
н
н
а
б
о
р
о
с
о
в
а

невидимую пленку и выпрыгнул прямо на асфальт Двора.

Завертелся на месте, пригнувшись и на всякий случай предостерегающе рыча.

Мусорные баки, бензин, листва. Другие собаки!

Он залаял. Тут же подоспели и они, здешние старожилы.

Собак было две, они приближались к Кузе с разных сторон.

Слева развалисто рысил косматый сенбернар, от которого весело пахло игрой, незлой силой, защитой.

Справа несясь приземистый черный питбуль. От него дохнуло такой бешеной ненавистью, таким ужасом, что Кузя присел на задние лапы и заскулил. Он всегда боялся питбулей, потому что на втором году жизни один такой вот урод ни за что ни про что разорвал ему губу и прокусил ухо. Хуже питбулей только матерые крысиные самцы, но те хоть первыми не нападают.

Если б не сенбернар, плохи были бы Кузины дела. Черный кобель уже подскочил, оскалив

хищную пасть. Но сенбернар при всей своей неповоротливости поспел вовремя. Перехватил питбуля на лету зубами за шею, отшвырнул в сторону.

Похоже было, что старожилы Двора между собой не ладят.

Они застыли в боевых стойках, не сводя друг с друга глаз. Питбуль рычал и щерился, сенбернар сохранял невозмутимость.

Втянув уши и прижимаясь животом к асфальту, Кузя подполз к своему защитнику поближе. Только прильнув к могучему боку, боксер немного осмелел. Облаяв питбуля так, чтоб сразу стало видно: не слабак какой-нибудь, тоже может за себя постоять да и товарища защитить.

И понял черный гаденыш, что его делодохлое. Захлопнул свои гнусные челюсти, попятился.

Величественно качнув пышным хвостом, сенбернар потрусил к дальней подворотне. Кузя, конечно, не отставал.

Интересная, между прочим, была подворотня. В ней клубился разноцветный туман и

2.4

что-то потрескивало. Но самое главное — именно оттуда доносился Аромат, побудивший рыжего боксера к полету. Пока рядом торчал черный питбуль, Аромата не было. А теперь возродился, еще сильнее прежнего.

Очень хотелось обогнать неторопливого сенбернара и поскорее прошмыгнуть в чудесную Подворотню, да вежливость не позволяла.

Картина пятая

ЯСТРЕБ

Но Ястребу только показалось, что его больше не существует. Во всю свою жизнь, *во все свои жизни* он не ведал покоя и тишины. В сердце вечно пульсировала тревога, постоянным фоном бытия был нервный, диссонирующий шум жизни. А тут вдруг ни тревоги, ни шума. Полное Зеро.

И все-таки *показалось*. Мысль, выходит, работала, иначе Ястреб не ощутил бы ни покоя, ни тишины.

Ничего, сказал он себе. Невосприятие внешних воздействий — преддверие Черноты. Она совсем близко. Плевать на Эйфелеву башню, пусть торчит себе бессмысленная железяка, все отлично устроилось и без нее. Не надо паниковать из-за рудиментов мыслительной

деятельности. Это остаточные явления в подкорке мозга.

Из черт знает каких глубин памяти выплыла давным-давно прочитанная где-то история. Как в восемнадцатом что ли веке германские студенты-медики проводили эксперимент со свежееотрубленной головой преступника. Поставили ее на плаху и стали окликать по имени, один справа, другой слева. Голова не откликалась, но глазами вправо-влево поводила. Мозговая деятельность прекратилась не сразу.

От этого дурацкого воспоминания Ястреб разозлился на упрямую подкорку. И покоя как не бывало. Вернулась тревога. Тишине тоже настал конец.

Мерзкий звук ногтя, скребущего по стеклу, заставил его передернуться. Во вполне конкретном, физическом смысле.

Восстановилось зрение, хоть и неполностью. Все вокруг клубилось и подплывало.

Это же дым, обыкновенный дым, понял Ястреб, когда очнулось и обоняние. Я что, жив?

Он взмахнул руками, разгоняя чад, и увидел себя, лежащего на полу. Это разорванное по-

полам тело не могло сохранять в себе жизнь! Ястреб шарахнулся от обезображенного трупa и от этого движения подлетел к потолку.

Спокойно, спокойно! Я вышел из физического тела. Что означает эта хренотень? Кто этот я?

Никогда еще он не испытывал такого бескрайнего ужаса. Зачем нужна смерть, если продолжаешь думать и чувствовать?

Где Чернота? Где?!

В отчаянии он завертел своей *нематериальной* головой и увидел прямо над собой, в верхней части стены, небольшой черный прямоугольник. Кажется, это было вентиляционное отверстие, из которого взрывной волной вышибло решетку.

Куда уютно, только прочь от света, звуков и запахов!

Ястреб без малейшего усилия вытянулся длинной колбасой и всосался в дыру. Воздушный ток подхватил его и утащил вверх, в отрадную темноту.

Только теперь можно было вздохнуть с облегчением. Как тут было хорошо, в этом тесном черном пространстве. Как *одинок*о!

Беда лишь, что всякая вентиляционная система заканчивается воздуховыводом.

Увы. Невесомый, газообразный подъем продолжался недолго. Во тьму проник свет и вскоре совсем ее рассеял.

Ястреб вылетел из трубы и оказался на широкой бетонированной крыше аэропорта. Вокруг сereли рассветные сумерки.

Неужто ночь уже закончилась? Очевидно, что-то нарушилось с восприятием времени.

Яркий золотисто-розовый свет пронизал дымку. Из-за края крыши выглянуло солнце. Его свет заставил Ястреба прикрыть глаза ладонью и отвернуться.

Прямо под ногами поблескивала лужа.

Ему показалось, что в ней что-то движется. Присмотрелся — не движется, а отражается. Но что? Наверху-то ничего нет, одно небо.

Вдруг он увидел в воде лицо какого-то ребенка.

Стоп! Ребенок был не *какой-то*. Это был он сам. Точь-в-точь такой же, как на детских фотографиях. Светловолосый кудрявый ангелочек.

Заинтригованный, Ястреб опустился на колени, чтобы разглядеть изображение получше.

Картинка раздвинулась, заняв собою все пространство.

Мальш лет пяти или шести был один в комнате, которая была Ястребу очень хорошо знакома.

Бело-золотые парчовые обои, лакированная мебель с инкрустацией, на полу пушистый ковер с павлинами. Именно так выглядела его детская. Он, конечно, не помнил деталей интерьера, но сразу их узнал. Слева за дверью спальня, над кроватью там висит изречение Пророка — первые слова, которые маленький Тарик прочитал самостоятельно. “Всякое нововведение — заблуждение”.

Что это мальчик там делает с таким усердием? Кажется, рисует.

Заглянуть через плечо ребенка оказалось нетрудно.

Не рисует, а раскрашивает. Перед Тариком на столе книжка-раскраска, сказки “Тысячи и одной ночи”, адаптированные для детей. На рисунке изображена Шахерезада, ведущая перед халифом “дозволенные речи”.

Ручонка перебирала в большой коробке разноцветные фломастеры. Ястреб сам не понимал, почему следит за этой чепухой с таким напряженным вниманием. Не все ли равно, какого цвета будет у халифа халат, а у Шахерезады шаровары?

Розовые пальчики решительно взяли черный фломастер и принялись закрашивать — нет, не одежду нарисованных героев, а весь рисунок. Целиком.

Замерев, Ястреб наблюдал, как Тарик превращает картинку в черный квадрат, потом переворачивает страницу и так же методично начинает расправляться с Синдбадом-мореходом.

Чернота проглотила корабль с матросами, море, остров, небо со звездами. Затем залила всю книжку, стол, мальчика, комнату. Изображение исчезло. Осталась лишь лужа черной воды.

Ежась от холода, Ястреб поднялся.

Солнца не было. Наверное, скрылось за тучами. Мир вокруг был стальным и серым. Но за краем крыши воздух словно сгустился, махнул тьмой.

Туда-то Ястреб и двинулся.

Картина шестая

Т
а
м
.
.
.

КОЛЫВАНОВ

Кранты, положившие конец личной и трудовой биографии старшего контролера Колыванова, напоминали прыжок из раскаленной бани в ледяную прорубь. Сначала обжигающая боль, потом онемение всех чувств.

Нормально, подумал Колыванов, когда боль утихла. Что ни хера не видно и не слышно, это пускай. Главное не рвет больше, не раздражает. Жить можно.

Однако стоило ему мысленно произнести эти слова, как раздался тошнотворный скрежет, будто кто-то со всей силы дал по тормозам. Колыванов зажал уши, но звук не сделался тише.

Темнота перед глазами поблекла, рассеялась, и покойник увидел покинутое им тело.

На место, где стоял старший контролер, пришелся основной удар взрывной волны, поэтому труп смотрелся исключительно некрасиво. То, что недавно было Толяном Колывановым, превратилось в багровую лепеху, сползающую по стене. Если б не хорошо сохранившиеся ботинки (итальянские, 999 рублей на распродаже), он бы нипочем себя не узнал. Когда Толик летом в деревне, пацаненком еще, лягушек давил, они примерно так же выглядели.

Жалко себя стало — ужас. Отвернулся Колыванов от печальной картины и еще больше расстроился. Там на полу валялся Губкин-Залупкин, тоже мертвый, но совсем целый. Во всяком случае, рожа не тронута, да еще лыбится, гад, будто какую новость хорошую узнал. В гробу будет красавец, чисто Филипп Киркоров. А Толяна, значит, в глухом ящике, как бомжа какого-нибудь, зарюют. Честно, по-вашему?

Подскочил Колыванов к напарнику, хотел ему харю ногой разбить, только не вышло. Нога сквозь прошла, а Толю от усилия крутануло вверх тормашками, подкинуло кверху. Совсем

никакой массы тела в нем не осталось. Взлетел он, покачиваясь навроде мыльного пузыря, упруго ударился о потолок. Хорошо не лопнул. Второй раз это было бы уже через край.

Тут дунул сквозняк, и лишенного плотности Колыванова понесло куда-то, как топор из села Кукуева, закрутило, пару раз подбросило, пронесло коридором и выдуло в открытую форточку. А там ночь, темнотища, ветер воеет.

Внизу бежали трое из дежурного отделения, Пащенко, Скатов и этот, как его, Забибулин что ли, вторую неделю только работает. В полной сбруе, кобуры расстегнуты. Думают, козлы, террористов сейчас мочить будут.

— Козлы! — крикнул им Колыванов. — Там всех в кашу размазало!

Не услышали. А он-то их слышал отлично.

— Оружие первым применять можно? — спросил у Пащенко новенький. И подумал при этом: “На пол упасть, и двумя руками, с локтевого упора! Как в кино!”

Санька Пащенко татарину:

— Сначала поглядим, чего там жажнуло.

Мысль же у Саньки при этом была трусливая
“Ну, как вбежим, а там снова шандарахнет?”

Эх, раньше бы так чужие мысли слышать.
Вся бы жизнь по-другому пошла.

Но снова подул ветер, подбросил Колыванова
вверх, унес от сослуживцев.

Взлетел Толян в самое небо, над огнями
взлетной полосы, над облаками. Там было чер-
ным-черно, как у негра в очке. И так же тесно,
ни вздохнуть, как говорится, ни пернуть. Колы-
ванов вспомнил научный термин: разрежен-
ность атмосферы.

Был он один-одинешенек, никто не выру-
чит. Даже Сергей Сергееч. Где ему, его власть
вся на земле осталась.

И от ужаса закричал Толя по-детски:

— Мама!

Однако сам себе рот зажал. Вдруг правда
мамаша объявится, сука старая. Снилось тут
недавно, головой качала.

Сама виновата. Семьдесят лет, а помирать
никак не хотела, только зря жилплощадь зани-
мала. Отдельная однокомнатная, второй этаж,
балкон, санузел отдельный. Потом Колыванов

квартиру за реальные бабки продал, семьдесят три пятьсот получил на руки. Что расследовать никто не станет, отчего старушка перекинулась, это он хорошо знал. Не первый год в ментуре. Ну, упала в ванной, башкой стукнулась. Много ли пенсионерке нужно?

Нет, не надо маму.

Он летел еще какое-то время, плотно стиснутый со всех сторон. Потом вроде забрезжило, засветлело.

Колыванов вылетел из облачной массы, и подъем прекратился.

Под ногами пружинила туча. Немножко прогибалась, как мох, но стоять было вполне можно.

Ночь осталась внизу, здесь же сияло яркое солнце. Глазам стало больно, Толян поскорей отвернулся.

Нехорошие это были лучи. Опасные. Будто норовили в самое нутро пролезть. Вроде радиации.

Колыванову не хотелось, чтоб его какими-то погаными лучами просвечивали. Он даже руками себя обхватил, вжал голову в плечи.

Варут слышит, кричит кто-то:

— Эй, земля!

— Толяныч! Давай сюда!

Смотрит — далеко, на самом краю тучи, стоят двое в фуражках, машут ему.

— Не бзди! Свои!

Лиц не разглядеть, голоса незнакомые, но что свои, Колыванов сразу понял. По голосам слышно.

Дунул к ним от настырного света, подпрыгивая мячиком на упругом облаке. С каждым прыжком будто по гире с себя сбрасывал.

Картина седьмая

МУСА

Путешествие праведника в загробный мир Базрах, как и положено, началось с душераздирающего грохота и телораздирающей боли. Боли тело не вынесло, потому что оно — глупая и слабая плоть. Душа, содрогнувшись, перенесла грохот и погрузилась в благословенную тишь.

Что должно воспоследовать далее, выпускник благочестивейшей *мадраса* знал наизусть. Царство Базрах ужасно для грешника, ибо давит его могильной землей и опаляет огненным дыханием грядущего Ада. Шахиду же страшился нечего, ему предстоит дожидаться Воскресения в тенистом месте, откуда, согласно хадису, он сможет лицезреть Блаженный Рай, свое будущее обиталище.

Сейчас мрак рассеется и явятся *малак*, ангелы, чтоб сопроводить меня к своему грозному предводителю Израилу, пронеслась в голове умиротворенная мысль, сразу вслед за тем изгнанная другой, панической. Известно, что на первой стадии Базраха душа отделяется от тела, но тело (он это знал) разорвано надвое. Из какой его части воспарит душа, из верхней или из нижней? Вдруг из нижней, где всякая нечистота?

Стало Мусе тревожно, умиротворенность свернулась трубочкой наподобие священного свитка. Скорей бы уж Израил прислал своего *малаика*!

И донеслась тут сладчайшая музыка, извещавшая о приближении ангела, а вслед за ней предстал перед Мусой и он сам, чудесный крылатый юноша, весь из колеблющегося, переливчатого света. Но обрадоваться покойник не успел, так как в ту же самую минуту послышался мерзкий лязг. С противоположной стороны, противно цокая копытами, подкатилось нечто мохнатое, злобное. Шайтан!

Вот уж этого Муса никак не ожидал.

То есть, конечно, всякий знает, что в момент смерти за человеком являются два Посланца, которые следили за всеми его поступками и записывали их каждый в свою книгу: один в Книгу Добра, другой в Книгу Зла. В 43-й суре ясно сказано: "Или думают они, что Мы не слышим их тайны и переговоры? Да и посланцы Наши у них записывают". По поводу природы Посланцев у мужей учености существуют разные мнения. То ли это ангел и демон, то ли добрый и злой джинны. Глядя на явившихся за ним, Муса толком не понял, которые из мудрецов правы. И потом, не природа Посланцев его сейчас волновала.

Почему вообще явился прихвостень Нечистого? Ведь Муса шахид! А что если Аллах не признал его Мучеником Веры, поскольку кнопка была нажата раньше назначенного срока?

Посланцы встали друг напротив друга, причем джинн-шайтан по-бычьему наклонил свою рогатую башку, ударил себя в медную грудь, которая гулко грохотнула. Глядя на приятного взору, но какого-то очень уж негрозного ангела, Муса

испугался, что тот уступит. Лучше бы уж он оказался добрым джином, у тех силы побольше!

Но Свет мощнее Тьмы, а Дух — грубой Плоти. Сколько лет вколачивали Мусе эту непреложную истину, а он, маловвер, посмел сомневаться.

“Изыди, пес! — не сказал, а излучил Защитник. — Иль ты не знаешь, кто это?”

Взвыв от досады, шайтан попятился и исчез. Ангел же (все-таки это был ангел) обхватил Мусу светоносным крылом и вмиг вознес из черноты в серый сумрак, потом в белый сумрак, потом в оранжевый, и так сквозь все Семь Небес, к Подножию Трона Всевышнего.

Подножие уходило вверх ослепительно сияющей золотой башней, вершина которой находилась столь высоко, что разглядеть ее было невозможно, как ни задирай голову.

“Не бойся, — прошелестел ангел. — Пускай другие боятся, а тебе незачем”.

Воздух закачался могучими волнами.

“Это Израил, он примет твою душу и скажет свое слово”.

С края неба, плавно взмахивая своими четырьмя тысячами крыльев, летел Архангел Смерти, похожий на огромный старинный парусник, который Муса видел когда-то на картинке. Пялиться на Израила он не решился, пал ниц и зажмурился.

Израилу поручено окончательно разлучать дух с телом. Из плоти грешника он выдирает душу с мясом и костями, ибо она слишком погрязла в земном, намертво вросла в шкуру.

Но Муса никакой боли не ощутил, лишь легкое журчание в груди. Душа вытекла из него, как вода из кувшина.

Голос, наполнивший своим рокотом всю вселенную, изрек: "Доставь эту душу в могилу, ибо ей предстоит выдержать допрос ангелов моих, Мункара и Накира".

И подхватил Посланец Мусу, который теперь стал легче воздуха, и понес обратно, сквозь все Семь Небес, в мрак и холод. По пути ласково нашептывал: "Так положено, но тебе страшиться нечего".

В верхних слоях Неба им встречались другие ангелы, такие же прекрасные и лучезар-

ные, и каждый восклицал: “Как прекрасна эта душа! Чья она?” “Это душа шахида”, — отвечал им Посланец.

Тут Муса совсем перестал бояться. Слово “могила” не нужно понимать буквально. Это временное пристанище, где умерший пребывает до Судного Дня. У плохого человека, даже если он похоронен в роскошном мавзолее, могила тесная и давящая, душе в ней маечно и жутко. Праведник же, пускай его тело и вовсе не предано земле, а разорвано на кусочки и развеяно по ветру, страдать и мучиться не будет. Его могила подобна салону первого класса в аэропорту. Муса заглянул туда по ошибке, был немедленно выставлен за дверь, но успел разглядеть мягкие кожаные диваны, столы с напитками, бесплатные закуски.

Допрос, который ангелы Накир и Мункар учиняют всякой душе, Пророк назвал “худшим мигом человеческого бытия”. Тут-то и решится, насколько тяжким будет для каждого могильное пребывание.

Но когда спуск с небес закончился и перед Мусой разверзлась сырая, размокшая от дож-

дя земля, он лег на самое дно могилы бестрепетно. Приходите, спрашивайте. Он знает, как отвечать.

И возникли наверху, в сером прямоугольнике, две переливающиеся металлом тени. И два таких же металлических голоса хором спросили:

“Кто Господь твой?”

Неведомая сила подтолкнула Мусу, заставив сесть и задрать голову.

— Мой Господь Аллах! — твердо провозгласил он.

“Какова твоя вера?”

— Вера моя Ислам!

“Кем считаешь ты человека, возвращенного среди вас?”

— Верным служителем Господним.

“А кто поведал тебе о нем?”

— Книга Аллахова.

Вечная благодарность учителям, намертво вколотившим в голову Мусе, как себя вести и что отвечать в этот страшный час. Не сбился он, не запнулся, не дрогнул голосом.

И повеяло откуда-то мускусным ароматом, и раздался в вышине Глас Чудесный:

“Укажите Моему рабу путь к Двери!”

Протянулись в сырую могилу серебряные нити, по которым Муса выбрался наружу.

Оказалось, что могила вырыта посреди глиняной, растрескавшейся от зноя пустыни. Вопросатели исчезли. Небо было серым, а солнце, хоть и скрытое за облаками, пригибало Мусу к земле своим удушливым жаром.

И увидел Муса вдали желтую стену, тянущуюся от края и до края. Она была неприступна и глуха, укреплена могучими круглыми башнями. Виднелись и ворота. Несомненно то были одни из восьми врат рая, про которые, согласно свидетельству аль-Бухари (да осенит его милость Аллаха), Пророк сказал, что расстояние меж их столбами равно расстоянию от Мекки до Басры. То ли два эти города находились друг от друга совсем близко, то ли на том, то есть для Мусы уже *на этом* свете все пропорции выглядели по-иному, но ворота показались Мусе не такими уж громадными. Это бы еще ладно. Хуже другое. Они были затворены.

Где же Дверь, о которой рек Глас?

Картина восьмая

ДЖУЛИАН

Совсем недавно, несколько дней назад, Джулиан впервые увидел светлячков. Он очень хорошо запомнил это событие. Мама и веселая тетя Вика уложили его спать. Потом мама, как обычно, ушла в место, которое называлось “на-работу”, и Джулиан сразу вылез из кровати. Они с тетей Викой всегда играли допоздна, пока он не засыпал где придется, и тогда она относила его под одеяло. В этот раз тетя Вика придумала кое-что особенное. “Ты светлячков видал? — спросила она. — Сегодня летают светлячки. Пойдем посмотрим”. Одеда его, и они пошли на улицу, что само по себе было невероятно. Джулиан никогда еще не бывал на улице ночью.

Там все было ужасно интересно.

Какое-то время они стояли у входа, рядом с Мишей. Горели красивые разноцветные огни, подъезжали большие красивые машины. Миша открывал дверцы, из машин выходили шумные, веселые дяди. Некоторые шутили с тетей Викой, она смеялась. Один дядя погладил Джулиана, сказал: “Эй, шоколадка, на тебе шоколадку” и дал большую конфету в блестящей обертке.

По сравнению со всем этим праздником прогулка в парк большого впечатления на Джулиана не произвела. Ну, летали вокруг слабо светящиеся точки. Тетя Вика что-то про них рассказывала, но он так и не понял, что это такое — “светлячок”.

Понял только теперь, когда сам съежился, сжался и превратился в крошечную искорку, со всех сторон окруженную мраком. “Я стал светлячком”, подумал Джулиан, нисколько не испугавшись. Он вообще был не из пугливых. Как-то не научился бояться. Повода не было. С ним всегда тетешкались, играли, сюсюкали, а уж за время жизни в Нефтеозерске малыш вообще избаловался.

Когда дунуло огненным смерчем, Джулиану стало очень больно, но продолжалось это совсем недолго. Светлячок уже боли не испытывал, прошла бесследно. Он собрался зареветь, но как-то не успел, отвлекся. Тем более что довольно скоро, когда Джулиан еще не успел вдоволь налюбоваться исходящим от него слабым сиянием, где-то заиграла веселая мультяшная музыка и в темноте зажегся другой огонек. Он приблизился и оказался старым знакомым из телевизора, мышонком Микимаусом. Смешно подпрыгивая, потирая лапки, Микимаус закружился вокруг Джулиана.

“Айда за мной! Чего покажу!”

Как же было за ним не побежать? К тому же Джулиан уже перестал быть светлячком. То есть светиться по-прежнему светился, но у него снова появились и ручки, и ножки.

Вдвоем с мышонком они запросто взлетели кверху, что было здорово и очень приятно.

“Сейчас как — ух!” — пообещал Микимаус.

И они — ух! — со свистом понеслись через темноту выше, выше, выше.

Спутник молчал. Долгое время спустя, когда сделалось немножко посветлее, стало видно, что он уже не мышонок, а мальчик, намного старше Джулиана. Но сам Джулиан тоже менялся. Что-то с ним происходило. Когда подъем закончился, он был не таким, как внизу. Развеялся невнятный ласковый туман, который скрадывает очертания предметов, когда на них смотрит маленький ребенок. Мир обрел строгость и резкость.

Джулиан увидел, что стоит посреди заснеженного поля. Прошлой зимой он много играл в снег, снег ему нравился. Вот и теперь снег замечательно сверкал и искрился, так что пришлось сощуриться.

Микимаус тронул повзрослевшего Джулиана за руку. А может, и не тронул, но прикосновение Джулиан ощутил. Повернулся к товарищу.

Лицо у того было ясное, очень серьезное.

“Слушай и запоминай. Ты пойдешь по снегу вон до того дерева. Там несколько тропинок. Прислушайся к себе, выбери одну и иди по ней. Это нетрудно. Ты не можешь ошибиться.

Почувствуешь, как тропинка сама тебя зовет. Куда бы ты ни пошел, страшного ничего не будет. Будет хорошо. — Мальчик пытливо смотрел на жмурящегося Джулиана. — Ну, что молчишь? Ты ведь уже не малыш, в мышонка с тобой играть больше не надо. Скажи, хорошо ли меня понял?”

— Я тебя хорошо понял, — ответил Джулиан. Чего ж тут было не понять?

Он побежал по снегу. Наст хрустел под ногами, держал крепко. Бежать было радостно.

Дерево вблизи оказалось пальмой. Это Джулиана не удивило. В отеле, где он жил, повсюду тоже были пальмы, а за стеклянными стенами до самого мая лежал снег.

У мохнатого ствола мальчик остановился. Не оттого что устал, вот уж это нисколько, а от нерешительности. Увидел перед собой протоптанные в снегу тропинки, которые вели куда-то в даль, окутанную морозной дымкой. Морозная-то она была морозная, но холода не ощущалось, одна лишь свежесть.

Считать Джулиан пока умел только до шести, тетя Вика научила. Она говорила: “Раз паль-

чик, два пальчик, три пальчик, четыре пальчик, пять пальчик, и кнопочка — шесть”, нажимая ему на кончик носа. Игра такая.

Но этого числа хватило. Тропинок было как раз шесть.

Сначала они показались совсем одинаковыми. Но приглядевшись, Джулиан заметил, что на каждой лежит по птичьему перышку, и все разного цвета.

Одно сизое.

Одно красное.

Одно синее.

Одно золотое.

Одно зеленое.

И одно белое.

Подобрал сизое. Были перья и ярче, и красивей, зато это знакомое. Потому что был он с тетей Сюзи, другой маминной подругой, в парке, смотрели на толстых птиц, которые назывались “гули”, и одна из них уронила точно такое же перышко, а он поднял.

Так определилась тропинка. По ней Джулиан и пошел.

Картина девятая

ГРАЖИНА

Так, изумленным вздохом, все и оборвалось. Именно что *оборвалось*. По живому. По костям и плоти, по нервам. Смертная мука, как ей и положено, была ужасающей, но, по милости Божьей, короткой. Уже мгновение спустя Гражина ощутила облегчение, будто с плеч упала вся тяжесть мира. Ничто больше не раздирало на куски, не давило, не терзало.

Тишина и покой.

Я больше не тело, я душа, — поняла Гражина и ужаснулась. Она была не готова к встрече с Всевышним. Не готова держать ответ за свои грехи. Они были смердящие. Их было много. В новой жизни, ради которой совершались все эти мерзости, Гражина собиралась все исправить. Но прав был отец Юозас, когда го-

ворил: “Не дано нам знать, когда призовет Господь, а потому будь всегда в чистом. Как покажешься Ему на глаза в своем срамном белье, похотью и алчностью загрязненном?”

Именно такой, замаранной да неотмытой, и предстанет она теперь перед Судией. Всякому католику ведь известно, что до Страшного Суда, который наступит еще не скоро, каждого новопреставленного ждет Суд Частный. Немедленный и неотвратимый. И муки для грешника начнутся сразу же.

Поэтому Гражина знала, что тишина продлится недолго. Очень скоро раздастся плач и скрежет зубовой. Ее плач, ее скрежет.

Что же это я делаю, спохватилась она. Передышка дана для того, чтоб непокаявшаяся душа успела сказать главное.

“Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй грешную рабу Твою Гражину. В руки Твои, Господи, предаю дух мой. Аминь”.

Хотела еще помолить о заступничестве Деву Марию, но не успела. Едва прошептала “Святая Мария, Матерь Божия, молись обо мне, грешной, в час сме...”, как началось.

Язык разом присох к гортани.

Тьма раскололась молниеобразными трещинами, будто кто-то разбил снаружи яичную скорлупу. Послышались сухой треск и мелодичный звон. Справа на Гражину пролился свет золотой, солнечный. Слева серебряный, лунный.

И подступили к ней две фигуры. Она знала: то ангел-хранитель и бес-соблазнитель. Оба сопровождали ее всю жизнь, с детства.

Удивило лишь одно. Черты обоих были не смутно-анонимны, а индивидуальны, по-человечески определены. У Светлого Мужа лицо мягкое, участливое, похожее на любимого Гражиной в детстве актера Леонова. У Темного Мужа лицо жеваное, хмурое, тоже кого-то очень напоминающее, только сразу не сообразишь.

Первый был одет во что-то длинное, свободное, переливающееся. Второй в засученной до локтей грязной спецовке, в заляпанных кирзовых сапогах.

От первого благоухало цветами и травами.

От второго перегаром и тем кислым запахом, каким обычно несет от слесарей-сантехников.

Вдруг Гражина вспомнила, где она видела этого Сантехника. Не один раз, много.

Его мятая физиономия проглядывала то в набитом автобусе, то в толпе на улице, то среди клиентов ночного клуба. Всякий раз очень ненадолго, так что Гражина успевала заметить ее лишь краешком глаза. Почувствует что-то особенное, взглянет еще раз, а *того* лица уже не видно. Пропало. Вот, оказывается, кто это был...

“Ну, что встала, милая, — сказал Бес. — На силу что ли тащить?”

И протянул руку с обстриженными под самый корень, но все равно грязными ногтями. Однако не коснулся. Не было у него пока, до Суда, такой власти.

Гражина жалобно взглянула на Хранителя.

Тот молча вздохнул и кивнул. Да, мол, пора.

В тоске она обернулась и увидела перед собой, чуть внизу, разрушенный аэропортовский бар.

На полу валялись обломки и недвижные тела. Под потолком покачивались несколько мерцающих силуэтов. Один был совсем маленький.

Это Юлюс, поняла вдруг Гражина. Он тоже умер!

Ей стало невыносимо стыдно.

Грешница она. Позорная сука. В этот страшный час думала только о себе, а о сыночке даже не вспомнила. Поделом ей будет и мучка. Не за блуд, за подлость. Сколько раз говорила себе: это я не ради себя все, ради Джулиана. Как бы не так! Норовила на маленького, безответного свалить вину за свой грех. Если бы суждено было ему и ей дожить до зрелых лет, еще поди попрекала бы: мол, я ради твоего счастья в грязь себя втоптала, а ты...

Повесила Гражина голову. Не посмела ни окликнуть светлую фигурку, ни сказать последнее "прости". Да что уж теперь прощаться. Поздно.

Смиренно шагнула навстречу сопровождающим. Влачите на Суд. Готова.

Обступили ее Спутники с обеих сторон, то ли конвойные, то ли помощники. Трогать не трогали, а все же возникла меж ними и Гражиной какая-то вещественная связь, которую, наверное, следовало назвать старинным словом

узы. Закрепленная этими узами, душа взмыла вверх, в узкую и темную Долину Смерти. Там душе полагалось соскresti с себя последние куски земного. Процесс долгий, болезненный, по кровоточащему-то мясу.

Гражина и вскрикивала, и охала. Хуже фантомной физической боли было безысходное отчаяние, завладевшее ею с той минуты, когда она лишилась сына и осталась совсем одна. Уже не мать, а бессмысленная, никчемная тварь, предавшая всех и вся, за что и тащили ее теперь на справедливую казнь.

Однако в миг самой черной тоски посмотрела Гражина на своего Правого Спутника, чей профиль был печален, но светел, и в сердце шевельнулось нечто вроде надежды.

“Прие-ехали, — вкрадчиво протянул Сантехник. — Станция Вылезайка”.

Зажмурившись от невероятно яркого света, Гражина ступила на мягкую землю. Под ногами была шелковистая, изумрудно-муаровая трава. Точь-в-точь того же оттенка, что ленты под Ликом Спасителя в храме отца Юозаса.

Гражина стояла перед Источником Света, чувствуя исходящее от Него сияние и тепло. Но голову, чтобы взглянуть, не подняла. Не осмелилась. Не решилась и пасть на колени.

Но вправо и влево из-под опущенных ресниц посматривала.

Увидела, как Ангел вынул из складок одежды некую узорчатую книжицу, где были записаны все добрые дела умершей. Бес извлек из фартучного кармана потрепанную амбарную книгу, куда были занесены прегрешения.

Оба регистра двинулись навстречу друг другу и соединились в один том. Получился фолиант немалой толщины. Пожалуй, с энциклопедический словарь. Страницы в нем начали переворачиваться сами собой. Одни, будничные, быстро. Другие, значительные, медленней, и Гражина успевала разглядеть, что на них запечатлено. Это был не текст, а картинки. Миниатюры. Если смотреть внимательно, становилось видно, что изображение на них движется.

В зависимости от того, добрым или злым следовало счесть деяние, страница светлела ли-

бо темнела. И если светлела, Ангел-Хранитель радовался, а если темнела, печалился.

Одна из картинок оставалась открытой дольше других. Посмотрев на нее, Гражина ужасно распереживалась.

Со стороны это выглядело совсем не так, как было на самом деле!

Кошмарно выглядело. Хотя как еще может выглядеть убийство? Про Сюзи в Книге, конечно, ничего не было. Это ведь чужая жизнь. Зато показано, как пьяная, с перекошенной рожей Гражина, шатаясь, выходит в темный коридор. Как открывает холодильник, оглядывается. Дверца скрипит резиновой прокладкой, от света лампочки по Гражинину лицу ползут зловещие тени. Хруст стекла. В пакет ежевичного сока льется несколько бесцветных капель из ампулы.

А дальше на странице возникло то, чего Гражина сама и не видела.

Утро.

Аманда, в полотенце на голове и махровом халатике, наливает в стакан жидкость чернильного цвета. Лицо у Аманды сосредоточен-

ное, довольное. Пухлые губы кривятся жестокой усмешкой. Глоток, второй. Сдавленный сип. Аманда хватается за горло. В глазах ужас осознания. Сует два пальца в рот, пытается выbleвать выпитое. Заваливается лбом в линолеумный пол. Сочный звук удара. Беспомощно вывернутая рука с розовой ладонью. Пальцы судорожно сжимаются и разжимаются.

Страница хотела перелистнуться, но помедлила, будто просила Судию взглядеться получше.

Убийца. Да, убийца! Совершила худший из смертных грехов, но ведь...

Может быть, это был лучший поступок за всю мою жизнь! Вот что крикнула бы Гражина, если бы посмела шевельнуться или издать звук.

Но сама эта мысль уже была чудовищным прегрешением...

Аманда была самой старшей и самой волевой из девушек. Все ее боялись, предпочитали не связываться. Когда женщины долго живут вместе, всегда кто-то кого-то ненавидит, кто-то с кем-то враждует. Аманда возненавидела

2.9

а
н
н
а
б
о
р
н
с
о
в
а
а

Сюзи, мулаточку из Таджикистана. Сюзи была миленькая, нежная, с кожей поразительного оранжевого цвета, просто солнечный зайчик, а не девушка. Клиенты ее обожали, и зарабатывала она больше всех. Ну а у Аманды уже возраст, и все такое. Короче, изводила бедняжку Сюзи как могла. И в конце концов заполучила против нее неубойный козырь.

Когда Гражина только приехала, ей, как и остальным, объясняли правила. Что можно, что нельзя. Сказали: “Заруби себе на носу: есть три вещи, за которые у нас не выгоняют, а отправляют в Бочаг”. Она, конечно, спросила, что это за вещи и что такое Бочаг.

Воровство у хозяев или клиентов. Трахаться на стороне. Побег. Вот какие в “Коралловом раю” были самые страшные преступления.

А про Бочаг новенькой показали видеозапись.

Одна девушка из прошлогоднего, что ли, натора украла у клиента часы “Ролекс”. Это Гражине на словах пояснили. На экране же она увидела глухое заболоченное озерцо где-то в тайге. Связанную по рукам и ногам азиатку

(раньше “Коралловый рай” назывался “Гонконгом” и специализировался по желтокожим женщинам) по пояс засунули в черную жирную грязь. Потом в течение двадцати пяти минут, по хронометражу кадра видно, она там тонула. Очень медленно. Все время кричала, плакала, просила. Звук был стерео, великолепного качества. Крики прекратились, когда жижа поднялась выше рта. По поверхности пошла пена, глаза полезли из орбит.

Тут Гражине стало плохо, не смогла смотреть дальше. Ей дали валерьянки, запись остановили. Потом заставили досмотреть до самого конца. Как на маслянистой трясине вздымается и опадает последний пузырь воздуха.

Ночь Гражина, конечно, не спала. Рыдала, проклинала себя, что приехала. А потом подумала-подумала и успокоилась. Воровать она не приучена. Мужики на стороне ей даром не нужны. Ну а побег... Куда она побежит с годовалым ребенком?

И ничего. Прижилась, освоилась. Ничего страшного не происходило.

Пока однажды, поздно ночью, уже после смены, не пришла зареванная Сюзи. Ее вообще-то Сашей звали, но в ночном клубе почти всем давали другие имена. Гражина, например, стала Глорией.

И рассказала Саша-Сюзи, что у нее беда. Пропала она. Сука Аманда узнала про ее тайну. Любовь у Сюзи с официантом из ресторана, Костикум. А за это положен Бочаг, железно.

Как только она Аманду не упрашивала! В ногах валялась, все свои сбережения отнесла. А той мало. Заставила делать всякие жуткие, похабные вещи. Сюзи не стала рассказывать какие, да Гражина и не спрашивала. Только, вдоволь покуражившись, Аманда деньги девочке назад кинула и сказала: "Жди. Завтра доложу Рустаму. Искупаешься в Бочаге". Рустам это старший по безопасности, жуткий человек.

Вот Сюзи и пришла попрощаться, не столько с Гражиной, сколько с Джулианом. Своему Костику она ничего не сказала. Вмешается — ему тоже смерть. Попросила передать записку, но только не сразу, а попозже. В

записке всего одно предложение: “Уехала навсегда. Не ищи”.

Поплакали они обе. Выпили, конечно. Сюзи много не нужно, и ослабела она очень от страха. С третьей рюмки скисла, уснула. Дальше Гражина допивала коньяк одна.

Что делать, она уже знала. Был у нее припасен маленький пузырек. Взялся вот откуда.

Один клиент, Ленчик, симпатичный, работал завлабом в Научном центре. Очень ему Гражина нравилась. Ходил-ходил, потом предложил снять ей втихаря квартиру в городе, чтоб встречаться. Ну, она отказалась, а чтоб не обижался, про Бочаг рассказала. Тогда он и принес ей ампулу. Если что, сказал, это моментальная смерть.

Яд Гражина припрятала, сама не зная зачем. Самоубийство — страшный грех. Она бы ни за что на такое не пошла, пускай хоть сто раз топят. Но Сюзи девушка неверующая. Зачем ей зря мучиться? Как проснется, надо отдать ампулу ей.

Допила Гражина бутылку, открыла вторую.

И не то чтобы решение в ней какое-то возникло. Колебаний никаких тоже не было.

Только вдруг встала она и с пузырьком в руке вышла в коридор. На кухне стояли общие холодильники, где у каждого своя полка. Аманда утром натошак всегда ежевичный сок пила, такая у нее была привычка...

Перевернулась самая черная страница Гражиной жизни. Пусть нехотя, а все же перевернулась.

Так Гражина ничего себе в оправдание и не сказала. Не от трепета. Просто поняла, что не нужно ничего говорить, Судия все знает лучше нее самой.

И вот Книга дочитана до конца, закрыта.

Закрыв глаза, Гражина ждала приговор. По великим грехам и кара. Винить некого.

Сказано, однако, ничего не было. Только обдало вдруг Гражину волной абсолютного понимания и сочувствия, но не расслабляющего, от которого становится саму себя жалко, а... Нет, словами не объяснить.

Это как в первом классе, когда Антонина Сергеевна говорила: "Двойку я тебе, Гражю, не ставлю, но погляди, как ты букочки написа-

ла — криво, косо, с кляксами. Вырастешь, останешься с таким почерком, что люди скажут? И самой тоже стыдно будет. Станешь меня ругать, скажешь, вот какая плохая Антонина Сергеевна, не научила. Давай мы с тобой вот как договоримся. Сядем вместе после уроков, рядышком, напишем буковки снова...” Что-то в этом роде, только в тысячу раз пронзительней и мощнее.

Но сочувствие сочувствием, а приговор, похоже, был суров. Гражина поняла это по Ангелу-Хранителю. Он закрыл рукой свое круглое лицо, заплакал.

Сантехник же потянул осужденную за руку.

“Пойдем, голуба, пойдем. Чего тянуть?”

Топнул ногой, в траве провалилась дыра, где клубилась мутная взвесь. Бес легко поднял грешницу, перевернул да и кинул в прореху головой вниз.

С истошным криком Гражина полетела в бездну.

Картина десятая

АЛЕКСАНДР ГУБКИН

Так вот что значит “упокоился”, подумал Губкин, когда на смену грохоту и боли пришел покой. Как хорошо, как мирно. Ничего не видеть, не слышать, не ощущать.

Но некое время спустя вдали раздался петушиный крик, и с ним, одно за другим, очнулись все чувства. Петух — первохристианский символ Пробуждения, вспомнил Губкин.

Первое, что он увидел, вновь обретя зрение, — белые лепестки, медленно кружившиеся в задымленном воздухе. То были цветки миндального деревца, с корнем вырванного из кадки.

Потом в нос ударило запахом свежеразмолотого кофе, из развороченной кофейной машины.

Стойка с закусками была засыпана мелкими зелеными ягодами из лопнувшей стеклянной банки. Кажется, они назывались “каперсы”.

Чуть дальше была белая эмалированная раковина, вся заляпанная красными каплями. Кровь, подумал Губкин и ошибся. Это разлетелся вдребезги графин с клюквенным морсом.

Себя Александр разглядел не сразу. Он лежал на спине, неподвижный и бездыханный.

Преставился, мелькнуло в голове. Я — *новопреставленный*.

Эта поразительная мысль ударила его с такой тяжелой, упругой силой, что Губкина (вернее, *то, что ощущало себя Губкиным*) подбросило кверху. Он медленно взмыл к потолку, озирая картину страшного разгрома.

Ничто его здесь не держало. Ничего не было жалко.

Словно окончательно убедившись в этом, бестелесная суть новопреставленного запросто преодолела стены, перекрытия и оказалась снаружи, все продолжая неторопливое восхождение.

Хотел он схватиться за нательный крест, но того на шее не было. Не было на руке и часов, остался лишь след от браслета. Взрывом сорвало, что ли?

Сделался Губкин легче воздуха и плавно, словно гелиевый шарик, поднимался мимо этажей аэровокзала.

На втором, где зал прилета, метались пассажиры. Многие стояли у стеклянных стен, прижимаясь к ним лбами, разевали рты, не могли понять, что стряслось.

Этажом выше, в кабинете гендиректора, прервалось важное совещание. Почти все столпились в дверях, лишь у микрофона застрял докладчик с бледным, растерянным лицом. Перед ним лежали бумаги. Сам генеральный остался сидеть, тянул трясущейся рукой из кармана сердечные таблетки.

А на территории, действуя согласно инструкции, милиция уже заблокировала въезд-выезд. Перед шлагбаумом выстроилась цепочка клаксонящих автомобилей.

И стало Губкину ужасно всех жалко. Не себя, а их, остающихся. Это им суетиться, боять-

ся, надеяться и обманываться, радоваться пустякам, стареть и попадать в беду. Умирать.

У него же ничего этого больше не будет.

Здесь, в самый этот миг, Губкина втянуло в темное, узкое пространство, и ничего земного он больше уже не видел. Лишь черноту, в которой через некороткое время слева и справа образовались два луча, серебряный и золотой. Не скоро, безо всякого поспешания, из лучей соткалось два контура, один зловеще мерцательный, другой миротворно ясный.

То были, конечно же, спутники губкинской души. Ангел-заступник и бес-искуситель.

На беса Губкин смотреть не стал, нарочно отвернулся, чтоб не пугаться. Оборотился к Заступнику.

В Писании про ангелов Господних сказано, что это юноши в блистающих одеждах, но губкинский скорее походил на врача в белом халате. Или на студента-медика, потому что был молодой и чистоплечный. Видел его Александр уже где-то, только вспомнить не мог, когда.

Хоть от беса Губкин и отворачивался, но опасное соседство чувствовал, каждой клеточ-

2.10

н
з
м
.
.

кой души. Или атомом? Кто знает, из чего она состоит, душа. Если вообще из чего-то состоит.

От черта смердело тем, чего Губкин всю жизнь сторонился. Честнее будет сказать, тем, чему он в себе не давал воли. Злобой, нахрапом, грубостью, алчностью брюха, блуда и потных ладоней. Человека без этих запахов не бывает. Потому и полагается отлетевшей душе Суд. Как прилежный читатель духовных книг, Губкин знал, что по русской, православной вере Суд этот имеет вид хождений по небесным мытарствам. Мытарств тех числом двадцать. Мало кому дано пройти их до конца, не сорвавшись в Бездну.

При мысли об ужасах Бездны стало Александру до того жутко и неприютно, что он заплакал, хотя взрослому мужчине плакать и стыдно.

Странно это. Сбросил он плоть, *обестеле-
сился*, а мужчиной все равно остался. Это что же получается? Душа имеет пол?

Вдруг дрожащему от страха Губкину послышалось, будто Ангел что-то прошептал или прошелестел. Словно подсказывал.

“Ссст, ссст”.

Прислушался, разобрал: “Екклесиаст, Екклесиаст”.

Что Екклесиаст? В каком смысле?

И пришли Губкину на память строки из Екклесиастовой книги, которые он очень любил и помнил наизусть, за красоту. Повторять повторял, а смысла древних иносказаний не понимал. Ясно, что речь идет о смерти, но о какой именно — одного человека или всего человечества? Неясно.

“В тот день, когда задрожат стерегушие дом и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно; и запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха, и замолкнут дочери пения; и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разо-

2.10

Г
В
М
.
.

рвалась золотая повязка, и не разбился кубшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его”.

Достаточно Александру было повторить эти слова, и у него словно глаза открылись. Перехватило дыхание, а из глаз еще пуще хлынули слезы, но уже не от испуга — от Чуда.

Ведь все это только что с ним случилось, до мельчайших деталей! Оказывается, за три тысячи лет до его рождения все было в подробности предсказано. Не кому-то там, а персонально ему!

“Стерегающий дом” и “муж силы” — это он самый, Саша Губкин, и есть.

“Мелюющие”, которых “немного осталось”, — это заседальщики в кабинете у генерального. Как услышали взрыв, так языками молоть и перестали, высыпали из помещения.

“Смотрящие в окно” — перепуганные пассажиры из зала прилета.

“Запираться будут двери на улицу” — милиция перекрыла въезд-выезд.

“Замолкнет жернов”? Ах да, это остановившаяся мельница кофеварки в баре.

Был и крик петуха.

“Дщери пения” умолкли, когда заткнулось радио. “Папа-мама, прости-и”.

Высоты куда как страшны, и ужасы по дороге, все верно.

И были цветки миндаля, и рассыпались каперсы.

От взрывной волны лопнула “серебряная цепочка” нательного креста, а на руке позолоченный браслет наградных часов, “золотая повязка”.

Только на колесе, что обрушилось над колодезем, Губкин споткнулся. Не мог уразуметь, что это значит.

Сколько ни ломал голову, никак.

Между тем мрак начинал рассеиваться, сверху лился какой-то свет.

Посмотрел туда Губкин и увидел белый вертящийся кружок, наполненный сиянием.

Вот оно, колесо! И колодезь.

Очень возможно, что это не Губкин к нему летит, а оно само на него обрушивается.

Кроме радужных бликов ничто здесь не двигалось. Мир замер, осиянный утренним светом.

Поднял Губкин глаза, чтоб посмотреть на Судию, но зрение не вынесло Сияния. Ничего он не увидел, кроме Силуэта, не такого громадного, как ожидал Губкин.

Не было ни вопрошания, ни внушения, о каких можно прочесть в иных божественных книгах. И губкинские сопровождающие тоже безмолвствовали. Заступник стоял, почтительно склонив голову. Бес, который у Губкина был какой-то хмурый, лдаший, закрыл рожу когтястыми руками.

“Скучный ты человек, Александр”, — не слухом, а как-то иначе услышал Губкин обращенные к нему слова. Удивительней всего показалось ему, что в них явственно ощущалась улыбка. Как будто скучность — качество положительное, но немного смешное.

И еще было сказано: "Пошел вон, Алексофаг, ты свое дело исполнил. А ты, Андралекс, дай ему одежду со своего плеча. Там, наверну, понадобятся".

Свет вспыхнул еще ярче, и Губкину пришлось крепко зажмуриться. Когда он вновь осторожно приоткрыл веки, Судии перед ним не было. Мир потускнел и померк.

Зато и бес Алексофаг исчез. Ангел же, которого звали почти так же, как Губкина, снял с себя тонкое белое одеяние и набросил на подопечного. Это было что-то вроде халата, совсем невесомое. Губкин про себя назвал одеяние "хламидой". Как-то оно звучало торжественней, чем "халат".

Под хламидой у Андралекса оказалась другая, точно такая же. Ее ангел тоже снял и опять надел на Губкина. И снова, и снова, и снова.

В исторических книжках Губкин читал, что в средневековой Руси самой почетной наградой почиталась шуба, жалованная с царского плеча. А тут не с царского, с ангельского! Да сколько!

— Спасибо, мне хватит, — пробовал воспротивиться Александр, но Заступник не слушал.

Он все надевал и надевал на него хламиды, а они не кончались. Губкин уж и со счета сбился. Но ни тяжести, ни стесненности в движениях не ощущал, лишь приятное тепло.

“Всё, — наконец вздохнул Ангел, как показалось, с беспокойством. — Больше нельзя. Буду молиться, чтоб хватило. И ты молись”.

Он взял Губкина, укутанного, как луковица, в сто-одежек-без-застежек, за руку, потянул вверх, и они вдурт устремились ввысь.

Вот они, мытарства, сейчас начнутся, догадался Александр, но испугался несильно. В-первых, Заступник с ним, а во-вторых, ангельские одежды придавали храбрости. Доспехов прочнее не бывает.

Смушало лишь одно. Из священных книг достоверно известно, что новопреставленная душа бывает истязается мытарствами на третий день после выхода из плоти, потому и возносят в храме особые молитвы во души подержание. Но три дня ведь не прошло!

Хотя кто знает, сколько времени в земном исчислении поднимался он в колодезе? Чувствовал себя Губкин так, будто ему не тридцать два года, а вдвое больше.

Нельзя, однако, сказать, чтобы этот хронологический казус занимал его очень сильно. Слишком много поразительного было вокруг.

Чем выше к облакам поднимались они с Андралексом, тем люднее становилось в небе. Много, очень много человек разного пола, возраста и облика возносились кверху, сопровождаемые каждый своим ангелом. Почти все новопреставленные тоже были в хламидах, но увидел Губкин, чуть повыше себя, и совсем голого мужчину. Он ежился, тряс бородой и плакал.

Воздух затуманился. Это летящие достигли облака.

“Тут мытари первого судилища, — сказал Андралекс, — где взыскивают за празднословие”.

Проворные черти в черных таможенных мундирах ощупывали женщину, достигшую заставы раньше Губкина. Содрали с нее одно бе-

2.10

а
а
с
а
с
а
а
а
а
а
а

лое одеяние, другое. Дали пинка, чтоб отправлялась дальше. Женщина только взвизгнула.

Следующий на очереди был голый, с которого, казалось бы, и взять нечего.

“Сучил языком, раб Божий. Как метелкой мел” — радостно закричал один из бесов. Двое других всадили в орущего когти и ловко содрали с него кожу, после чего скинули кровоточащее тело вниз. Сопровождавший мужчину Заступник с плачем отлетел в сторону.

“Следующий!”

“Тут тебе страшиться нечего”, — шепнул Андралекс.

И то. Болтливым Губкин никогда не был. Бесы потискали его, разочарованно присвистнули, подтолкнули кверху.

Снова душа и ее Спутник летели сквозь воздушное пространство, но расстояние до второго слоя облаков было небольшое.

“Тут мытари лжи, — предупредил Ангел. — За всякое лживое слово мзду берут. Ты тоже, бывало, врал. Ну да ничего. Все твои лжи от мягкосердечия, а клятвопреступлений на тебе нет”.

Понюхали таможенники Губкина. Одну хламиду содрали, протолкнули дальше. “Вали-вали, не задерживай!” А рядом кого-то шмонали всерьез, только куски белой ткани отлетали.

Мытарство третье, клеветное, Александр миновал без потерь.

На четвертом, чревоутодном, лишился двух хламид. Грешен, съедал на Масленицу блинов выше всякого предела. И колбасу докторскую тоже, бывало, зараз по полкило убирал.

Таможня пятого слоя трясла за ленивость. Здесь Александр многих одежда недосчитался. За то, что в школе к учению был нерадив, что институт бросил, что любознательности не хватало. Главное же — что не искал в себе даров, какие в нем от Господа заложены.

Зябковато стало Губкину после пятого кордона. А ведь ломался, от одежды отказывался.

Зато шестое мытарство, где берут пошлину за содеянные кражи, он преодолел благополучно.

В облаке сребролюбия и скупости, где со всех сторон вой стоял, его тоже не тронули.

Не страшно ему оказалось и восьмое мытарство — лихоимства. Взятки Губкину, слава

Тебе, Господи, братъ при жизни было не с кого, и в долг под проценты он тоже никому не давал. Наоборот, сколько раз у него брали и не возвращали.

Облако девятое особенно опасно для неправедных судей, кто судил не по справедливости, и для предпринимателей, кто своим работникам недоплачивал. Эту стадию Губкин вообще как по зеленому коридору проскочил. Таможенники на него только взглянули да, позевывая, отвернулись. Опытные. Сразу увидели: не клиент.

Десятый этаж, где обирают завистливых, стоил ему двух хламид. Это мало. С других куда больше снимали. С Губкина же только за две вещи. Ужасно он всегда завидовал тем, у кого голос хороший. Стоит, бывало, перед телевизором, воображает себя певцом, подпевает дурным голосом. Это-то козлиное пение мытарь ему сейчас и изобразил. “Давай мзду, Азнавур недоделанный”. И еще взяли за Леху Колесниченко. Был в армии такой дружок, которому Губкин по молодой глупости люто завидовал. Леха как в увольнительную ни пойдет,

обязательно с какой-нибудь девушкой познакомится, одна другой краше.

2.10

Г
З
М
.
.

На одиннадцатом КПП (этот термин Александру вспомнился из армейской службы) его пытали, во-первых, на предмет гордыни — ничего не нашли. Во-вторых, на грех тщеславия — тоже обошлось. В-третьих, в смысле непочтительности к отцу-матери. Здесь вообще мимо, потому что Губкин вырос в детском доме и родителей своих не помнил. Зато по четвертому пункту, хуле на поставленные от Бога власти, лишился он сразу нескольких хламид. Грешен, хулил власть, причем злобно и в непозволительных выражениях.

Андралекс потрогал, много ль на подопечном одеяний осталось, нахмурился. Это ведь едва за половину испытаний перевалили, и самые тяжкие еще впереди.

“Вдруг я не все благие дела тебе зачел?” — с тревогой спросил Заступник, и до Губкина дошло, что хламиды не просто так выдаются, а строго под отчет.

Двенадцатое мытарство касалось греха гнева и ярости. Это мимо, мимо.

Тринадцатое: злопамятство и мстительность. Тоже не по нашей части.

Ангел уже повеселее глядел. На четырнадцатом облаке, самом темном, где берут тяжкую мзду за смертоубийство, за драку, за побои, Губкин оставил одну хламиду целиком и от другой оторвали несколько лоскутов. Лоскуты за мелкие подростковые потасовки. Полную хламиду за махаловку на первом году армейской службы, когда они, салаги, решили “дедам” дать отпор и он одному бедолаге временной пряжкой чуть голову не проломил.

Мытарство пятнадцатое особенно впечатлило. Там трясли колдунов и чародеев, так что Губкину бояться было нечего, но таможенники почему-то расхаживали в масках скорпионов, змей, жаб и прочих гадких тварей. А может, это были и не маски. Особо приглядываться Александр не решился. Втянул голову в плечи и поскорее выше, выше.

“Приготовься, сейчас трудно будет, — волнуясь, показал Заступник на следующий слой облаков. — Здесь, на блудных мытарствах, почти все срезаются”.

Расторопные пацаны в сдвинутых на затылок фуражках, развязно подмигивая, обступили Губкина со всех сторон. У соседней стойки такая же гоп-компания обдирала как липку какую-то женщину, срывала с нее последнее. Вот женщина осталась совсем без ничего, пробовала прикрываться руками, но какое там. Содрали кожу и скинули бедняжку с облака. Еще и плюнули вслед.

“Раз блуд... Два... Три...” — насчитывал мытарь, сдергивая с Александра хламиду за хламидой. Ангел только охал, он тут был бессилен.

Но блудных дел на Губкине не так много висело. Голый секс, без любви, он не признавал. Зато нечистых помыслов, за каждый из которых таможенник отрывал от одеяния по куску, набралось ого-го сколько. Однако самую большую потерю понес он не через блудные дела и помыслы, а за другое. “Ну-ка, ну-ка, чтой-то у нас?” — жадно принюхиваясь, спросил главный из прелюбодейных мытарей. “Догадывался, что Наташка твоя задумала аборт сделать, а ничего у ней не спросил, смалодушествовал? Эй, ребята, тут соучастие

в блудном чадоубийстве!” И содрали с Александра разом десять последних хламид, так что остался он в чем мать родила. Приготовился, что станут и шкуру когтить. Поделом. Прав черт, тяжкий грех у Губкина на душе. Но скинул с себя Ангел собственный сверкающий плащ, набросил Александру на плечи. Цапнули мытари драгоценную ткань, начали жадно рвать на клочки, ссориться, кто кого обделил. И схватил нагой Андралекс новопреставленного за руку, утянул прочь, пока бесы не опомнились.

Теперь они оба по небу летели ничем не прикрытые, а впереди оставалось еще два последних судилища, откупаться от которых было уже нечем.

— Что здесь? — дрожа от озноба, показал Губкин на приближающуюся тучу.

“Мытарство ересей. Кошунствовал? Святотатствовал?” Александр головой помотал.

“А сомнения в Вере были?”

— Были...

Повесил Александр голову. Понял, что девятнадцатого экзамена ему не сдать.

Но то ли сомнения его были негубительны, то ли сам этот грех очень уж тяжким не считался, однако не содрали с Губкина кожу. Пару раз когтями окорябали, и то, похоже, более для острастки.

“Последнее мытарство для людей святой жизни самое опасное, — объяснил Заступник перед двадцатым облаком. — Кто прожил жизнь безгрешно, но кичился своей святостью. Кто был сух душой и не ведал ни любви, ни сострадания. Ох, многие праведники отсюда, из самого Райского Преддверия, с криком и плачем были низвергнуты в адскую бездну”.

— Ну, это не ко мне, — весело сказал тут Губкин. — Жизнь моя, сам видел, не без греха, так что кичиться мне перед ближними было особенно нечем. Пойдем!

И мимо двадцатой заставы, где и людей-то уже почти не было, он прошел спокойно, бесшумно. Каменномордые мытари просветили его ненавидящими взглядами, как рентгенами, но не остановили.

— А дальше куда? — спросил он, обернувшись к Андалексу.

2.10

а
н
н
а
б
о
р
и
с
а
а

Но того рядом не было. Растаял.
Губкин стоял совсем один на пустой камен-
ной дороге, которая начиналась в тумане, в ту-
мане и заканчивалась.

Картина одиннадцатая

ШИН ВАДА

Плотская стадия существования закончилась, как и положено, судорогой боли, которая одновременно является и смертной, и родовой мукой, ибо граница, отделяющая предшествующую инкарнацию от последующей, едина. Однако, если уж продолжить пограничную метафору, Ваде еще предстояло миновать Нейтральную Полосу. На нее он возлагал особую надежду.

Нет, нет, не надежду! Ни в коем случае! Случайно сорвалось!

Надежда — знак суеты и свидетельство недозрелости Духа, поэтому, едва отойдя от боли, Вада всякие упования в себе подавил. Всецело отдался степенному, безмятежному покою. Ничто ему не страшно, он готов к любому ис-

ходу. Именно так ощущает себя Дух, созревший для Нирваны.

Бардо Смерти разворачивалось своим, на все времена установленным чередом, который Вада изучил настолько тщательно, насколько это под силу обычному, живущему в мире человеку.

После Онемения Чувств первым должно было очнуться самое тонкое из них, обоняние. Затем слух.

Так все и произошло.

Донеслось слабое благоухание лотоса. Потом раздался легкий сладостный перезвон. Так звонят подвешенные к окну бронзовые колокольчики, когда их колеблет сквозняк.

Самое опасное теперь — проявлять нетерпение.

Где же сполохи?

Вот они!

Воскресло зрение. Сияние, подобное Полярному, замерцало в черной пустоте. Белый сполох, Красный, Черный, и наконец Пустой, то есть того цвета, что не имеет названия на человеческом языке.

Одновременно Вада тронулся с места, его повлекло куда-то вперед и вверх, с постепенным ускорением. Полет давался не без усилий, будто приходилось протискиваться сквозь узкий, тесно облегающий чулок.

Как испугался бы всех этих ощущений Дух человека, не изучившего мир переходов из одного бардо в другое! Читая книги о Великом Путешествии, Вада беспокоился, сохранится ли за смертным пределом в его памяти постигнутая Наука Умирания и Перерождения. Сохранилась. Он не только сознавал происходящее, но и помнил, что все это означает.

Чередование разноцветных бликов это распад четырех пран, из которых состоит жизнь: земли, воды, огня и ветра.

Темнота знаменует растворение ума, то есть освобождение Духа от убогой рассудочности, которой вынужден довольствоваться человек, обремененный телом.

Движение через тесный проход это путь, которым Дух выбирается из лона плоти, как новорожденный из лона матери.

Дальше должен воссиять Ясный Белый Свет. Он невыносимо ярок, но тот, кто сможет вынести его, не закричав, не зажмурившись, обретет Свободу и навсегда вырвется из круговорота Сансары.

Не надеяться. Главное не надеяться, напомнил себе Вада, всем своим существом готовясь к главному испытанию.

А все же оно застало его врасплох.

Ясный Белый Свет обрушился на него с такой хищной, жадной силой, что Вада и закричал, и зажмурился.

Не готов! Он оказался не готов к Освобождению. Значит, ему суждено новое перерождение. Он останется в Мире Желаний.

Так и должно было случиться. Слишком неистовы были страсти, владевшие им при жизни. Как это он, суетный грешник, мог надеяться на иное! “Надеяться” — опять это жалкое слово...

Ослепительное сияние угасло, так что можно было снова открыть глаза. Темнота истаяла, Ваду со всех сторон окружали источники света. То было мерное свечение Шести Миров

Сансары, не выпустившей умершего из своих цепких объятий.

2.11

Вада смирился и терпеливо ждал продолжения. Что будет, то и будет.

Он знал, сейчас начнется явление Внутренних Будд. Перед духом умершего предстанут сначала сорок два Мирных Будды, обитающие в районе сердца и олицетворяющие собою все хорошее, что было в человеке. За ними нагрянут обитавшие в черепе пятьдесят восемь Гневных Будд, и вид их будет настолько ужасен, что не испугается их только Просветленный.

За последние годы своей долгой мучительной жизни Вада настолько отвык чего-либо пугаться, что ему стало даже интересно. Неужто существует зрелище, способное вызвать у него страх? И по слабому шевелению любопытства догадался, что страха не будет. Выходит, он не достоин Нирваны, но по крайней мере достиг стадии Безмятежности?

Здесь его, однако, ожидал сюрприз. Никакого парада Будд не было. Вместо этого прямо перед лицом Вады в воздухе возникла точка, не

сразу привлечшая его внимание. Она быстро увеличилась в размере и превратилась в вертящийся кружок, а затем в колесо. Бешено вращаясь, будто подброшенная в воздух монета, колесо упало на землю, стало заваливаться, замедлило вращение. Стало видно, что оно поделено на разноцветные сектора, а может быть, на ячейки.

Ни про какое колесо в книгах написано не было. Правда, свидетельства Просветленных гласили, что бардо перехода у каждого человека может быть неповторимым.

Я не утратил способности удивляться, с огорчением отметил Вада. Мой дух слишком незрел. Но разочарование не побудило его отвести глаза от завораживающего зрелища.

Великий Будда, что это?!

Он смотрел и не верил.

Колесо еще не остановилось, но уже было хорошо видно, что оно собою представляет.

Это была рулетка! Из тех, что используют в игорных домах. В эпоху своей Второй Страсти, мечтая о богатстве, Вада частенько наведывался в подпольные притоны и однажды даже выиграл большие деньги.

Рулеточное колесо и Колесо Сансары — это одно и то же?

2.11

Такого рода открытия обычно делает рассудок, одурманенный сном, когда спящий человек приходит в восторг и трепет от какой-нибудь чуши, над которой сам же утром будет смеяться.

н
в
м
:
.

Но до пробуждения Ваде было еще далеко. Да и вообще, кто скажет, что из четырех наших бардо есть сон, а что бодрствование?

Не пытаясь постичь происходящее остатками рассыпающегося земного разума, Вада просто глядел на цветное колесо и ждал, когда оно остановится.

Однако еще прежде, чем оно замерло, удалось рассмотреть ячейки. В них были не цифры и не символы, какие обычно изображают на Круге Перевоплощений, а что-то пестрое и движущееся.

Картинки, маленькие картинки.

Острым взором, будто никогда не ведавшим близорукости, Вада впился в них.

Это были подобию телеэкранов, совсем крошечных, но стоило вглядеться, как изображение расширилось, словно впуская внутрь себя.

Откуда-то Ваде сделалось ясно, что он должен выбрать только одну ячейку и от этого выбора будет зависеть очень многое. Но выбирать следовало не рассудком.

Глаза зацепились за зелено-голубой квадрат и больше от него уже не отрывались. Ячейка определилась сама собой.

То, что это какой-то эпизод из минувшей инкарнации, Вада догадывался. Но какой? Очевидно, особенно значительный, кармоопределяющий.

Экранчик разросся, заполнив всю вселенную. Теперь дух умершего находился внутри этого иллюзорного мира, но пока не распознал его.

Жаркое солнце. Зеленые горы, покрытые тропической растительностью. Голубое южное море. Какие-то хижины, крытые пальмовыми листьями.

Гуам? Не похоже. А все-таки когда-то, где-то это место он уже видел. Посмотреть бы на него с птичьего полета.

Оказалось, что духу это ничего не стоит.

Точка обзора переместилась вверх, Вада увидел под собой океан и странной формы остров. Он был похож на зеленую букву С.

Кратер древнего вулкана, один край которого пробит морем, так что внутри образовалась бухта.

Тут все сразу и вспомнилось.

Себанг, остров Себанг. Именно таким, похожим на надкушенный багель, Вада видел его всякий раз, когда подлетал с западной стороны.

Сорок третий год. Нет, начало сорок четвертого. Он только что закончил авиашколу, зачислен в сводный японско-маньчжурский полк. На маленький островок Марианского архипелага летал, наверное, раз десять. Доставлял грузы и людей. Там, на Себанге (или Себонге, забыл; неважно, пускай Себанге) планировали создать базу. Потом почему-то передумали.

Что из всей долгой жизни выдернут именно военный эпизод, Ваду не удивило. Там, в первой половине сороковых, остались все самые сильные переживания и самые яркие впечат-

2.11

н
в
з
.
.

ления. То ли из-за войны, то ли из-за молодости. В последующие годы Ваде часто приходило в голову, что все главное произошло в его жизни слишком рано, когда он, по юной глупости, еще не был в состоянии ничего понять. Другие ветераны говорили то же самое.

Но почему именно Себанг? Ничего важного про эту дыру Вада, хоть убей, припомнить не мог. Он вообще начисто забыл, что там с ним было, на этом острове. Мало ли потом было других островов, других баз.

Ну-ка, ну-ка. Самому стало интересно.

Всепроникающий, потусторонний взор умершего вновь спустился вниз.

Тенистая поляна. На вытоптанной земле несколько деревянных столов и скамеек. Там сидят военные. Пьют самогон, орут. Все в одинаковых линялых гимнастерках. Лица грубые, хриплый смех. Когда Вада думал про своих военных товарищей, они вспоминались ему совсем иными. Какие они, оказывается, щуплые, низкорослые, недокормленные!

Себя самого он узнал лишь по сходству со старыми фотографиями. Но они не запечатле-

ли жадного блеска глаз, нервного тика в углу рта, быстрых и неуверенных движений. Кого мальчишка так внимательно слушает?

Это была последняя мысль *извне*. В следующее мгновение Вада уже сам стал юнцом, что сидел на жесткой скамейке и нехотя тянул из стакана пахучую сивуху. Точнее, Вада одновременно вернулся в себя прежнего, но и не утратил способности наблюдать за всем из своего теперешнего местопребывания. Не мог лишь изменить ход событий. Ни в чем.

Вчера прилетел с материка. Доставил личный состав зенитного взвода. Завтра полетит обратно, повезет отпускников и заболевших. Нынче вечером передышка. Сидит в забегаловке для младшего комсостава, он ведь сержант. Но сержант ненастоящий, маньчжурский. Отсюда и неуверенность, и жадный блеск.

Все веселятся, наблюдая, как дурачится фельдфебель Араки. Это лихой истребитель, большой выдумщик и трепач. Он снял с мертвого американца, чей самолет был сбит над самым аэродромом, невиданные солнечные оч-

2.11

Т
а
м
.
.
.

ки, с зеркальными стеклами. Очень горд своим трофеем, устроил целый спектакль. Заливает, что очки эти волшебные, американцы выдают их только наиглавнейшим асам. Наденешь — и тебя не видно.

Вся эта белиберда, которую Араки излагает с очень серьезным видом, предназначена, конечно, не для своих, а для туземной прислуги. Официанты и посудомойка слушают разинув рты. С благоговением и ужасом смотрят на очки, лежащие на краю стола. Хромированные стекла загадочно посверкивают на солнце.

Вада, которого пока еще зовут по-другому, тоже смеется. Он завидует шутнику, потому что тот — японец, истребитель и герой, уже сбил шесть вражеских самолетов. Нынешнему Ваде беднягу фельдфебеля жалко. Кажется, Араки потом сторит заживо в кабине своего “зеро”.

Но какой смысл наблюдать из посмертного барда эту дурацкую сцену?

Военные начинают болтать о другом. Араки с приятелем затевают игру по десять сэнов: кто дальше плюнет.

Нынешний Вада смотрит, слушает. Не может взять в толк.

2.11

“Очки! — вдруг кричит Араки. — Кто-то спер мои очки!”

И правда, солнечных очков на краю стола больше нет.

Фельдфебель раздосадован не на шутку. “Я знаю! Это девчонка в красном платье! Она тут вертелась!”

Действительно, посуду со столов собирала туземная девчонка лет четырнадцати. Некрасивая, круглолицая. Теперь она исчезла.

“Эй, ребята! Кто вернет мне очки, ставлю бутылку!”

Несколько человек отправляются искать воровку, в их числе юный Вада. Не из-за награды. На что ему бутылка этого пойла? Он хочет, чтобы Араки и остальные истребители его заметили. Может быть, даже усадили с собой за стол.

Остальные ищут на кухне, во дворе, в соседних хижинах, у Вады же свой план.

Девчонка не из этой деревни, иначе она не посмела бы красть у военного. Значит, из той

деревни, что на противоположном краю бухты. Других поселений на острове нет.

Ведут во вторую деревню два пути: бетонное шоссе и тропинка через лес. По тропинке Вада и бежит.

Решение правильное. Довольно скоро он замечает, как впереди между деревьями мелькает что-то красное. Прибавляет скорости.

Вон она! Обернулась на крик, остановилась.

Так и есть, даже не спрятала добычу, идиотка. Очки у девчонки на носу, посверкивают стеклами.

— Иди сюда! — кричит ей Вада. — Иди, иди, я тебе ничего не сделаю.

Местные жители по-японски понимают, успели выучиться. Но воровка не трогается с места. Стоит на пригорке, не шевелится.

— Да спускайся же ты! Употел за тобой бегать.

Когда до нее остается шагов двадцать, туземка поворачивается и снова пускается наутек. Вот дура! Как будто от сержанта-пилота можно удрать.

Взбежав на пригорок, Вада снова ее видит.

Девчонка ведет себя странно. Продолжая бежать, срывает через голову свое красное платьишко, отбрасывает в сторону. Под платьем на ней ничего нет.

Теперь, когда беглянка совсем голая, видно, что фигура у нее уже совсем не девчоночья. Крутые бедра. Смутлые ягодичы от резких движений ходят вверх-вниз.

Кричать Вада больше не может. У него ком в горле.

Воровка, впрочем, уже не пытается скрыться. Она отбежала с тропинки в сторону, присела на корточки и ждет. Не в кустах, не в зарослях — на открытом месте.

Только теперь Ваде становится понятен смысл ее диковинного поведения. Она и вправду поверила, что очки волшебные! Платье сняла, чтоб оно ее не выдавало.

Медленно, с бешено бьющимся сердцем он приближается к месту, где затаилась девушка. Ваде двадцать один год, женщин у него еще не было. Голых девушек раньше он видел только на порнографических открытках.

На тропинке, в каких-нибудь пяти шагах от туземки, он останавливается. Делает вид, что прислушивается, якобы слышал какой-то шорох.

Бедная дуручка зажимает ладонями рот и нос. Не дышит.

Теперь ему хорошо видны ее груди и черный пух в промежности. А глаз не видно, они закрыты очками.

Я могу сделать с ней все, что захочу, — думает юный Вада. По его лицу стекает щекотная капелька пота.

Он уже в одном шаге от беглянки. Втягивает носом воздух, будто принюхивается.

Она подняла голову, не издает ни звука.

Каким видит меня эта девушка, думает вдруг Вада. Опускает взгляд и внезапно замечает в двух маленьких зеркальцах свое отражение.

Нет, не просто отражение. *Он видит себя ее глазами.*

Да, да, так и было! Это действительно с ним произошло там, в лесу. На миг он увидел себя со стороны! Как же он мог забыть? Хотя потом было столько всяких событий, куда более значительных...

Увиденный взглядом перепутанной туземной девочки, Вада грозен и загадочен. Он заслоняет собой все мироздание. На потном лбу набухла жила. Глаза в мелких красных прожилках. От него резко пахнет опасностью. А еще у него угрожающе оттопыриваются штаны.

Видение мелькнуло и исчезло. Вада снова был самым собой и видел лишь два крошечных своих отражения. Но возбуждение схлынуло.

— Дай сюда, дура, — буркнул он, сдерживая с девочки очки. — И катись домой, пока тебе не выпали.

Картинка начала блекнуть, сжиматься.

И это все?! Неужто из восьмидесяти пяти лет жизни не сыскалось ничего более важного для определения следующей инкарнации? Это какая-то ошибка! Нелепый произвол рулеточного колеса!

Но исправить что-либо было уже нельзя.

Вада почувствовал, что с ним происходят какие-то изменения. Он переставал видеть контуры собственной фигуры. Она стала прозрачной, медузообразной. Границы размылись,

поплыли. Настал миг окончательного расставания с материальной сущностью.

Известно, что людям истинно святой жизни удается забрать с собой из этой жизни собственное земное тело, так что от праведника остаются лишь волосы да ногти. Но Вада праведником не был и власти над своей физической оболочкой не сохранил.

Прощаясь с телом, он испытывал щемящую грусть. Пусть оно было изношенным, никчемным, а все равно жаль. Такую же примерно жалость чувствуешь, когда выбрасываешь изношенную одежду, с которой связано много воспоминаний.

Старый маньчжур Вада перестал быть старым, перестал быть маньчжуром, перестал быть Вадой. Он вошел в бардо Становления и превратился в шарообразный сгусток невоплощенного духа.

Прозрачный мерцающий шар покачался в пространстве и, подхваченный ветром, отправился в облет Шести Миров.

Картина двенадцатая

Т а м . . .

ВЛАД ГУРКО

Когда человеку настает ку-ку, хорошего тут мало. Совсем нисколько.

От жуткой боли Влад ослеп и оглох. Его вроде как вообще не стало. Но если б вообще не стало, не было бы так хреново и так страшно.

Вдруг незнакомый голос, в конкретном таком напряге, заверещал, вернее, прощелкал и профыркал невероятный набор звуков:

“эсцтясцъяэяоцхсяанцмяиа!эсцтясцъяэя-оцхсяанцмяиа!”

Фиг его знает, что это значило. Ну, кроме того, что к Владу вернулась способность слышать.

“нцнмъятпрусрнмгбыьмолцорэся! — еще на большем нерве с заиканием проистерил тот же голос. — ээрырюьчюруцэябёьр!”

2.12

В ту же секунду Влада отпустило. Боль перестала терзать его несчастное развороченное тело. Пропала, будто ее никогда не было. Осталась только паника.

Но неведомый диктор, каша во рту, произнес следующее магическое заклинание: “ээ-рылнпрфяцэябёёр”, и ужас тоже улегся. Сделалось Владу мирно и спокойно, как от пары затяжек хорошим хашем, когда реально отрываешься от повседневной суеты и воспаряешь в астрал.

Именно это Влад и сделал. Воспарил. То есть в натуре воспарил, к потолку. Что-то оттягивало правую руку, мешало подъему. Плоская фляжка коньяку. Она стояла на стойке сбоку. Когда он успел ее цапнуть и зачем, хрен знает. Хотел Влад бросить ненужную тяжесть, но вместо этого сунул фляжку в карман. Кинул вниз последний взгляд. Передернулся.

Внизу было мусорно и муторно. Обломки, дым, запах trebuхи и дерьма, кто-то вопил во всю глотку. Влад из этого стремного бардака улетел, не оглянувшись.

Унесло его высоко вверх, в черное ночное небо. Сначала показалось, что в простор, но по-

сле того как пару раз приложился локтями и коленками о жесткое, допер: это он поднимается в узкой трубе с прозрачными, не то стеклянными, не то пластиковыми стенками. Поднимается плавно, но на хорошей скорости. Огни терминала и взлетной полосы стали размером с неоновый рекламный щит, а в стороне выплыл здоровенный торт, утыканный свечками, — столица нашей родины город Москва.

Через малое время от Земли вообще осталось одно слабое мерцание, а потом и его закрыли облака.

Все это было бы ничего и даже прикольно, если б не холодрыга. Влад кошмарно мерз, и чем дальше, тем круче. На высоте десять тысяч метров температура минус сорок, минус пятьдесят. В ледышку на хрен превратишься.

Хотя чему превращаться-то? Он же уже помер. Пал жертвой то ли теракта, то ли утечки газа. Но где все остальные? Живы остались? Нечестно. Почему он должен один за всех париться?

Однако Влад ошибся. Он в трубе был не один. Шепелявый голос по-прежнему его сопровождал.

“бояэцмяицрссдхчятъгуцмъуг”, — услышал Влад.

Полет притормозился. Наверху возникло круглое светлое пятнышко.

Это еще что такое?

Люк. С ободом из гладкого светящегося материала. Внутри что-то белое.

В нерешительности, еще не решив, стоит ли туда лезть, Влад завис в воздухе. Протянул руку потрогать край люка и вдруг заметил, что на кисти всего три пальца. Оторвало взрывом? Но крови не видно. И кожа целая. Только зеленоватая какая-то.

— змрчяьолсыя! — само собой выскочило из Влада какое-то квохтанье.

Он поперхнулся, закашлялся.

Эх, была не была. Хуже не будет.

Просунул голову в отверстие.

Ничего особо пугающего не увидел. Собственно, и видеть-то было нечего.

Абсолютно белая полукруглая камера, похожая на половинку гигантского кокоса, вид изнутри.

Влез, встал на ноги, и люк в полу сразу задвинулся. Не разглядишь, где и был.

Из-за того что все вокруг такое белое, Влад совершенно утратил ощущение пространства. Ни тени, не шероховатости, глазу не за что зацепиться.

Это я умер, объяснил он себе, но понятней от этого не стало. Теперь чего, всегда так будет? В смысле, белая пустота, и больше ни фига?

Было реально холодно. Колотило не по-детски, зуб на зуб не попадал. Только без клацанья. Когда стукались челюсти, звук выходил какой-то мягкий, неубедительный.

Влад сунул в рот палец.

Куда-то подевались зубы. Остались одни десны. Правой рукой, трехпалой, он пользоваться избегал, вообще старался на нее не смотреть. Действовал левой, нормальной.

Ею и схватился за голову.

юуус, волос нет! На гладком черепе какие-то бугры!

— Что за глюки? змрчясязяшыьсь! — пролепетал Влад.

Захлопал глазами. Ты хоть сам понял, чего сказал?

Опять включился шипящий голос, уже не встревоженный, а спокойный такой, деловитый.

“эсцтясцътъоърыэмояснфятьол!”

Куда-куда? — насторожился покойник. Почему-то возникла уверенность, что бессмысленный набор звуков содержит в себе информацию о каком-то перемещении.

В одной из белых стенок открылось полукруглое отверстие.

Влад весь сжался, готовясь к чему-то нереально кошмарному. Типа выскочит сейчас какая-нибудь жуть. Но ничего не выскочило.

“эйрыцлшгътршср”, позвал все тот же странный голос. Когда Влад попятился, выяснилось, что голос умеет говорить и по-русски, причем чисто, без акцента. “Вперед, вперед, не надо бояться”.

От человеческого обращения Влад малость съехал с нерва. Осторожно просунул в проход голову, готовый, если что, отпрянуть. Белая полукруглая камера ему уже казалась чуть ли не родной, а тут еще неизвестно, что ждет.

Ничего особенного он не увидел. Такое же белое помещение, абсолютно пустое. Только прямоугольное, и одна из стенок поблескивает. Из полированного металла, что ли?

Влез. Отверстие за ним сразу закрылось.

Здесь было еще холодней. Прямо рефрижератор. Из рта вместе с дыханием вырвалось облачко пара. Из носа потекло.

Левой рукой Влад хотел утереть сопли. А носа-то нет! Ровное, немного пупырчатое место!

Почему-то эта пропажа произвела на Влада особенно тяжелое впечатление. Можно сказать, просто в шок вогнала.

Он зашатался, упал на четвереньки и, подвывая, выполз на середину комнаты.

Краем глаза заметил сбоку какое-то движение. Застыл. С ужасом обернулся.

Уф, зеркало!

Стенка, что поблескивала, оказалась зеркальной. Там отражался кто-то стоящий на четвереньках.

Ну-ка, ну-ка.

Влад встал, подошел ближе, чтобы себя рассмотреть.

В какого же уroda он превратился...

От одежды остались обугленные клочки. Левая рука нормальная, правая свисает до колена. До *верхнего* колена, потому что их три на каждой ноге!

А рожа, тятрзфятра, рожа! Вместо носа какое-то ситечко. Глаза на месте, но во лбу появился третий, прикрытый полупрозрачной перепонкой. Губы зеленые. Ужас!

Может, это не зеркало?

Он поднял уцелевшую руку, чтобы потрогать поверхность. Урод сделал точно такое же движение.

Все-таки зеркало! Это он, Влад Гурко, превратился в *такое*?

И захотелось ему умереть во второй раз. Конкретно и окончательно. Только чтобы *это* не видеть. Лучше руки на себя наложить!

Только как это сделаешь?

Крича от ужаса, Влад согнулся и разбежался, чтоб расшибить свою уродскую башку о белую стену.

Но она оказалась предательски мягкой и упругой, отбросила Влада назад на середину.

“Спокойно, спокойно!” — сказал по-русски
невидимый голос.

Хрена спокойно!

Зеркало-то точно твердое!

С удесятеренной яростью, с бешеным во-
плем Влад по-бычьи, головой вперед, понесся
прямо на свое отражение.

Зеркало впустило самоубийцу в себя с до-
вольным, причмокивающим звуком.

ыртя!

2.12

Г
З
М
.
.

3

AKT

*Действие всех картин происходит в разное
время, а некоторых вне времени*

Картина первая

т
а
м
.
.
.

ЯСТРЕБ

Ястреб дошел до края крыши, за которым, он это знал наверняка, *ничего не было*. От нетерпения шаги всё убыстрялись, перешли на бег, и границу, отделявшую серую зону от Черного Ничто, он преодолел скачком.

Всё получилось как надо.

Бросок — и Ястреб сам стал Ничем. Чернотой.

Картина вторая

АЛЕКСАНДР ГУБКИН

Каменная дорога, на которой оказался Александр, не имела ни начала, ни конца, а все же в какую сторону нужно идти, сомнений не возникло. Туда, где сквозь туман просвечивает утренняя заря, куда ж еще?

Только это оказалась не заря, а столп золотистого света. По освященному веками предположению церковных авторитетов, на преодоление воздушных мытарств уходит три дня, по истечении которых оставшееся на земле тело предают земле, а душа "получает облегчение в скорби" и идет на поклон Престолу Божию.

Неужто это и есть Пресветлый Престол, огорчился Губкин, ожидавший чего-то гораздо более величественного. Подойдя ближе, он разглядел сквозь розовеющую дымку, что это

не столп, а силуэт, подобный человеческому. Точно, человеческая фигура!

Туман проредился. Новопреставленный раб Божий увидел перед собой воина в сверкающих доспехах и остроконечном русском шлеме. Лишь теперь стало ясно, кто это. Небесный покровитель, святой благоверный князь Александр Невский, которого Губкин молил о заступничестве всю свою жизнь. Выходит, правы те из вероучителей, кто предполагает, будто душу усопшего у Небесных Врат встречает попечительствующий святой!

Александр Невский оказался высоким, длиннобородым — нет, не мужчиной, а мужем, вот правильное слово — со строгим лицом и острым немигающим взглядом. Уж, казалось бы, такого страху натерпелся Губкин с ужасными мыгтарями, что его теперь ничем не напугать, а все одно оробел. Или, вернее сказать, смутился.

Со святым покровителем отношения у Саши были непростые. Не раз грешным делом желал себе какого-нибудь тезоименного попечителя посимпатичней, помирнее нравом.

3.2

Скажем, кроткого Александра Свирского или хоть великого молчальника Александра Константинопольского, основателя братства Нусыпающих. Но куда от грозного воина денешься, если родился ровнехонько 6 декабря, в день памяти благоверного князя? Неспроста же это!

Пытаясь разгадать заданную Господом загадку, Губкин прочел не одну книжку о жизни великого ратоборца. Но так и остался в недоумении. Молиться своему святому молился, а любить не любил.

В Невском ему не нравилось многое. Во-первых, всякий полководец убийца. Чем больше душ погубил, тем пышнее слава. Еще в князе было противно то, как он перед ханом Батыем лебезил. Как вольнолюбивым новгородцам носы резал и глаза выкалывал. Наконец, как, возжелав воссесть на великое княжение, привел на Русь татарские полчища. Хорош защитник земли Русской! Но не роптать же на церковь. Раз Александр Ярославич канонизирован, да еще Бог знает сколько веков назад, значит, сочтен достойным. Сомнения неуместны. И тем

не менее всю свою жизнь Губкин сомневался. Потому и глаза сейчас опустил. Не говоря уж о том, что по-земному, по-человечьи обмер. Видно, не совсем еще избавился от суетных обыкновений.

Ведь это сам Александр Невский! Который в кино говорит: “Кто на нас с мечом пойдет”? И потом, как с ним разговаривать? Не по-древнему же! Все, что Губкин запомнил из старорусской речи, это школьное “Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы”. Или еще, из кино про Ивана Васильевича: “Боярыня ликом лепа, бровями союза”.

И случилось от этой последней мысли с Сашей ужасное, невообразимое. Он хихикнул.

Перепуганно, исподтишка взглянул на святого мужа и вдруг увидел, что тот тоже улыбается. Весело, легко.

“Бояться забудь, — услышал Губкин, хотя уста князя не шевельнулись. Как перед тем Ангел-Хранитель, святой обращался к нему без звуков, одной мыслью, так что все было понятно. Иногда попадались слова, которых нынче не употребляют, но и они пониманию не ме-

шали. — Страх внизу остался. А что из-за моей святости сомневаешься, это правильно”.

Оказывается, Невский слышит его мысли! Тут стало Губкину совсем совестно. Хотел он прощения попросить, но святой поднял правую ладонь (по-старинному *длань десницы*) — помолчи, мол.

“Уж как рвали меня бесы на воздушных мытарствах за тяжкие грехи мои! Не то что тебя. Чуть не на всех двадцати небесах клочья лети. До трех тысяч покровов с меня содрали, а только до кожи не добрались. Ты вот про мою земную жизнь многое знаешь. Исшел про меня и злословное, и умное, и благоглупное. Скажи, за что простились мне ужасные злодеяния мои?”

Святой по-прежнему взирал на Сангу с улыбкой.

— За Невскую битву, где вы ярла Биргера в лицо копьем ранили, — неуверенно ответил, тоже без участия рта, Губкин. — И за Ледовое побоище, где вы потопили множество немецких псов-рыцарей.

Князь вздохнул.

“Вот оно, земное мое наказание. Что славят меня в веках за ненужное, а главного дела моего не помнят. Не было на Неве никакого ярла Биргера, а всего лишь горстка разбойников. А на Чудском озере рыцарей, по милости Божией, побито всего два десятка, да шестеро в плен взяты. Невелико было сражение”.

Саша изумился.

— За что же тогда? Или насвоевольничала церковь, когда вас канонизировала?

Сам понял, что сморозил глупость. Как это может церковь насвоевольничать? Да и не было бы тут святого Александра в сияющих доспехах, если б его в церквях неправильно славили.

“Потомки по слепоте своей чтут меня как Князя Войны, хотя прощен и вознесен я как Князь Мира. За то, что первым примирил русских с татарами. Мог литовцев с немцами призвать, как братья мои неразумные, и биться с Батыем до последнего человека, а не стал. Понял, что отныне и на долгие века быть нам с татарами единым народом. Если б не Божье внушение, открывшее мне глаза, не было бы стра-

ны, в которой прошла твоя жизнь. Вот в чем был мой подвиг и мое предназначение. За это, когда душа с телом рассталась, Ангел-Хранитель ее семью тысячами покровов укутал, так что хватило ответить за все мои проступки, и еще осталось. Грешен я был в жизни, алчен, в гневе лют, но с князей земных спрос другой, чем с обычных людей. Потому что государям особая сила дана. Они не столько за себя, сколько за подданных своих отвечают. Князь может одним словом или поступком многие тьмы людей либо погубить, либо спасти. Вот Владимир Красно Солнышко, князь Киевский, мало ль зла натворил, мало ль крови невинной пролил, а за обращение язычников в милосердную веру прощен и увенчан. То же и римский кесарь Константин, и франкский король Людовик, и другие многие. Понял теперь?”

— Понял, — поклонился Саша.

“А кланяться тут не надо. Незачем. Я такой же, как ты. Тоже ожидать назначен. Ты ведь знаешь, что душе после мытарств уготовано?”

— Знаю. С четвертого по девятый день душа любит красотами рая. С десятого по со-

роковой ужасается безднами ада. А по истечении сорока дней — Частный Суд, где ей определяется место ждать Второго Пришествия.

Святой засмеялся.

“Не совсем так все устроено, чадо. Ну да сейчас сам увидишь. Держись за край моего плаща, пока летать непривычно. А потом уж как захочешь”.

Едва Губкин взялся за полу алого плаща, почва ушла из-под ног, качнулась вниз, вниз, и мгновение спустя обе души уже парили по небу. Вдали нежная поверхность облаков была окрашена трепетным светом. Там высились какие-то башни или колокольни, их верхушки отливали праздничным золотым блеском.

“Это святой и славный град, Небесный Иерусалим, — молвил князь. — Над ним полет душам заказан до самого Судного Дня, но по-вдоль-поокаём позволительно”.

Они достигли высоких сияющих стен, на которые нельзя было смотреть не сощураясь, и полетели вокруг них. Сколько времени это продолжалось, Губкин сказать затруднился бы. Любоваться Небесным Иерусалимом было за-

хватывающе интересно, а когда интересно, время будто останавливается.

По правде сказать, увидеть с такого расстояния можно было немного. Дворцы, синие реки, просторные площади, аллеи, окруженные садами дома.

“Все эти жилища приготовлены для праведных, но пока пустуют”.

— А где же души, которым предстоит здесь жить?

“На ступеньках”, — ответил святой Александр. По краткости ответа было понятно, что не нужно забегать вперед. Всему свое время.

Ну, красивые дома. Ну, сад. Ну, покой и отсутствие зла, думал Губкин, оглядывая Город. И это навсегда? *Навсегда?*

Князь опять рассмеялся.

“Не бойся, не заскучаешь. Каждый дом это не просто стены да крыша, это целый мир. Сколько душ, столько и миров, для каждой свой. Что чистому сердцу мило, то там и будет, а что противно, то сгинет. Так у нас говорят. Сам-то я этого еще не видал. Как и все, ожидаю. Но и ожидание сладостно”.

Он взял Губкина за руку и повлек прочь от чудесных стен.

— Куда, куда?! Рано еще! — закричал без слов Саша, не успевший насмотреться на Небесный Град. — Сам ведь говорил, шесть дней!

“Да, шесть. И они миновали”.

Лик Невского посуровел.

“В приятности время летит быстро. Не то что в тяготе. Но без тьмы нет света, а без сострадания благодати. Нам пора спускаться в Преисподнюю”.

Они ухнули вниз, да с такой скоростью, что у Саши внутри все сжалось. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Свет начал тускнеть, потом вовсе исчез, и падение продолжалось в темноте. Это было страшно, но еще страшней сделалось, когда внизу снова забрезжило. Теперь свет был багровый, траурный, как на вечерней заре перед ветреной погодой.

Там, куда летели, а вернее, падали два Александра, мерцало нечто огромное, вздыбленное волнами и покрытое поверху чем-то вроде мелкой ряби. Океан?

Г
в
м
.
.

Снизившись над самой поверхностью огромного прозрачного вала, будто бы наполненного изнутри странным, зловещим сиянием, князь завис в воздухе и удержал Губкина при себе.

Тот смотрел во все глаза.

Нет, это было не море и не океан, а гигантский стеклянный купол. Как крыша ГУМа, подумал Саша, только во много раз больше. По всей поверхности ползали фигурки, которые он сверху принял за рябь. В небо никто не смотрел, все вглядывались в то, что происходило под куполом. Крики ужаса и стоны сливались в общий скорбный вой, от которого у Губкина на глазах выступили слезы.

Высвободив руку, сжимаемую князем, он спустился еще ниже. Прямо под ним, распластавшись по стеклу, корчилась и плакала голая женщина. Судя по фигуре и разметавшимся пышным волосам, она была молода и красива, но никакому сластолюбцу ее нагота не показалась бы соблазнительной. Кожа несчастной вся висела клочьями, открывая сырое кровоточащее мясо. Саша хотел дотронуться до страдалицы, но мощная сила подбросила его кверху.

“А вот этого нельзя, — печально молвил князь. — Сострадать можешь и даже обязан. Но ложных утешений расточать не смей. Грешная душа смотрит на уготованные ей муки и уstraшается. Так положено”.

Теперь, когда глаза Губкина привыкли к кровавому отраженному свету, он заметил, что все люди здесь лишены кожи. Это их на мытарствах ободрали, догадался он.

— Что за мука ей назначена?

“Не знаю. Всякий грешник наказан тем, чего он больше всего боится. Со стороны это, может, и не страшно вовсе, но для самой души нет ничего ужасней”.

— К лицу ли Господу такая жестокость? — возопил тогда Губкин, и при жизни-то никогда не позволявший себе подобных дерзостей.

“Не жестокость это. Душе очиститься нужно от налипшей грязи. Огнем, острым скребком, едким мылом — это уж кому как, по грехам. Будет душе казаться, что ее черти терзают, на самом же деле она сама язвы и чиреи свои вырезать станет. Летим дальше, это лишь первый из Адских Чертогов”.

Они молча двинулись дальше, к следующему стеклянному куполу. Грешных душ было неисчислимое множество, и у каждой Губкину хотелось задержаться, но князь неумолимо влек его дальше.

Слезы сначала лились, потом высохли. Обыкший к полумраку взгляд уже мог различать буквы, вырезанные на затылке у падших. Там было обозначено имя, земной возраст и цифры, проставленные мытарями, от единицы до двадцати — где была взята пошлина. Чаще всего встречались первые десять, выше удавалось подняться немногим, и этих было жалче всего.

За все время нескончаемо долгого полета князь нарушил молчание всего один раз.

“Вот и убелился ты. — Он тронул Губкина за прядь, свесившуюся со лба. Она была совсем седая. — Так тому и должно быть. У райского обитателя волос сострадательно бел, ибо какой же рай без сострадания? Кто при жизни победить не успел, здесь догоняет...”

Он снял свой островерхий шлем и показал серебристые волосы, расчесанные на две стороны.

— Дальше, дальше, — вместо ответа попросил Губкин.

Он считал чертоги. Их оказалось тридцать.

Тогда святой объявил: “Ты видел все, что положено. Теперь пора к Престолу. Тебе уж и ступенька назначена. В самом низу, ибо ты не великомученик, не угодник, не просветитель народов, а все одно в обиде не будешь. Опять же ты у нас невинно убиенный, вам особая милость... Ну, будет стенать-то, будет. Успеешь еще за грешников намолиться”.

Удивительно, что к Преисподней они спускались долго и трудно, а вверх воспарили в одно мгновение.

Губкин только и успел, что зажмуриться от обрушившегося на него света, а когда приоткрыл глаза, уже сидел на широкой, нагретой солнцем ступеньке. Была она вроде как каменная, но нисколько не жесткая, а, напротив, такая удобная, что Сашу сразу склонило в сон. На него накатила невероятная усталость, но не свинцовая, а приятная, как после долгого, многотрудного, но удачно сложившегося дня.

т
в
м
.
.

Уже задремывая, он вспомнил: нечто похожее когда-то было. И даже зацепил воспоминание, из не столь далекого прошлого.

Приехал он в отпуск, на Черное море. Ночь провел в душном плацкартном вагоне, где соседи пили водку и матерились. Комнату снял за недорого, как-то очень легко и быстро. Закинул чемодан, а сам вышел на мол. Вокруг, понятно, море, небо, солнышко. И охватило его такое ощущение счастья! Впереди весь отпуск, столько всего радостного. Опустился на теплый камень. Улыбнулся горизонту, откинулся спиной на парапет и задремал.

Вот и теперь все было так же. Губкин улыбнулся, откинулся назад и задремал.

Картина третья

ШИН ВАДА

Развоплотившийся Вада не утратил ни одного из пяти обычных человеческих чувств. Мог видеть, слышать, осязать, нюхать и даже ощущать ртом суховатый, полынный вкус потустороннего ветра, но самым острым все же сделалось обоняние, чувство, которое живым людям дает наименьший объем информации об окружающем мире. Однако невесомому духу, который обретается в эфире и перемещается свободно, не ведая материальных преград, нюх указывает путь вернее, чем самому чуткому из охотничьих псов.

Открылось и шестое чувство, при жизни доступное лишь горстке избранных, — Ясное Видение. Оно не было связано со зрением. Шар духовной энергии, которым обратился Вада,

улавливал некий *важный запах*, устремлялся в указанном направлении и, даже не успев приблизиться к цели, вмиг осознавал предмет или картину во всей полноте и всем многообразии.

Иначе осмотр Миров, из которых состоит вселенная возможных перерождений, занял бы тысячелетия.

Как известно, существует всего шесть лок, измерений, куда может угодить дух, недостойный раствориться в нирване. Высшее из них — лока дэвов, то есть богов. Потом лока асуров, полубогов. Лока людей. Лока животных. Лока претов, голодных духов. Наконец, низшая из лок — мир нараков, обитателей ада.

В священных книгах написано, что путь, которым отправится умерший, предопределен кармой, но всеведущему и ясновидящему Шару открыто больше, чем любому из просветленных книжников. Не рассудком, а всей своей неделимой сутью Дух ощутил, что его *ни к чему принуждать не будут*. Нет такой силы, которая способна повернуть его в ту или иную сторону против собственной воли. А если такая сила и есть, то находится она внутри само-

го Шара. *Здесь все решаешь сам.* Радоваться этому или страшиться, было непонятно.

Через какое-то время силе, которая заставляла Дух нестись через пространство, подобралось точное определение.

Голод.

Такого лютого, ненасытного голода Вада не испытывал даже в тяжкую послевоенную пору, когда, бывало, несколько дней кряду наполнял желудок одной лишь водой. Поиск своего мира сразу обрел вполне очевидный смысл. Нужно как можно скорее найти пищу, которая утормила бы эту мучительную тягу и наполнила бы эту сосущую пустоту.

Сначала, когда голод еще не полностью возобладал над волей, Дух, конечно же, пожелал отправиться в Мир Богов. Достаточно было мысленно произнести слово “Дэвалока”, как нюх сразу выделил из всего многообразия пропитывающих воздух ароматов самый сладостный, оседлал его и моментально перенес соискателя в нужное место.

Над царством, где обитают блаженные и гордые дэвы, Шар проплыл неторопливо, не-

3.3

решительно, то и дело замирая в неподвижности.

Внизу простирался бескрайний город, где среди парков и озер сверкали узорчатые крыши дворцов и переливались на солнце златомощенные улицы, с которых доносились звуки чудесной музыки. У христиан, которым не дано подняться до понимания богорастворенности и Нирваны, Дэвалока почитается наивысшим из посмертных миров и называется Раем. Умершие пребывают там в праздности, окруженные всевозможными красотами, ни в чем не нуждающиеся, но так и не освободившиеся от желаний и бремени своего “я”.

Ни один из ароматов, источаемых этим прекрасным ландшафтом, не мог утолить голода, мучившего Шар. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее сгусток духовной энергии полетел прочь. Позади спустилось за горизонт алое солнце и сразу же вынырнуло спереди.

Следующий по иерархии мир, лока асуров, располагался в огромной крепости, чьи многоярусные башни вздымались до самых облаков.

Про асуров, иначе именуемых полубогами или “борющимися демонами”, известно, что их число обыкновенно пополняется за счет тех, кто был наделен при жизни кипучей энергией и жаждой переустройства мира. Духом такого человека владели благие намерения, но он слишком полагался на свой рассудок и поступками причинял вред иным живым существам. Особенно много в этой локе бывших политиков, государственных деятелей и крупных предпринимателей. Когда Вада был моложе, он иногда воображал себе, как при осмотре Шести Миров обязательно заглянет сюда, чтобы посмотреть на великих и, может быть, даже задать им кое-какие вопросы. Поэтому, проплыв над зубчатой стеной, Шар задвигался очень медленно, а над первым же перекрестком вообще замер, ибо увидел в открытой золоченой колеснице двух асуров, в которых сразу признал Мао Цзэдуна и Чан Кайши. Заклятые враги о чем-то жарко спорили, не обращая внимания на светящуюся сферу, что зависла у них над головами. Очевидно, привыкли, что на них плятятся. Оба были точь-в-точь такими же,

как на прижизненных портретах. Председатель в сером френче, генералиссимус в мундире. Лишь некоторая размытость мелких деталей и едва заметная расплывчатость контуров давали понять, что это не живые люди, а их бестелесные образы. Оказывается, и коммунистический лидер, и принявший христианство генералиссимус умерли буддистами? Интересно было бы подслушать, о чем все доругиваются между собой эти неутомонные духи, но неутомимый голод погнал дальше. Жадно втягивая воздух в поисках запахов, способных заполнить ненасытную пустоту, Шар двинулся дальше, и некоторое время спустя, на исходе второго дня, асурская крепость утонула в лучах заходящего солнца.

На мир опустилась тьма, и Духу померещилось, что ночной ветерок принес откуда-то слабый аромат не вполне ясного, но многообещающего свойства. Следуя за обонянием, Шар вновь пересек границу восхода и очутился над бескрайним простором, где луга и пастбища чередовались с густыми лесами, морями и болотами. Это явно был Мир Животных. От ра-

зочарования и унижения бывший Вада сжался до размеров яблока. Перерождение в образе животного уготовано тем из людей, кто всю жизнь продремал в невежестве и интеллектуальном отупении, ни разу не задумавшись о смысле и назначении бытия. Многие из двуногих обитателей Земли попали в разряд людей не из-за достаточной зрелости своего духа, а по случайной прихоти кармы. Такие представители человечества проводят отведенный им срок не в поисках самоусовершенствования, а в удовлетворении телесных потребностей и созерцании немудрящих телепрограмм. Дух убитого горем Вады повис в воздухе над двумя спаривающимися кроликами. Неужели отсюда исходил аппетитный запах, что принудил его нестись сквозь тьму? Нет, нет. Произошла ошибка!

В ужасе и отвращении Шар метнулся прочь от сопящих зверьков и на головокружительной скорости полетел прочь, подальше от этих мест. Третий день странствий миновал.

А на утренней заре Дух оказался в темной, сумеречной долине, где кишмя кишели урод-

3.3

а
в
с
о
в
е
д
е
н
и
е

ливые брюхастые человекообразные с непомерно вытянутыми тонкими шеями. Они беспрестанно двигались, шаря вокруг себя руками и разевая зубастые рты. То была лока вечно голодных претов.

Так вот кем я стану, в отчаянии понял Дух. Отсюда и этот мучительный голод! Неужто моя жизнь была прожита настолько мелко и ничтожно?

Преты никогда не могут досыта наесться, хотя все время грызут и жуют. Беда в том, что они обречены откусывать слишком большие куски, которые не пролезают в их узкое горло. При жизни Вада любил поразглагольствовать о том, что в мир претов попадают завсегдатаи торговых мегацентров, весь смысл существования которых сводится к тому, чтобы в уикенд на целый день рвануть в какой-нибудь шопинг-молл и отовариться там на распродажах неважно чем, лишь бы побольше и подешевле. Неужто и он сам такой же? Неправда, неправда! Это несправедливо!

Сам того не видя, Шар налился багрянцем злобы, и холодный северный ветер повлек его

навстречу закатному небу точно такого же кровавого оттенка. До уязвленного Духа слишком поздно дошло, что он движется в направлении Наракалоки, царства ненависти и злобы. Изменить что-либо было уже нельзя. Еще прежде, чем небо и землю впереди разделила огненная полоса рассвета, в той стороне запульсировали зарницы и грозные сполохи — одни красные, другие голубоватые. Красным пламенем отсвечивали восемь жарких преисподен, голубоватым восемь ледяных. У христиан это царство называется Инферно или Ад. Там дух умершего очищается от накопленной негативной кармы, пока не созреет для перерождения в реальности более высокого порядка. Нет ничего ужасней, чем оказаться в этом измерении интенсивного страдания, но Дух бывшего Вады так истомился от голода, что был готов хоть на огненную муку, хоть на ледяную, лишь бы избавиться от сосущего зова внутренней пустоты. Вот что означает древнее загадочное изречение “Лучше кубок яда, чем кубок ни с чем”...

Шар уже был готов ринуться прямо в круглую долину Наракалоки, которая сверху напо-

минала таз, наполненный тлеющими углями, но далеко слева, по ту сторону горизонта, мерцал и помигивал еще какой-то источник неяркого света.

Из последних сил, уже совсем изнемогая от желания положить всему какой угодно, пускай ужасный, но лишь бы конец, Дух повернул налево. Он знал, что найдет там. Последнее из еще не посещенных царств — Мир Людей. Казалось бы, что там может быть такого, чего умный человек не разглядел за восемьдесят пять лет жизни, полной событий? Скорее всего, ничего. Тогда круг странствий по Шести Мирам завершится безрезультатно, и придется заново переживать страх и боль смерти, а потом все повторится опять. Что угодно, только не это!

Охваченный сомнением, Шар остановился. Не покончить ли со всем прямо здесь и сейчас? Лучше определенность преисподней, чем метания меж мирами и этот сосущий голод.

И все же что это вдали светится и поигрывает огнями? Нет ничего суетней и бессмысленней Надежды, вечной обольстительницы и

погубительницы людей. Это она светила, манила Дух умершего Вады из-за горизонта, как будто мало ей было того, что она водила его за нос всю жизнь и в конце концов лишила шансов на Нирвану.

Но Шар уже летел на огни, уже не хотел и не мог повернуть обратно.

Конечно же, Надежда вновь, как многожды в земной жизни, надсмехалась над бедным Духом. Это сделалось ясно, когда огни приблизились и обрели форму приземистого светящегося куба.

То был аэропорт. Тот самый, в котором старый маньчжур расстался со своим опостылевшим телом!

Как, неужели положенный недельный срок исканий уже истек? Сейчас опять грянет взрыв?

В книгах написано, что цикл поисков нового рождения может повторяться до шести раз. С какой охотой Шар повернул бы обратно, в направлении ада, но, раз попав в наезженную колею, выбраться из нее уже не мог.

Он двигался точно тем же путем, что в последние минуты жизни. Слышал те же звуки,

видел те же лица. Времена перепутались, сбывшееся смешалось с несбывшимся, но ведь всякий читавший священные тексты знает: прошлое и будущее условны.

Вот девушка, которая вела пассажиров токийского рейса через транзитную зону. Та же неестественная улыбка, тот же тусклый взгляд. В прошлый раз, занятый внутренней борьбой, опьяненный предчувствием скорой смерти, Вада на нее едва посмотрел. А сейчас вдруг заметил в голубых глазах скорбь, и печальную складку у губ, и загадочный трепет ресниц. В девушке содержалась какая-то тайна. В этой чужой жизни происходило нечто странное, необъяснимое, интригующее. Ясное Видение, атрибут посмертного бардо, позволило Шару заглянуть во внутренний мир девушки.

Неужели на свете бывает такая любовь?! Вада прожил восемьдесят пять лет, но ничего подобного никогда не испытывал. Думать только о любимом, быть сосредоточенной на нем каждый миг своего существования? Невероятно! Какая удивительная девушка! И он ничего не заметил!

А другие пассажиры? Не может быть, чтобы они тоже проглядели исходящее от девушки сияние!

Дух огляделся вокруг. Вот эту пожилую даму в дымчатых очках он помнил, она сидела на соседнем кресле. Видит она девушку *по-настоящему* или нет?

Заглянуть за темные стекла было нетрудно.
О Всесовершенный!

Аэропортовская девушка с ее всепоглощающей любовью моментально отошла на второй план — такие бури бушевали в сердце бывшей соседки господина Вады.

Она была мастером по аранжировке цветов, и весь стержень ее существования сводился к одному: создать композицию идеального совершенства. Чтоб это чудо излучало мощную эманацию Красоты и Гармонии, способную производить переворот в людских душах. Женщина была как никогда близка к осуществлению мечты, ей оставалось лишь найти правильный угол наклона хиказ да элемент, контрастирующий с веточкой криптомерии. И тогда все, мечта осуществится, можно будет умереть счастливой.

3.3

в
в
с
з
р
б
с
н
н

Ах какой завидной показалась Духу участь дамы в дымчатых очках! Оказывается, можно было прожить свою жизнь и так?

Со всех сторон были люди, на которых земной Вада не обращал внимания, но в каждом из них, оказывается, столько захватывающе интересного! Как же он, глупец, мечтал вырваться из Сансары, когда ничего толком не понял в окружающем мире, не изжил его до конца, недораспробовал?

Некоторое время невидимый окружающим сгусток энергии произвольно перемещался по аэропорту, и каждое человеческое существо, в мир которого он заглядывал, открывало перед ним новые возможности.

Вдруг чуткий нюх уловил запах, от которого Шар затрепетал, заметался зигзагами меж люминесцентных ламп. Запах сулил утоление голода. На сей раз ошибки произойти не могло! Пахло чем-то очень знакомым, но от возбуждения Дух не мог вспомнить, что это за аромат.

Следуя за обонянием, бесплотная субстанция неслась по лестницам, коридорам, огибала углы. Она утратила шарообразность. Была по-

прежнему прозрачной, будто бы сотканной из воздуха, но вытянулась и удлинилась. Я обретаю контуры своего будущего тела, подумало пограничное существо, еще не окончательно утратившее воспоминание о прежней инкарнации и обретенных в ней знаниях. Я вновь попаду в Мир Людей. Сейчас моя суть, прежде чем превратиться в эмбрион, примет вид будущего человека, каким он или она станет на пороге зрелости, между порой детства и взрослости.

Но эта информация, известная умершему Ваде из духовных книг, не зацепилась в стремительно меняющемся сознании. Память о прошлом с каждым мгновением слабела. Окружающее переставало восприниматься рационально, зато органы чувств работали все ярче и сильнее.

Запах вывел к закрытой белой двери. До его источника оставалось не более двух метров. Дух преодолел деревянную преграду, даже не заметив ее, и оказался в тесном помещении, где все было белым и сверкающим, на стене висело зеркало и журчала вода. Все эти детали не имели значения. Важно было лишь то, чем

3.3

занимались мужчина и женщина, находившиеся внутри.

Она была прижата спиной к стене и обхватывала голыми ногами за талию своего любовника, который быстро и ритмично двигался. Совокупление сопровождалось короткими вздохами, стонами, всхлипами.

Пахло секречиями и горячим потом — вот, оказывается, на какой запах прилетел жаждущий нового воплощения Дух. Он попытался втиснуться между телами партнеров. Опустился ниже, туда, где налитый кровью Ян терся об истекающий любовной влагой Инь. Вид женского лона вызвал у Духа взрыв неистовой ярости. Оно не смело так алчно и властно сжиматься вокруг трепещущего, наполненного жизнью фаллоса!

Если бы Дух еще хранил в своей памяти обретенные в книгах знания, то по этому приступу ревности сразу понял бы, существом какого пола ему суждено быть в следующем рождении.

Кто-то постучал в дверь. Любовники в самозабвении не услышали, Дух же на миг отвлекся от тщетных попыток стать полноправным

участником происходящего, ибо почуял в ступе опасность. Он качнулся к двери и своим не ведающим препятствий взором посмотрел сквозь деревянную перегородку.

Снаружи стоял узкоглазый старик в очках с толстыми стеклами. Кажется, Дух уже видел его когда-то прежде. Или не видел. Это было неважно.

Старик еще раз дернул ручку, прислушался и заковылял прочь. Опасность миновала.

Но из-за этого вмешательства главное было пропущено. Женщина взвизгнула и вцепилась ногтями в плечи мужчины, ее белые ноги вытянулись и мелко задрожали. В следующую секунду любовник издал рычание и с силой вжал женщину в стену.

В те несколько секунд, что продолжается судорога выброса семени, Дух будущего человека обрел Абсолютное Зрение, проникая разом и прошлое, и грядущее.

Прежде чем обратиться в искру новой жизни, Дух увидел все, что в ней случится. Увидел — и тут же навсегда забыл, втянутый в воронку материнского лона.

3.3

Согласно “Учению о вхождении в чрево”, пригодная для деторождения утроба не должна напоминать по форме ячменное зерно, муравьиную талию или рот верблюда.

Вместилище, куда попала искра, выглядело идеальным. Здесь можно будет спокойно просуществовать тридцать шесть недель, необходимых для созревания праны, а потом перевернуться головой вниз и устремиться к выходу.

Картина четвертая

Г
А
М
.
.
.

МУСА

Трудно сказать, сколько времени шел Муса к желтой стене, потому что солнце все время стояло в зените и не сдвинулось ни на волос, однако путь этот был недалек. Стена будто отодвигалась от путника, и он уж начал бояться, не мираж ли это из тех, о которых рассказывают путешествовавшие по пустыням. Но в конце концов стена подпустила к себе душу мученика. Рядом с нею он выглядел сушей букашкой, меньше любого из белых и желтых кирпичей в кладке стены.

Кирпичи были гладкие, переливающиеся на солнце, и Муса вспомнил, что, согласно свидетельству достопочтенного Абу-Хурайры (да благословит его Аллах), приводящего слова самого Пророка, все постройки Рая сложены из

3.4

золотых и серебряных слитков, а вместо строительного раствора скрепляет их мускус. Вот откуда исходило благоухание!

Однако нечего было и думать проникнуть в запертые ворота, такие громадные, что противоположного конца теперь было не видно. Не теряя надежды, Муса побрел в другую сторону, вдоль стены, ощупывая ладонями ее гладкую и теплую поверхность. Там были едва заметные швы, каждый из которых имел вид прямоугольника — то повыше Мусы, то пониже. Ширина тоже менялась, хоть и незначительно. В самый узкий из прямоугольников мог бы поместиться ребенок. В самый широкий — дородный мужчина. Один из этих контуров в точности совпал с размерами самого Мусы. Верхняя граница пришлась ему как раз по макушку, боковые — по плечи. Стоило шахиду приложиться к стене в этом месте, как она мягко подалась, и он шагнул внутрь.

Вот и дверь!

Но она вела не через стену, а в затененную прохладную комнатку. Муса увидел перед собой крошечное оконце, забранное ажурной

решеткой из золотых нитей. Обернулся назад — дверь за его спиной уже затворилась. Он знал, что теперь она откроется лишь в великий День Суда, никак не раньше. Душа мученика Веры обрела свое временное пристанище. Нужно было обустраиваться.

Обстановки в комнатке не было вовсе. Ни стола, ни кровати, ни даже матраса. Это неудивительно. Сон — брат смерти, обитатели Рая не спят никогда. Усталости они тоже не ведают, поэтому ложиться или садиться им незачем. В углу на коврике поблескивала ваза с фруктами и сладостями, рядом стоял тонкогорлый кувшин. Муса знал, что ваза и кувшин никогда не опустеют. Сочнее этих яблок и персиков, слаще этой воды не сыщется на всей земле, а ведь это угощение лишь легкая закуска перед чудесными яствами Вечной Жизни. О том, как справлять нужду, заботиться нечего. По свидетельству достопочтенного Джабира (да будет им доволен Аллах), Пророк сказал: «Обитатели Рая едят и пьют, но их рты и ноздри не выделяют жидкости, а чрево не нуждается в опорожнении. Все съеденное и выпитое

3.4

испаряется через поры кожи легко и без усилий, подобно тому, как у человека происходит потовыделение”.

Муса взял из вазы персик. Не потому, что был голоден, а из любопытства. Поднес ко рту и не надкусил. Ибо выглянул в окошко и обмер.

Вид на Рай, открывшийся его взору, был невыразимо прекрасен. Никогда во время своей жизни Муса не видел столько пышной зелени, столько белоснежных дворцов, столько журчащих фонтанов.

Стволы у деревьев были из чистого золота, круглые купола зданий отливали лазурью, фонтаны ласково журчали и рассыпались жемчужными брызгами.

А где Райское Дерево, величина которого столь невероятна, что всаднику на чистокровном скакуне понадобится сто лет, чтобы объехать его кругом? Должно быть, вон оно — тот стройный зеленый конус на горизонте, устремленный в самое небо! Ах, как хотелось бы подойти поближе!

Персик был забыт. Юноша прижимался лицом к золотой паутине, жадно разглядывая

красоты Рая, о которых так много читал в священных книгах.

Поразительно, сколь многое можно было разглядеть через это небольшое отверстие. Чудесный город будто поворачивался к Мусе то одной стороной, то другой, горделиво и обстоятельно демонстрируя свое божественное устройство. И почти все, что лицезрел восхищенный Муса, казалось ему знакомым и понятным. Не впустую рассыпали мудрые наставники в *мадраса* зерна знания перед своими учениками.

Вот та круглая площадь, вымощенная мрамором и алебастром, это наверняка Базар, куда жители Рая будут выходить по пятницам. Не для того, чтобы торговать или сплетничать, а чтобы северный ветер освежил их лица новой красой и обдул благовониями. И каждый будет говорить соседу: "Клянусь Богом, ты стал еще прекрасней!", а сосед ответит: "И ты тоже".

Хотя каморка, из которой Муса подглядывал за Раем, находилась почти вровень с землей, по временам ему удавалось посмотреть на будущее обиталище праведных как бы и сверху. Тогда можно было явственно различить, что

3.4

Город поделен на три части. Это удивило Мусу, ибо учителя ни о чем подобном не рассказывали и в книгах такого не говорилось. Предположения о том, что Рай, подобно мечети, разделен на мужскую и женскую половины, не новы. Но зачем третья часть? Что за диво?

Он некоторое время подумал и, кажется, догадался.

О мужской части Рая известно многое. Праведники живут там в окружении чернооких гурий, чистых душой и телом. Каждому положено по 72 небесных супруги, сотворенных из шафрана, мускуса, амбры и камфары. У этих девушек, по сравнению с худшей из которых первейшая голливудская красotka — мерзкая жаба, на одной груди написано Имя Всевышнего, а на второй имя ее господина. Гурии сочетают в себе целомудрие и страстность, что недоступно земным женщинам. Их девственность восстанавливается после каждого соития с супругом. Им неведома ни месячная нечистота, ни ревность, ни греховные помыслы. При жизни Муса часто думал о гуриях, иногда во время урока тайком рисовал на промокаш-

ке грудь своей будущей небесной подруги. Однажды учитель увидел, но, благодарение Аллаху, не понял, что это. Спросил: “Зачем ты написал на полумесяце свое имя?”

О женской части Рая, куда попадут праведницы, книги сообщают гораздо меньше. Лишь в суре “Фуссилат” честным мусульманкам обещано: “В дальней жизни у вас будет все, что вы пожелаете из усад”. Женщины скрытны и уклончивы, глубина их сердец темный омут, а желания причудливы. Лучше не задумываться, как устроена их половина Рая. Так сказал Учитель, и он, конечно же, прав.

А третья часть Рая, сообразил Муса, наверняка предназначена тем праведникам и праведницам, кому не нужен гарем из небесных созданий, потому что им повезло встретить совершенного спутника еще при жизни. Вряд ли счастливые супруги захотят разлучаться друг с другом после смерти. Гурии и улады им тоже ни к чему, только мешать будут. Ну и дай Аллах счастливым супругам тихих благ семейной жизни. Мусу же вполне устроит нормальная мужская половина.

3.4

Он попадет туда после того, как архангел Исфаил вострубит в свою трубу, извещая о Дне, когда всякая душа ответит по делам своим.

Тогда солнце сольется с луной, все живущие и умершие падут наземь без чувств, чтобы очнуться на бескрайней белой равнине. Там люди будут стоять нагие и обливающиеся потом. Беременные женщины выкинут плод, а у мужчин исчезнут следы обрезания. Лица праведных наполнятся светом, но таковых в толпе окажется немного, не более одного из каждой тысячи. Хорошо будет Мусе, ему нечего бояться. Когда все скопище двинется по узкому мосту ас-Сират, проложенному над огненной бездной, тела грешников так и посыплются вниз. Муса же благополучно вернется к златосеребряным стенам, только теперь ворота сами распахнутся перед ним, и наступит вечное блаженство.

Один Аллах в безграничной мудрости Своей знает, когда это произойдет. Может быть, через мгновение, а может быть, через пятьдесят тысячелетий. Но даже если ждать придет-

ся целый миллион лет, Муса не соскучится в своей прохладной каморке у золотого оконца. Он будет смотреть, смотреть на чудесный Град, и никогда око не насытится созерцанием этой божественной красоты.

3.4

н
в
м
.
.
.

Картина пятая

ДЖУЛИАН

Джулиан шел по тропинке, держа в руке сизое перышко. Снег вкусно похрустывал под шагами. Каждый вдох свежего воздуха был как глоток газировки.

Впереди показалась невысокая ограда, ряд елок, за ними белый невысокий дом. Точно такой же был на улице, по которой Джулиан часто гулял с мамой и ее подругами. Дом назывался Детсад. Мама говорила: “Вот, Юлюкас, еще немножко подрастешь, и мы туда пойдем. Там много детей, там весело”.

У калитки поджидал приятель, который довел Джулиана до пальмы, а потом исчез. Малыш ужасно ему обрадовался, потому что уже успел соскучиться, и вприпрыжку побежал навстречу. Большой мальчик улыбался.

— Сизое выбрал? Здорово! — сказал он. — Я тоже из сизых.

Этих слов Джулиан не понял. Он с любопытством разглядывал дом. Там играло пианино, тонкие голоса пели хором какую-то веселую песенку.

— Что это? — спросил Джулиан.

— Не видишь, что ли, детсад. Для сизых.

— Кого?

Мальчик взял младшего товарища за руку, повел по расчищенной дорожке.

— Кого-кого. Сизых ангелов. Сейчас отведу тебя к директору, и будем прощаться. Мое дело почти сделано. Осталось коснуться твоего лба. А то ты как слепой котенок тут. Ничего не понимаешь, только глазами хлопаешь. Повернись-ка.

Джулиан охотно подставил голову. Приятель легонько щелкнул его по лбу, не больно, но на удивление звонко. От этого звона Джулиан на мгновение оглох и ослеп, но зато когда к нему вернулись слух и зрение, мир сделался прост, ясен. Это на Джулиана снизошло Знание, которым обладают все ангелы, даже самые маленькие.

То есть, строго говоря, его пока следовало именовать не “ангелом”, а “ангелом-учеником”, но Джулиан уже знал, что ангельское звание от него теперь никуда не денется. На этой учебе двоечников не бывает, неуспевающих не отчисляют, а если кого и оставят в каком-нибудь классе на второй год, то не в наказание, а в поощрение. На свете нет ничего приятней и увлекательней, чем учиться ремеслу ангела.

Вся дальнейшая дорога была Джулиану понятна и очевидна. Маленькие дети, безвременно оставившие земную жизнь, все как один приписываются к сонму ангелов. Напрасно рыдают по ним безутешные родители, напрасно ропшут на Божье жестокосердие. Радоваться надо, а не роптать.

Малыши вроде Джулиана сначала попадают в Детсад, где проходят полный курс дошкольного ангельского воспитания. На седьмом году (хотя срок это условный, потому что на Небе совсем другой счет времени) маленький ангел поступает в Школу, затем в Лицей, согласно избранной специальности.

Когда душа поднимает с тропинки то или иное перышко, этот выбор свершается не просто так, а по Промыслу Божию. Ангельских специальностей существует шесть, каждой присвоен определенный цвет.

“Сизыми” называют ангелов-хранителей, Служение которых заключается в том, чтобы оберегать от беды и греха одного подопечного человека. Обычно это тезка хранителя или, по крайней мере, носитель похожего имени. Например, ангела, что встретил Джулиана у смертной черты и бережно сопровождал к дверям нового жилища, звали Юлий. А Джулиану, когда закончит учебу, достанется кто-нибудь по имени Жюль, Джульетта, Юлия, Хулио, Джулиано, Чжун (если китаец), а если японка, то Джунко.

Есть Лицей синих ангелов. Они выполняют службу Божьих посланцев и гонцов. “Синими” чаще всего становятся шустрые, озорные мальчишки и девчонки. Во Вселенной никто не умеет перемещаться быстрее опытного “синего”. Если надо, он опередит даже скорость света.

Красный Лицей готовит ангелов-воителей, которым предстоит сразиться с армией Сатаны во время Армагеддона. Но малыши вроде Джулиана туда попадают очень редко, обычно это дети постарше, кто обладает большой храбростью и справедливостью.

Людам лучше всего знакомы выпускники Золотого Лицея. Их часто изображают на иконах и картинах, потому что они ближе всего к Престолу Божию. Это ангелы-слуги, в число которых попадают самые рассудительные и спокойные ребяташки, преимущественно из бывших девочек.

Зеленые ангелы, как легко можно догадаться, охраняют природу от происков подземных, морских и воздушных дьяволов, а также от глупостей, творимых людьми. Если б не эти вездесущие хлопотуны в изумрудных хламидах, Земля давно уже превратилась бы в кусок мертвой материи, тоскливо болтающийся вокруг Солнца.

А еще есть Белый Лицей, выпускающий спасателей. Эти ангелы, числом девятьсот одиннадцать, обязаны бдить за всем мирозда-

нием и, чуть где беда или опасность, сразу нестись туда со всех крыл, чтобы предотвратить катастрофу, а если не получится, то по крайней мере ликвидировать ее последствия.

Многое открылось Джулиану от чудесного щелчка по лбу, всего и не перескажешь.

Например, что кроме цвета ангелы еще различаются по фактуре крыльев и их числу. Так, у воителей крылья заостренные, узкие, с бронированными перьями, а у гонцов облегченные, с эфирными ускорителями. Число крыльев свидетельствует о ранге. Но небесную карьеру может сделать лишь выпускник Золотого Факультета: дослужиться до четырехкрылого херувима, на которых Всевышний перемещается во всей Своей Славе, или до шестикрылого серафима, что составляют Ближнюю Свиту.

Однако обычные двухкрылые ангелы “золотым” не завидуют, потому что каждый выбрал свое Служение не умом, а сердцем, и счастлив своей долей.

Вот Джулиан едва-едва стал ангелом, даже еще не приступил к обучению, а уже почувст-

3.5

вовал такую несказанную радость, что от счастья аж взвизгнул.

Потрепал Юлий новенького по загривку, подмигнул.

— Ну давай, ангел Юлиан, топай на крылечко. Там тебя встретят. Пока. Еще увидимся.

Засмеялся, взмахнул сизыми крылами и полетел себе в небо.

ГРАЖИНА

Падая вниз, она ждала, что рухнет в огненную геенну. Может быть, прямиком на раскаленные угли. Уже заранее приготовилась к обжигающей боли.

Но ничего подобного не случилось. Бес, поотставший от Гражины на полкорпуса, схватил ее за щиколотку, притормаживая. Ловко крутанул так, что она перевернулась головой кверху, и пару секунд спустя осужденная грешница ударилась подошвами о каменный пол. Чувствительно, но не так чтобы очень. Как будто спрыгнула с двухметровой высоты.

— Ну-ка, головку, — Сантехник, приподнял Гражине подбородок, послунил свои грязные пальцы и зачем-то пригладил ей волосы. — Вот

так. А то чувырла какая-то. Пойдем акт оформ-
лять.

Ее глаза успели привыкнуть к полумраку. Кажется, она попала в какой-то подвал. Здесь было не совсем темно, в углу горела тусклая лампочка, под ней блестела сырая, покрытая грибком стена.

Бес схватил Гражину за руку и куда-то по-
волок. Она не то чтоб упиралась, просто от
страха ноги подкашивались.

На обитой ржавым металлом двери был
приклеен листок с кривой надписью фломас-
тером "Прием сырья". Сопровождающий по-
стучал. Сначала тихо, потом громче, наконец
со всей силы. Заорал:

— Серый, дрыхнешь, что ли? Открывай, за-
раза!

Дверь заскрипела, приоткрылась. Оттуда,
позевывая, вышел хмурый мужик. Он был по
пояс голый, в клеенчатом фартуке. Широкие
плечи поросли бурыми волосами.

— Доставил? — без интереса спросил Се-
рый, не посмотрев на Гражину. — Комплект-
ность в норме?

— На, гляди!

Сопровождающий грубо схватил Гражину за плечи, покрутил так, этак, по-всякому.

Она покорно поворачивалась. К Сантехнику уже привыкла. В сущности, ничего очень уж плохого он ей не сделал, а этот новый внушал ледяной ужас. Было в нем что-то каменно равнодушное, *окончательное*. Словами не объяснить. По виду мужчина как мужчина, просто смурной с похмелья, но крепкие руки с набухшими жилами, косматые брови, небритая щетина вызывали цепенящую робость. А страшней всего было смотреть на фартук, весь в засохших коричневатых пятнах. Такой же фартук носил мясник дядя Костя из соседнего магазина, когда Гражина была маленькая. Если дверь в подсобку была открыта, иногда можно было увидеть, как дядя Костя с кряканьем рубит куски свинины или говядины и в стороны отлетают костяные крошки.

— Ладно, давай сюда.

Мясник (так про себя нарекла Гражина хмурого черта) вынул из-за уха огрызок химического карандаша, лизнул кончик и расписал-

3.6

ся в бумажке, которую протянул Сантехник. Тот передал свою амбарную книгу и сразу повеселел.

— Сделал дело, гуляй смело. В хорошие руки отдаю тебя, раба Божья.

И ущипнул Гражину за ягодицу, с вывертом.

— Не лапай, не лапай, вали! — прикрикнул на него Серый, скупчиво вчитываясь в записи. — Так... Чего тут у нас... Смертоубийство со смягчающим... Три аборта без смягчающих... Неблагодарность... Корыстолюбие...

И пошел перечислять все Гражинины вины и прегрешения.

Список был длинный, голос тоскливый, прерываемый зевками. Осужденная лишь втягивала голову в плечи. Как исчез Сантехник, и не заметила. Хотела помолить Матерь Божью о заступничестве, но на первом же слове молитвы Серый одернул:

— Еще раз услышу — язык вырву. Не положено. Если только *там* кто заступится. Или на земле молебен закажут.

Он долистал растрепанную книгу, вздохнул и только теперь впервые оглядел Гражину. Так

ремесленник приглядывается к необработанному материалу, прикидывая, как бы половчей взяться за дело да с чего начать.

— Заходим, раздеваемся, — обронил Мясник, открывая дверь шире и входя первым.

А что раздеваться-то? Гражина и так была совсем голая.

Ослушаться черта она не посмела, только поглядела на свое бедное тело. Оно выглядело омерзительно. Все морщинистое, грязное, груди обвисли, лобок совсем безволосый, хотя она всегда его подбривала, оставляя посередине ровную полоску. Прикрыла стыдное место рукой, робко переступила порог.

Посреди большой комнаты, края которой терялись во мраке, стоял канцелярский стол с жестяной лампой. Мясник сидел на краешке, побалтывая ногой.

— Чего прикрылась-то? Меня стесняться не надо. Я тебе теперь и проктолог, и гинеколог. Шлепай сюда. Живей, живей!

Вся трясаясь, Гражина приблизилась. Идти по заплеванному каменному полу было холодно и противно. Один раз она чуть не поскользнулась.

— Слушай сюда, — строго сказал Мясник. — Правила такие. Все, что велю, делать сразу и беспрекословно. Повторять не стану. Работаем организованно, четко, без бабских штучек. Мне лишний геморрой ни к чему, у меня смена не резиновая. Тебе тоже зря париться резона нет. Как говорится, раньше сядешь — раньше выйдешь. Вопросы?

— Извините... А почему я тут одна? — шепотом спросила Гражина. — Где другие грешники?

Если бы рядом так же трепетал от страха кто-то еще, ей, наверное, было бы легче.

— Душа в чистилище всегда одна. Ясно?

Она затравленно кивнула.

— Тогда работаем... — Он еще раз пролистал книгу, почесал кончик носа. — Для разминочки начнем с легкого. Угу. Блудодействие обыкновенное, доброохотное, за мзду. Двести пятьдесят четыре раза. Из них со сладострастием одиннадцать...

Вчитался в какую-то запись, хохотнул.

— “Хед-ор-тейл парти”? Чего только не придумают, поганцы. Ну, парти так парти...

Хлопнул в ладоши, и во мраке прорисовалась дверь.

— Силь ву пле, мадам. Пожалуйста на бенефис. — А когда Гражина замешкалась, прикрикнул. — Марш, марш! Сами себя задерживаем!

С неожиданной легкостью Серый спрыгнул со стола и пинками погнал грешницу к двери. Носком ботинка он всякий раз безошибочно попадал по копчику. Это было так больно, что Гражина с воплем понеслась вперед, створки распахнулись перед ней сами собой. От последнего, особенно сильного удара она не удержалась на ногах и буквально влетела в яркий круг света, растянувшись на полу.

Прикрыв рукой глаза, села, съежилась, осмотрелась.

Это был сравнительно небольшой овальный зал, посередине которого, на возвышении, торчал стол, а вокруг амфитеатром в несколько рядов поднимались скамьи. Похоже на анатомический театр медицинского института, где Гражина одно время подрабатывала уборщицей.

Скамьи терялись в полутьме, но кто-то там был, и, кажется, немало народу. Зрители шаркали ногами, перешептывались, сморкались, рассаживались по местам.

Гражине стало стыдно. Не столько из-за наготы, сколько из-за своей некрасивости. В этом безжалостном освещении ее пожухшее тело, должно быть, выглядело отвратительным.

— На стол, мадам, на стол! — шикнул от двери страшный голос. — И в позу. Сама знаешь.

Да, она знала. Он же сказал, “Хед-ор-тейл парти”. По-русски это называлось вечеринка “Орел или решка”. Еще шутили: “В хвост и в гриву”.

В “Коралловом рае” интерьер, конечно, был другой. Там все сверкало, переливалось, музыка играла. Для вечеринки зал разделили на две части перегородкой с нарисованными джунглями. В перегородке шесть дырок, по числу девушек. Надо было вставать на четвереньки и просовывать голову, трое в одну сторону, трое в другую. В обеих половинах зала отдыхали клиенты. Выпивали, обсуждали свои дела. Кому охота, подходили и пользовались: хочешь в

хвост, хочешь в гриву. Популярный новогодний аттракцион. Плата для девушек по тройному тарифу, насильно никто не заставлял. Гражина сама вызвалась. Противно, но очень уж деньги хорошие.

Здесь на столе, она только теперь разглядела, тоже была установлена фанерная перегородка с круглой дыркой.

В сторонке стояли двое. Один в смокинге, но без брюк. Другой в спортивном костюме. Курили, посмеивались.

Черти, догадалась Гражина.

Она неуклюже взгромоздилась на стол и просунула голову в отверстие.

“Спортсмен” подошел к ней спереди, похлопал по щеке и спустил тренировочные штаны. Ничего особенно ужасного под штанами не обнаружилось. Механически открыв рот, Гражина приготовилась вытерпеть боль. Наверняка будет анал, потому что во время той поганой “парти” именно этим развлекались четверо из шести *задних* клиентов.

Но черт в смокинге вставил свое орудие туда, куда предписано природой. Это был скор-

приз номер один. Сюрприз номер два заключался в том, что больно Гражине он не сделал. Наоборот.

С первого же его движения она ощутила такое наслаждение, какого при жизни ни разу не испытывала. Закачала тазом, замычала. Хотела бы крикнуть, да рот был занят.

Словно желая ей помочь, передний черт отстранился.

— У, у-у, у-у-у! — по-кошачьи завывала Гражина.

Ее глаза широко раскрылись, и она увидела, что теперь весь театр залит светом. Лицо каждого из зрителей отлично видно.

Всех этих людей она знала. А они знали ее.

В первом ряду сидела мать. Она держалась рукой за сердце, ее губы что-то беззвучно шептали.

Рядом — покойница бабушка. По ее морщинистому лицу текли слезы.

Потом учительница Антонина Сергеевна.

Целой стайкой девочки из класса, точь-в-точь такие же, как на выпускном балу.

Викторас из параллельного, в него она была безнадежно влюблена целых два года.

Отец Юозас, да не один, а с каким-то малышом, которому он закрывал глаза ладонью...

“Перестань! Ради Бога!” — хотела крикнуть Гражина своему невидимому мучителю, но из горла вырвался только утробный самочий стон.

Тут из глаз хлынули слезы. Все скрылось за милосердной текущей пеленой. Тело грешницы затряслось от рыданий.

Кто-то буркнул ей в самое ухо:

— Ну, будет. Вставай. За ангела Юлиана тебе послабление.

Про ангела Гражина не поняла, не до того ей было. Выпростала голову из дыры, попятилась на четвереньках, спустилась на пол и, не оборачиваясь на публику, побежала из зала прочь. Слезы лились просто ручьями. В земной жизни так не плачут.

Лишь снова очутившись в темном подвале, Гражина перевела дух и открыла глаза.

На левую грудь упала большая горячая капля, сбегала вниз. Там, где она стекала, кожа была чистая, свежая, молодая, а вокруг по-прежнему все оставалось грязным и жухлым.

Мясник сидел под лампой, водил пальцем по книге.

— Та-ак, это сделано. Что у нас дальше? Корысть с алчностью... Пойдем, раба Божья, в постирочную. Клистир иссоповым раствором, гвоздевая мочалочка, потом сушка на центрифуге, отпиливание от себя кусочков, раздача внутренних органов нуждающимся... Всего триста тридцать три процедуры. Зато будешь как новенькая. Не дрожи, кошелка, Серый свое дело знает. Чего носом шмыгаешь? А ну бегом!

Гражина втянула голову в плечи, прикрыла копчик, чтоб защититься от пинка, и, жалобно всхлипывая, засеменила вперед.

Картина седьмая

Т
в
м
.
.
.

КОЛЫВАНОВ

Прыгая по упругой поверхности, Колыванов подбежал к мужикам, что махали ему и звали к себе. Они были в камуфляжных костюмах такого же сине-серого колера, как и туча, поэтому почти сливались с ней. Погоны с одной ефрейторской лычкой. На фуражке кокарда: хвост и меч, крест-накрест. Оба мужика примерно Толяновых лет, только морды бородастые, но это сейчас уставом не запрещается, если ты по контракту и вообще сумел себя перед начальством поставить.

Поручкались.

— Толик, — сказал Колыванов, малость поджимаясь. Не разобрался пока, что за люди и какой тут вообще расклад. Может, они только для виду приветливые, чтоб он губы распустил

Как двинут сейчас коленом по яйцам или дубинкой в печень. Вон у красномордого левая рука за спину завернута.

— Здорово, Толик-в-жоппе-нолик, — осканил нечистые зубы красномордый. — Я Ракита.

Второй, с шрамом в углу рта, будто ему кто пасть рвал, тоже назвался:

— Лунь.

Наверно, фамилии, предположил Колыванов. Надо было и ему, а то несолидно представился.

— Колыванов, — поправился он. — Старший сержант. В смысле, бывший.

Новые знакомые засмеялись, но не обидно, а нормально. Весело.

— Ваши чины у нас, Вжопенолик, не канают. Тут по-новой выслуживаться надо. На Земле будь ты хоть думный дяк, хоть маршал Советского Союза, все едино. Пока первую лычку заработаешь, десять пар рогов сотрешь.

Услышав про рога, Колыванов покосился на ихние головные уборы и приметил, что тулья у фуражек высокая, как бы дембельская.

— Пацаны, извиняюсь, если не так скажу. Вы чего... черти? — тихо спросил он.

— Да уж не ангелы, — подмигнул Ракита, и Лунь прямо ухрюкался со смеху.

Согнулся пополам, хлопнул напарника по плечу:

— Ну, блин, Ракита, помрешь с тобой! “Не ангелы”!

Спокойно, велел себе Колыванов. Черти так черти, не проблема. Когда он в двухтысячном с ОМОНОм в Чечляндию ездил, на вахту, чечены их тоже шайтанами звали. А поездочка между тем была супер. Может, и тут жить можно. Хорошо бы разобраться.

— Покурим? — предложил он, присаживаясь на корточки. — У меня “Мальборо” красное.

Те покачали головами, но ничего не сказали, заулыбались. Достал Колыванов из кармана пачку, всю мятую-перекореженную, отыскал целую сигарету. Зажигалки, правда, не было, подевалась куда-то, но Ракита щелкнул пальцами и запросто высек огонь.

Толик прикурил, затянулся... Дым прошел насквозь и вышел через уши.

Черти этого, видно, ждали. Так грохнули — прямо слезы из глаз.

— У нас... тут... свой табачок, — с трудом выжал ослабевший от хохота Лунь. — После разживешься.

— Табачок есть — уже жить можно, — подхихикнул Колыванов. — Как тут вообще, в смысле условий?

Лунь (он, похоже, поотзывчивей был) ответил без подначки, по-серьезному:

— Нормальные условия. Устав только не нарушай, и все путем будет.

— А Устав, он какой?

— Толковый. В Учебке узнаешь. Не робей, паря. Раз к нам попал, значит, достоин. Будь самим собой, и лады. У нас не по-людски, прикидываться ни перед кем не надо. Харч подходящий, культурный досуг кайфовый. А бабы! Отвязные-безотказные.

— Какие захочешь, такие и бабы, — подтвердил Ракита. — Если ты, конечно, по бабам.

Намек Колыванову не понравился, и он сдвинул брови. В меру. Чтоб, с одной стороны, не нарываться, а с другой показать, что он в случае чего может и в рыло. В опущенных отроду не хаживал.

Мужики опять заржали. Ракита хлопнул новичка по плечу.

— Не ершишь, Вжопенолик. У нас не зона. По-всякому можно, и всё не в падлу.

Погоняло Вжопенолик, похоже, присохло намертво. Хорошо это или плохо, Колыванову пока было непонятно. Ладно, после разберемся. Пока, как говорится, имелись более насущные вопросы.

— Куда меня теперь? В Учебку, да? Там как?

— Вот так. — Грубиян Ракита изобразил, будто натягивает кого-то в очко.

Но Лунь успокоил:

— Не сахар, конечно, но без Учебки настоящим чертом не станешь. Главное, усвой: фигне там не учат. Все потом в смерти пригодится.

В это выражение Колыванов врубился не сразу, но все ж таки сообразил. У них тут слово “смерть” вместо слова “жизнь” употребляют. Типа вместо “ни в жизнь” нужно говорить “ни в смерть”, а вместо “по жизни” — “по смерти”.

Чтоб проверить догадку, сказал:

— Я по смерти чело... то есть черт дотошный. Если делу будут учить, косить не стану. А после Учебки что?

И опять ответил не Ракита, а Лунь.

— После Учебки самая смерть и начинается.

Прозвучало жутковато, но Колыванов мысленно “смерть” в “жизнь” перевел, и получилось нормально.

— Сначала послужишь рядовым искусителем. Приставят тебя к какому-нибудь задрыге смертному, будешь его пасти, уму-разуму учить. Чтоб курята не охмурили.

— Кто это “курята”?

Лунь приставил кисти рук к плечам, потрепывал пальцами, вроде как крылышки изобразил.

Колыванов кивнул: ясно, мол.

— Должен минимум троих от звонка до звонка допасти и куда положено доставить. Тогда получаешь ефрейтора.

Черт горделиво похлопал себя по погону, а Колыванов быстренько прикинул. Если каждого баклана от рождения до смерти пасти, да помножить на три, это ж сколько времени пройдет?

— Чего мне, двести лет в рядовых париться?
Ракита сплюнул.

— Ничего, у нас тут времени навалом. Я, по-твоему, какого года рождения?

На вид ему был тридцатник с маленьким гаком.

— Семьдесят пятого? — предположил Колыванов.

— Не-а. Сорок восьмого.

— Иди ты!

— Семь тыщ сорок восьмого, — ухмыльнулся Ракита. — Если по-нашему считать, от сотворения мира. А по-вашему тыща пятьсот сорокового. Из опричников я, при особе царя и великого князя Иоанна Васильевича Грозного состоял. Лунь меня моложе. Он при генерале Ушакове служил, по заплечному делу старался.

Про генерала с такой фамилией Колыванову слышать не доводилось. Наверное, еще из советских. И что за дела такие, заплечные, тоже не въехал. Но насчет Ивана Грозного, сам собой, был в курсе. Про него Сергей Сергеевич часто говорил, что крепкий был руководитель, сейчас бы ого-го как пригодился.

Заслуженный, выходит, мужик этот Ракита. Ветеран. От уважения Колыванов с корточек встал. Не то чтоб по стойке “смирно”, но все ж таки подтянулся.

— А ефрейторы что?

— Молодежь учим. Вроде тебя. По-хорошему, без дедовщины. — Лунь хлопнул Колыванова по плечу. Рука у ефрейтора была тяжелой. — Сральник зубной щеткой у нас драить не заставляют. И пидарасить не будут.

Ракита, подмигнув, прибавил:

— Если только сам не пожелаешь.

И опять заржали, веселые пацаны. Ну и Колыванов тоже немножко посмеялся, в меру.

А Лунь, душа-черт, еще и подбавил позитива:

— У нас не то что у курят, на одном месте всю смерть не держат. Со службы на службу перекидывают, чтоб себя проявил. Премияльные бывают. Опять же выслуга лет, и звания идут. У меня на счету восемь подготовленных отличников, у Ракиты одиннадцать. А будет тринадцать становишься младшим сержантом. Это, считай, уже с краткосрочными выездами. Шесть удачных командировок — третья

лычка. Чем дальше, тем работа интересней. Особенно как до офицерских погон дослужишься. Тогда, если способности хорошие, можно в резидентуру попасть, со спецзаданием. В долгосрочку, — завистливо вздохнул Лунь. — Два оклада, пригляда почти никакого, полномочия охеренные... Ну и вообще, ты там, среди людишек, чисто Супермен. Некоторые из наших даже в учебники по истории попадают.

Здесь Ракита решил салагу слегка приспустить.

— А будешь слюни распускать или лажаться, засадят лет этак на тыщу водяным в болото или крысиным королем в канализацию. Так что старайся, земля. Рви копыта. Понял?

И оба выжидательно уставились на Колыванова. Он сразу понял: не просто так. Как он сейчас ответит, такое о нем в новом коллективе и мнение составят.

Прикинул, как лучше сказать, с юмором или серьезно. Наверно, без хиханек посолидней выйдет.

— Понял. Не дурак.

Совсем уж солидно ответить не получилось, потому что в эту самую секунду у Колыванова задница зачесалась, и так свирепо, что он не сдержался, поскреб ногтями. Там, под штанами, выпирало что-то мягкое, круглое.

— Блин, чего это у меня?! — заорал Толик.

— Сказали тебе: в жопе нолик.

Юморные ефрейторы снова зареготали.

— Это у нас так молодых называют, — объяснил Лунь, досмеявшись. — У кого хвост еще не вырос. Ты, главное, в первые дни сильно не расчесывай. Хуже, когда рога прорежутся. Будешь, как баран, об каждую стенку тереться.

Колыванов запустил руку под трусы, нащупал сзади что-то мохнатое, навроде кисточки для бритья.

— Удобная штука, — ткнул его локтем веселый Ракита. — На посту стоишь, можно мух отгонять. А еще хвостом драть классно. Но тут, земля, навык нужен.

И, конечно, опять: га-га-га.

Расслабился Колыванов. Понял, с такими ребятами не пропадешь. И вообще всё путем. Как говорится, смерть налаживается.

ВЛАД ГУРКО

Дома!

С этой блаженной мыслью Джк растянулся на полу, пробив головой зеркальную мембрану транскамеры. Температура здесь была на двадцать три пульса меньше, но все равно существенно выше нормальной, поэтому первое, что ощутил Джк, — жар.

Он, конечно, не вполне еще вернулся в сознание, но по крайней мере уже понимал, кем является и где находится. Трансферт миновал критическую точку, а температурный баланс преодолел границу биообеспечения.

Поднявшись, Джк обернулся к мембране, посмотрел на свое отражение и гадливо поморщился.

Лицо более или менее восстановилось, хотя на двух нижних глазах еще не регенерировались фильтропенки, а кожный покров сохранял земную мучнистость. Левая рука была уродливо короткой, с пятью членистыми подщупальцами, и растительность с головы сошла еще не вся, кое-где свисала клоچьями.

В первый момент Джк вообразил, что это галлюцинаторное похмелье. Как в тот раз, когда Мздрвк из латиноамериканского сектора после командировки устроил вечеринку, где угощал друзей толченым мексиканским грибом.

Но восстановление ноопроцессорных функций шло быстро, и в следующую ритмодю Джк вспомнил: да нет же, нет, это он сам вернулся после командировки. Что-то там произошло незапланированное. Какой-то сбой.

— Spokoino, Jk, spokoino. Ты prihodish v sebya, — раздался знакомый голос. Набор звуков был бессмысленным, но голос Джк узнал. Профессор Лдада, заведующий Постсоветским сектором.

В ноопротессоре и организме полным ходом шла регенерация. Джк закрыл фильтропленки, потер лобную панель, а когда снова посмотрел в зеркало, то уже был похож на рулкебека. Только цвет кожи еще не полностью восстановился, но температура снизилась почти до нормальной. По земным меркам она соответствовала минус шестидесяти шести градусам Цельсия.

Перегородка, расположенная напротив мембраны, наполнилась светом, Джк увидел столпившихся за ней коллег, которые приветственно махали руками и качали ухолокаторами. Туман окончательно рассеялся, память набрала положенный объем, Джк снова стал полноценным рулкебеком.

Он разглядывал родные лица, подмигивая каждому верхним глазом, и испытывал чудесное эйфорическое чувство, знакомое всякому, кто возвращался домой после земной командировки.

Какое счастье, что он не убогий, слепой комочек органики с дурацким именем Влад Гурко, а Джк Плададжжмстмтимш, наблюдатель-

исследователь шестого класса из Института мониторинга зарождающихся культур.

Лаборатория мониторинга планеты 458&*-6-34-5 базировалась на орбитальной станции, давно уже ставшей для Джка родным домом. В обозначении планеты первая группа знаков — это порядковый номер Солнечной системы. Шестерка — тип атмосферы, довольно близкий к комфортному. “34” — гравитационный разряд. “5” — уровень развития туземной цивилизации по стандартной 12-балльной шкале. Пятерка соответствовала раннепереходному возрасту, поскольку человечество являлось культурой совсем юной. Оно накопило всего пять тысяч куцых солнечных лет фрагментарной исторической памяти, а более или менее фиксированная память вообще простиралась максимум на десять поколений. Иными словами, современные жители Земли (так по-русски называлась планета 458&*-6-34-5) кое-как помнили, что происходило с их цивилизацией каких-нибудь триста лет назад, а более давние события носили мифологический оттенок. Ведь средняя продолжительность

жизни человека очень коротка, примерно как у маленькой мушки филодрозы, которая опыляет деревья в рулкебекских садах. С другой стороны, живи люди дольше, командировка в их мир была бы нешуточным испытанием...

Температурный режим наконец стандартизировался. Перегородка раздвинулась, и коллеги гурьбой ринулись в отсек. Сколько было объятий, тактилоспазмов, липчмоков!

Все заговорили разом, перебивая друг друга, а Джк лишь улыбался усталой счастливой улыбкой.

Профессор Лада раздвинул сотрудников своим солидным брюхотыром. Торжественно потер Джку нос.

— Ну, сынок, отдохни, приди в себя, отфильтруй багаж. Представляю, как ты соскучился по нормальной пище. Поди, пососал бы сейчас холодненького врбусдважа с пролепенками? Не сразу, не сразу. Сначала посидишь на питательном растворчике. Пять витков на реабилитацию тебе хватит? Потом отчитаешься по командировке и гуляй. Слетай в отпуск, развейся. Партнеры тебя ждут-не дождутся. Хал-

ваджапа даже в криококон залегла, так без тебя соскучилась.

Он лукаво пофлюснул верхним глазом, а Джж, немного красуясь, сказал:

— Мне хватит четырех витков. Назначайте заседание, я буду в норме.

Адада просиял. Он был настоящим фанатиком науки, всю жизнь посвящал только работе. Даже полной семьей не обзавелся. Вроде немолодой уже рулкебек, а всего с тремя партнерами кооптирует. У Джжа, несмотря на возраст, и то семеро.

Попрощался он с товарищами, пошел в изолятор проходить медосмотр, отдыхать, фильтровать багаж — то есть считывать и анализировать данные инфочипа.

Было время, когда наблюдателей отправляли со станции на Землю, не отключая памяти и ноопроессора, но эта практика себя не оправдала. Даже приняв человеческий облик, но внутренне оставшись собой, исследователь не мог полностью идентифицироваться с натурой туземца и часто обнаруживал себя. Это сокращало среднюю продолжительность ко-

мандировок, приходилось то и дело прибегать к экстренной эвакуации, причем нередко в полностью детруированном состоянии. Как у Джка в данном конкретном случае. Сейчас это исключение, ЧП, а в прежние времена такое происходило сплошь и рядом. Наблюдателей доставляли на станцию в виде кучки пепла, прямо с инквизиторского костра, или с осиновым колом в туловище, или разорванными на куски. Отключение ноопроцессора резко повысило показатели и не сильно усложнило послекомандировочную обработку данных. Микроскопический сверхпрочный чип, вживляемый в лоб исследователя, сохранял всю полученную информацию, и по возвращении она легко обрабатывалась рулкебекским сознанием.

На совещание Джк явился посвежевшим и полностью готовым к отчету.

В конференц-отсеке собрались не только сотрудники сектора, но и все руководство института, а также большинство смежников. Экстренная эвакуация — событие, неизменно вызывающее повышенный интерес. Джк чув-

3.8

ствовал себя героем дня, хоть и держался с подчеркнутой скромностью.

Заседание началось с вопроса, который по давнему обыкновению всегда задавался первым.

— Коллега, когда, по вашей оценке, возможен выход на контакт с объектом мониторинга?

Правда, было видно, что директора института, академика Плавж'да, мнение какого-то там исследователя шестого класса по сему поводу не слишком интересует, но традиция есть традиция.

Джк был готов.

— Исходя из суммы информации, содержащейся в моем чипе, я бы предположил, что регион моей командировки созреет для контакта примерно через сто тридцать — сто пятьдесят солнечных лет.

Директор задумчиво почмокал.

— Недавно вернулись еще двое командированных. Один с острова Исландия, другой из республики Чад. Первый назвал срок в пятьдесят лет, второй в пятьсот. Что у нас получается по среднемировому показателю?

— Сто шестьдесят целых три десятых солнцегода, — доложил ученый секретарь. И невозмутимо добавил, из любви к корректности: — Если сохранится нынешний алгоритм развития и не изменится стратегия института.

— Вот именно, — ехидно заметил профессор К{стпрв из отдела инноваций. — *Стратегия.*

По залу прошло сдержанное пощелкивание. Вопрос о стратегическом курсе, неизменно актуальный, в последнее время стоял особенно остро. Два направления научной мысли, придерживающихся принципиально противоположных взглядов на мониторинг, готовились к очередной схватке.

Две эти партии (которых формально, разумеется, не существовало — все тут были товарищи и коллеги) на разных стадиях истории института назывались по-разному: прогрессисты и консерваторы; революционеры и эволюционеры; активисты и пассивисты. Сути дела это не меняло. Первые были за более решительное вмешательство в развитие земной цивилизации, вторые отстаивали подход осторожно-выжидательный.

Основатель института легендарный Тьлрп, ныне находящийся на заслуженном отдыхе, был романтиком, пассионарием. В его времена казалось, что доведение человечества до уровня контактности — задача недалекая, легкодостижимая. Нужно лишь задать правильный вектор развития, в качестве которого была разработана Программа Милосердных Религий.

ПМР запустили в трех модификациях, с учетом региональной и культурноцивилизационной специфики: “Шакья-Муни”, “Иисус Христос” и “Мухаммед”. Результаты оказались весьма и весьма спорными. Выяснилось, что план Тьлрпа слишком оптимистичен и недостаточно учитывает уровень этического развития реципиентов. После крестовых походов и религиозных войн первого директора с почетом проводили нежиться в садах родной планеты, и верх взяли сторонники эволюционной теории, причем в крайней трактовке профессора Джупстывса, наделавшего много шума своей работой “Микрохирургия планетостроительства в свете теории невмешательства”.

Джупстывс проработал на станции шесть земных столетий, осуществляя свою доктрину на практике. Человечество было предоставлено само себе, а институт ограничивался лишь сбором информации да микроскопическими дозами вмешательства, самого что ни на есть травоядного: чуть-чуть подправить курс Колумбова корабля; уронить яблоко на голову Ньютону; послать Менделееву сон про Периодическую таблицу элементов.

На Земле происходили революции и затяжные войны, бушевали эпидемии, истреблялись целые народы, а секторы и отделы только и делали, что сортировали и обрабатывали информацию. Когда неужемное человечество затеяло одну за другой две всемирные войны, а потом чуть вообще не истребило жизнь на планете посредством Карибского кризиса, Джупстывс признал свою ошибку и перевелся на менее нервную работу, возглавил Институт необжитых планет. На станцию же прибыл академик Падвж'да, фигура компромиссная, то есть балансирующая между направлениями.

Его курс, вызвавший саркастическое замечание профессор К{стлрва, получил название “Деликатная терапия”. Базировалась эта стратегия на ускоренном подбрасывании людям научных сведений, по возможности не слишком опасного свойства: начатки искусственного интеллекта, создание мировой сети, клоны и прочее подобное. Иногда допускалось точечное оперативное вмешательство вроде организации инфаркта или автокатастрофы для слишком агрессивного политика. Большим успехом директора считалась изящно проведенная операция по переводу мира из двухполярного состояния в монополярное. Но тут, как всегда, ломать оказалось проще, чем строить. Работы по демонтажу советской империи прошли успешно, без массового голода и широкомасштабной гражданской войны. Но вторая империя, которую пока решили не трогать, сразу начала выходить из-под контроля и устраивать по всей Земле новые очаги турбулентности. В Ученном Совете все громче звучали голоса сторонников возрождения биполярности на основе безнасиельственной экспансии. Разработка была поручена сектору Китая, который

после длительной командировки возглавил исследователь пятнадцатого класса Денс`пин.

За время, пока Джк отсутствовал, возник внутренний конфликт в Мусульманском отделе. Там зам подсиживал зава, коллектив раскололся на две части, начались всякого рода подковерные игры, и эта грызня не замедлила сказаться на положении дел в подшефном регионе.

Еще не закончив отчет, Джк почувствовал, как в зале сгущается атмосфера. До него вдруг дошло: столько народу пришло сюда вовсе не для того, чтоб послушать про малоинтересную жизнь и нелепую смерть бармена Влада.

— Вот вам наглядная иллюстрация! — сразу же взял слово замзав Мусульманским отделом профессор Абуджвжвжал. — Волна насилия распространяется все шире, а это приводит к срыву плановых командировок и лишним затратам по экстренной эвакуации сотрудников! В докладной записке от сто сорок шестого таукетабря я предупреждал руководство института о недопустимости безответственного курса, который отстаивает наш многоуважаемый коллега профессор Альбрывввкикр..

И пошел, и пошел.

Потом слово взял заведующий Альбрыввккир, стал обвинять заместителя в научной некомпетентности. Про Джка все забыли, и он потихоньку сел на место.

Разбушевавшихся оппонентов взялся успокаивать директор.

— Не будем делать скоропалительных выводов из частного случая, — заворковал он. — В конце концов, наш молодой коллега сам виноват. Бармен нарушил должностную инструкцию, согласно которой *“собак и прочих животных, в соблюдение санитарных норм, не разрешается допускать в пищеераздаточные блоки, как-то: кухни, рестораны, бары, кафе, буфеты...”*

Академик, известный своим знанием языков, легко перешел на русский. Надо отдать старику должное, память у него была уникальная. Целую библиотеку таскал в своем ноопротессоре.

Джк, конечно, возмутился. Начальству возражать не посмел, но соседу, Врврврврвчуку, из украинского подсектора, прошептал:

— При чем тут инструкция? Это ж не Гер-

мания, а Россия! Плевали там все на инструкции. Этак он мне еще выговор влепит!

— Паны дерутся, у холопов чубы трещат, — посочувствовал Врврврврчук и толкнул Джка средним локтем в бок. — Ты лучше скажи: привез что-нибудь?

Джк подпустил в глаз малиновой хитрецы.

— “Мартель”, пятнадцатилетний.

И показал тайком плоскую фляжку, которую Влад успел цапнуть со стойки в самый последний миг своей жизни.

Сувенирособиранство строжайше воспрещалось, не говоря уж о несанкционированном употреблении земных интоксикантов, но у наблюдателей-исследователей свои традиции. Жалоб и *секао*, кто вернулся из командировки с пустыми руками.

Григориан, который сидел слева от Джона, обрадовался.

— *Ничего!* — блеснул он идиомой, которую привез из своей последней командировки вместе с незабываемой бутылкой аперитива “Степной”.

— Теперь у них говорят *супер* или *улёт*, — снисходительно поправил Джж.

Картина девятая

ЖАН(НА)

Сначала еще было терпимо. То есть не то чтобы терпимо, а постоянно чем-то занята, ни на что времени нет. То осматривают врачи, делают успокаивающие уколы, от которых тупеешь. То следователи со своими вопросами. То представители посольства, с соболезнаваниями и тоже с вопросами. Можно ни о чем не думать. Делай, что говорят, отвечай, о чем спрашивают, и ладно.

С телом опять же хлопот хватало. У них там в Москве не нашлось нормального гроба с заморозкой, и Жанна пробивала через дипломатов. И с рейсом были проблемы. Никак не получалось, чтобы и она, и гроб улетели одним самолетом. Но она настояла, добилась своего. Невероятно, какие в ней обнаружились бездны энергии и напора.

Ну а дальше что?

Привезла. Похоронили. Уже на кладбище все дела закончились. Стой да кивай головой, когда произносят слова сочувствия. Подставляй щеку для поцелуя. Пей воду, когда кому-то покажется, что ты сейчас грохнешься в обморок.

На самом деле физически она себя чувствовала нормально. А психически вообще по тормозам. Слез не было, сердце на части не рвалось. Может, оттого, что гроб был закрытый. Что-то у них там все-таки с температурным режимом разладилось, пока везли. Всю церемонию Жанна простояла истукан истуканом.

Пришла домой, сказала провожающим, что устала и хочет отдохнуть. Они обрадовались. Им тоже не сахар с безутешной вдовой возиться.

Жанна посидела на кровати, глядя в пол. Легла. Проспала ровно сутки.

На работе ей дали неделю отпуска, полуоплаченного. Но чем себя занять, она не знала. Поэтому проснулась назавтра, пожевала чего-то и опять улеглась. Так всю неделю и провела, почти не просыпалась.

При ней состояла подруга Николь. Оказалась идеальным человеком для такой ситуации. Сидит, как мышка, телевизор в наушниках смотрит. Проснешься — дает попить, сует в рот какую-то еду. Все понимает, не насилует, не тормозит.

Николь и присоветовала уволиться. Куда ты, говорит, такая? На какую работу? В себя надо сначала прийти.

Жанна послушалась. Ей было по фигу.

Сказала Николь: “Приведи себя в порядок, а то на черта похожа” — помыла голову, причесалась.

Сказала: “Надо выходить понемногу” — стала выходить. В кино, в булочную, просто на бульвар, погулять.

“Позвони родителям, они с ума сходят” — позвонила.

Попала на отца. Он обрадовался ужасно. “Отоспалась? Можно мы приедем?” И сразу приехали, с матерью.

Мать, та просто сжалась и смотрела на дочку перепуганными глазами (перманентный макияж на веках, двухсантиметровые ресни-

цы). Как есть кукла Барби. А вот отца было жалко. Всю жизнь он настраивался исключительно на позитив, несчастье в его картину мира совсем не входило. Он суетился, хотел помочь, но не знал как. Потом придумал. Нужно поменять квартиру и всю мебель. Чтоб взять новый старт. Пообещал покрыть все расходы и сразу же успокоился. Пару раз свозил Жанну по каким-то адресам, замучился от ее молчания, перепоручил дочку заботам агентства. Отвалил.

Ну и супер.

Знакомые сначала звонили часто, но когда поняли, что ей это в тягость, темп проредили. Тем более знали, что при Жанне всегда Николь, которая сидит на пособии, времени у нее сколько хочешь, и вообще золото девка.

Николь никогда не была самой близкой подругой, зато оказалась самой верной. Может, оттого что у нее парня не было. А может, просто человек такой.

Приходила каждый день, а звонила, наверно, раз по пять. Пока не возьмешь трубку, так и будет трезвонить. Один раз сорок минут на-

званивала. Жанна лежала, смотрела по часам. Потом накрыла голову подушкой, отвернувшись к стене и уснула.

Будь ее воля, вообще бы не просыпалась.

Когда она жила с мужем, часто удивлялась на саму себя. Встретила его вроде не маленькой девочкой, на двадцать четвертом году жизни, а будто бы до Жана и не было ничего. Не то чтобы совсем не было, а как бы это сказать... Словно она двадцать три с половиной года продремала. Росла, училась, подросла — с кем-то там трахалась, но все это словно понарошку. Толком ничего не запомнилось. Ее, например, удивляло, почему люди любят вспоминать, что с ними в детстве было или в юности, ерунду всякую. Как будто это имеет хоть какое-то значение. Для нее не имело. Вот полюбила — тогда проснулась. И жизнь тоже очнулась, зашевелилась, сделалась цветной, а то была черно-белой.

Ничего бы Жанна сейчас не пожалела, чтобы опять вернуться в ту дрему. Потому, наверно, все время и спала.

Но организму столько спать не нужно. Настоящего сна не получалось. Через какое-то

время она уже сама перестала понимать, что происходит наяву, а что снится.

В таком состоянии и увидела Жана.

Она стояла дома, у окна, смотрела на крыши. Или снилось, что стоит и смотрит. Был вечер, горели огни, по стеклу струился дождь. В комнате свет не горел. Вдруг Жанна смотрит — по ту сторону он. Совсем рядом. Тоже приложил к окну ладони и глядит на нее. Прижался к стеклу носом, и нос от этого расплющенный. Она засмеялась, тоже прижалась, чтоб кончик в кончик. Погоди, говорит, погоди, сейчас открою.

Открыла створку, а Жана нет, только дождь, темнота, город.

Скорее всего это был сон, но с тех пор Жанна просыпаться вообще раздумала.

Пошла к врачу, наврала про бессонницу. Он выписал снотворное.

Больше она мужа не видела ни во сне, ни наяву, но надежды не теряла. Из каждой порции таблеток оставляла по одной, через некоторое время их набралось полрюмки. Про себя Жанна решила, непонятно с чего и почему,

что нужно накопить полную рюмку. Ни о чем *таким* не думала, решила и решила.

Когда она не спала, все время с ним разговаривала. Если на улице, мысленно, чтобы в дурдом не отправили. Если дома и одна, то вслух. Жан не отвечал, но слушал. В этом она была уверена. А перестала бы с ним разговаривать, исчез бы навсегда. Это она знала твердо.

— Такая теперь цивилизация, — говорила она ему, потому что только с ним и можно было разговаривать совсем откровенно. — Разучились мы иметь дело со смертью. В старину людям до нее было рукой подать. И захочешь, не забудешь. Эпидемии всякие, насилие, неразвитая медицина. А теперь смерть от нас отодвинулась, ее загнали за кулисы. Люди в богатых странах иногда как бы забывают, что она существует. Вообще все, что связано с несчастьем, нынче не в моде. Оно вроде заразной болезни. Поэтому ты на Поля с Хамидом (это были его младший брат и лучший друг) не обижайся, что они не звонят. Я и сама чувствую, что заразная. На меня по-хорошему нужно мешок надеть и колокольчик прицепить. Как

на прокаженного в Средние века. Чтoб не подходил никто. Главное, мне ведь никто и не нужен... Да что я тебе объясняю, ты и так понимаешь.

И про Николь ему тоже рассказывала:

— Она не такая, как остальные. Не лучше и не хуже, просто не такая. Для нее, наоборот, чужое несчастье как навозная лепешка для мухи. Помнишь, она три года за своей парализованной бабушкой ухаживала? Все восхищались, а у Николь просто потребность такая. Теперь парализованная бабушка — это я. Ну и пускай, что мне, жалко что ли. Достала только своей психотерапией. Надо, говорит, про это разговаривать, в себе не держать. Она же не в курсе, что я и так с тобой разговариваю. Вот дура! Ты, говорит, должна вывести это из своей психики. А как я тебя выведу из психики? Что в ней останется?

Однажды Николь сказала: “Завтра сороковой день. Мы с тобой люди нерелигиозные, но знаешь, все эти ритуалы существуют не просто так. В них есть духовный и энергетический

3.9

смысл. Они вроде мантры. Я заказала в соборе заупокойную мессу. И еще в русской церкви, это у них называется Soro kovini. Жан ведь в России погиб, это важно. Пришлось наврать, что он православный. “Раб Божий Иоанн”. В русской церкви служба заказана на восемь, в католической на одиннадцать, так что успеем и туда, и туда”.

Приехала ни свет ни заря, в черном платье и на голове черный платок, это у русских так положено. Без платка в церковь не пускают. Жанне тоже привезла.

А той было все равно, сороковины так сороковины. Какая разница, где носом клевать?

Перед началом бородатый священник очень складно и безо всякого акцента объяснял смысл церемонии. Жанна встрепелась, когда он сказал: “Поминание в сороковой день нужно не только усопшему, но и его близким. Чтоб душа обрела вечное пристанище и более не тревожила их покой”.

Сдернула Жанна черный платок и бегом отсюда. Я вам дам “не тревожила покой”!

По двору, за ворота, через улицу.

Вдруг кто-то шепчет прямо в ухо: “Стой, ду-
реха!”

Она замерла как вкопанная под истошный
скрежет тормозов. В полуметре поперек мос-
товой развернуло мини-вэн. Едва-едва она под
колеса не влетела.

Выскочил водитель, руками машет, кричит,
а Жанна на него ноль внимания, все головой
вертит.

Не было рядом никого! Ни души! Да и вооб-
ще “дурехой” ее только один человек называл!
А значит, душа рядом все-таки была.

Дальше Жанна действовала без колебаний,
будто по заранее придуманному плану. Или по
подсказке.

С улицы она убежала. И от орущего водите-
ля, и главное от Николь, которая сейчас была
совершенно лишняя.

Зашла в парикмахерскую. Показала фото-
графию, которую всегда носила с собой.

— Подстригите меня вот так.

— Под мальчика?

— Не под мальчика, а именно вот так.

Мастер говорит:

— Вам не пойдет.

Но видит, она решила. Пожал плечами, стал стричь.

Из парикмахерской Жанна пошла домой. Медленно, потому что времени оставалось еще много. Посмотрела кино, которое они с мужем последний раз вместе видели. Сделала маникюр, просто так. Догадалась позвонить Николь, чтоб не психовала. Повезло, у той был автоответчик, иначе прилипла бы насмерть. Жанна сказала: "Я хочу побыть одна. Телефон отключу, не дергайся. Все нормально".

Села перед зеркалом и стала ждать. С чем с чем, а с терпением у нее был порядок.

Мебель в квартире была вся новая, вместе с Жаном покупали. Только над туалетным столиком висело старое зеркало, в золотой раме, с лепниной, поверхность в пятнах. Мама на свадьбу подарила. В ее духе подарочек, ненужное барахло сплавить. Жанна хотела отнести старьевщику или просто на помойку, но Жан не позволил, чем-то оно ему понравилось. В последние дни она часто перед зеркалом сидела. Включит лампу и смотрит на себя, будто ждет чего-то.

А сегодня лампу включать не стала. Потому что в лампе-то все и дело.

Потихоньку начало смеркаться. Вдова смотрелась в зеркало и уже не видела своего лица, только силуэт, стриженный. Не поймешь чей, то ли Жанны, то ли Жана.

Нет, это был Жан! Его черты были едва различимы, но это несомненно был он. Как же она раньше не сообразила! Ведь он подсказывал, когда глядел через залитое дождем стекло.

Супруги жадно смотрели друг на друга. Пошевелиться или нарушить молчание Жанна боялась. Для первого раза.

Продолжалось это недолго. Минуту или две. Потом совсем стемнело, и лицо в зеркале померкло. Но путь был проторен.

Перед тем как лечь спать, Жанна посмотрела по Интернету, когда завтра восход солнца. Оказалось, в шесть сорок пять. Поставила будильник на половину седьмого.

Перед рассветом села на то же место. Когда темнота сменилась сумерками, в зеркале появился Жан.

— Ты меня больше не оставишь? — шепнула она.

Он покачал головой.

— Никогда-никогда?

Кивнул.

Тут стало слишком светло, Жанна мужа больше не видела, только саму себя. Лицо у нее было не такое, как во все предыдущие дни, а счастливое.

Зазвонили в дверь, настойчиво. Потом начали стучать. Жанна, напевая, пошла в коридор.

Николь ворвалась в прихожую, чуть с ног не сшибла.

— Я глаз не сомкнула! Домашний телефон отключен, портабель тоже! Еле дождалась, когда метро откроют. Хотела сразу в службу спасения, чтобы дверь ломали! ...Ты улыбаешься? — изумилась она, глядя на подругу. — Что это с тобой? Ну-ка дай свет включу. Э, да ты на человека похожа...

Повертела Жанну за плечи. С удовлетворением констатировала:

— Вот что значит месса, и пусть мне говорят что хотят! Факт налицо: кризис миновал.

Теперь, когда твое психическое здоровье пошло на поправку, можно заняться физическим. Скажи, у тебя цикл восстановился?

— Нет.

— Когда в последний раз была менструация? Жанна подумала и улыбнулась.

— Давно. В Таиланде еще, когда только приехали.

Улыбнулась, потому что вспомнила, как Жан сначала расстроился, а потом сказал: плевать, нас это не остановит.

— Я тебе говорила, у меня гинеколог классный, доктор Кант, — стрекотала Николь. — Запишу тебя на прием. Пусть сделает анализы, пропишет курс гормонов... Ты чего ржешь?

Жанна прыснула, потому что Жан ей шепнул: "Подходящая фамилия для гинеколога".

— Подходящая фамилия для гинеколога, — сказала она.

Подруга пожала плечами.

— Фамилия как фамилия. Еврейская, наверно.

Николь не знала английского языка. И вообще, как у большинства отзывчивых людей, с чувством юмора у нее было не очень.

Картина десятая

КУЗЯ

Вблизи подворотня оказалась большими-пребольшими воротами, облицованными сверкающей плиткой. Это напоминало кафельные стены служебной кухни, где Кузя съедал свой казенный обед, только там плитка была белая, а здесь зелено-голубая.

Сенбернар прошествовал в густую тень прохода первым. Боксер за ним, но от нерешительности и волнения немного замешкался. Когда же, проскочив через арку, сощурился от яркого света, своего покровителя уже не увидел. Тот успел куда-то удалиться, странным образом не оставив ни следа, ни запаха.

Кузя был один. Перед ним, сколько хватало глаз, простирался зеленый, цветущий мир, который безусловно следовало назвать парком.

“Парк” — самое лучшее место на свете. По воскресеньям утром, когда Хозяин говорил: “Ну, Кузнечик, идем гулять в парк”, пес, несмотря на солидный возраст, начинал прыгать и повизгивать от возбуждения.

В парке простор, множество волнующих встреч и новых знакомств, тысячи интереснейших запахов, а в белом киоске у пруда Кузе всегда покупалось мороженое пломбир.

Но этот парк был еще чудесней воскресного. Его так и следовало назвать — Чудесный Парк.

От деревьев, кустов и трав тянуло такими ароматами, что, вдохнув их, Кузя перестал быть прежним. У него закружилась и немножко отяжелела голова, но совсем не так, как от “ерша”, который однажды для прикола налил ему в миску Тухлый. На боксера снизошло Знание. Понять и объяснить, что это такое, было невозможно. Кузя не обучился чему-то новому, не запомнил какие-то команды или правила. Но теперь ему было достаточно посмотреть на предмет, приняться, и он Знал. Просто Знал, и все.

3.10

н
в
м
.
.

3.10

Например, что в Чудесный Парк он приведен не просто так. Нужно сделать Выбор. Это совсем не страшно, но очень и очень важно.

Ах, если бы рядом был сенбернар! Он показал бы, как себя вести и что делать.

Кузя неуверенно поозирался и вдруг заметил, что глазурированные врата, через которые он попал в Чудесный Парк, украшены выпуклыми изображениями животных. Обычно пес не обращал внимания на картинки, они для него ничего не значили. Когда был совсем молодой дурак, бывало, лаял на свое отражение в зеркале, не понимая, как это собака может не издавать запаха. Потом привык, приняв эту странность к сведению и потерял к ней интерес.

Но изображения на стене были настоящие. С запахами и двигались, достаточно было лишь взглянуть и потянуть носом.

В самом низу, по обе стороны арки, поблескивая и переливаясь, стояли синий бык с огромными глазами и золотой лев.

Бык, от которого пахло сеном, теплым хлебом, неспешной силой, покосился на боксера

спокойным круглым глазом, шумно вздохнул и тронул низ кладки лазоревым копытом.

3.10

Г
В
М
.
.

Лев разинул пасть и по-кошачьи зевнул. Он не проявлял враждебности, но смотреть на его острые клыки было жутко. В первый миг лев Кузе чрезвычайно понравился, обрубок хвоста сам собой завилял туда-сюда. Но все же чего-то в золотом звере *не хватало*. Боксер не понял это, а почувствовал. Почтительно ослабившись, он попятился, развернулся и побежал по желтой песчаной аллее, где меж кустов, в ажурных беседках, были расставлены картины и статуи.

Внимание собаки привлекла большая тряпка, чуть колеблемая ветерком. На ткани многоцветная вышивка: женщина с зеркалом в руке, и рядом с ней невиданный зверь — похож на белого коня, но с длинным рогом во лбу и козлиной бородой. Зверь, про которого боксер знал, что имя его Аликорн, смотрел на женщину, не сводя с нее глаз, и сразу было видно, что такая у него Служба: смотреть на женщину и любить ее всей душой. Пахло от женщины пряными духами, от Аликорна — вереском и мятой.

3.10

а
н
н
а
б
о
р
и
с
о
в
а

Рогатого-бородатого, который не удостоил Кузю внимания, боксер облаял. Женщина чуть поморщилась, надменный же Аликорн и ухом не повел. Ну и провались ты пропадом.

В следующей беседке стояла обрамленная золотом картина, еще удивительней той, что была вышита на ткани. Сначала Кузе показалось, что там нарисована гора, но горы не шевелятся, эта же вдруг взяла и задвигалась. Тогда стало видно, что на картине изображено исполинское животное. Оно медленно переставляло гигантские ноги-тумбы, и от каждого шага вздрагивала земля. Животное паслось. Верхушки деревьев оно щипало так, как корова щиплет траву, а когда захотело пить, то отпило из озера, и озеро обмелело.

Про живую гору боксер Знал, что ее имя Бегемах. Лаять на этакое чудище не осмелился. Поглядел немного и прошмыгнул дальше.

Возле узорчатой ротонды он задержался дольше. Там, не подвешенный ни на чем, покачивался холст с морским пейзажем. Среди плавных волн, взбивая хвостом пенные гребни, скользила рыба с головой слона. Поскольку

океан безразмерен, определить, насколько велико это создание, было невозможно, но Знание подсказало Кузе, что Макара (так звали чудо-рыбу) не меньше Бегемаха. Пахло от ушастой, длиннохоботной диковины не слишком приятно — водорослями и рыбными очистками, но очень уж привольно барахталась она среди зеленого простора! Кузя долго колебался, не прыгнуть ли ему в соленую воду. Он Знал, что запросто может это сделать.

Не стал. Потрусил дальше.

И увидел мозаику с тремя небывалыми птицами. Посередине двуглавый орел, повернувший два своих царственных клюва в разные стороны и учтиво внимающий тому, что толкуют ему соседи. То, что птицы именно *разговаривают*, Кузя понял сразу и преисполнился завистью. Даже в новом своем состоянии дара речи он не обрел.

Слева от орла восседала птица, на которую было трудно смотреть, ибо вся она состояла из языков яркого пламени. Когда уронила перышко, оно искрой упало на землю и долго еще догорало в траве.

3.10

Крылатое существо, находившееся справа от орла, при ближайшем рассмотрении оказалось не птицей, а скорее львом, но еще более грозным, чем первый, украшавший собою ворота. Этот второй лев имел птичью голову с огромным острым клювом и перепончатые крылья. Пахло от него отвагой. Кузя так влюбился этим гордым зверем, что забыл о его собеседниках. И все же что-то во втором льве было не так. Если в предыдущем *чего-то недоставало*, то в этом, клювастом, *имелось что-то излишнее*.

Стараясь ступать потише, боксер двинулся вперед по аллее и вскоре оказался на бескрайнем лугу или, вернее, у большого полотна, изображавшего луг, где обреталось бессчетное множество невиданных животных. Все они были разные, но каждое обладало спокойной величавостью движений, и многие были осенены крылами.

Невозможно сказать, сколько времени провел Кузя у края волшебного поля, рассматривая его обитателей, каждый из которых был по-своему прекрасен. Особенно понравилась

боксеру золотистая лошадь с радужными крыльями. Она взлетела к нарисованному солнцу и опустилась на ближнем конце картины, у источника. Пес хотел подбежать к коню, обнюхать его и тоже напиться из журчащего родника, но сделать это помешала какая-то непонятная сила, заставившая Кузю покинуть луг, лучше которого, кажется, ничего и вообразить нельзя.

За ближайшим поворотом, посреди благоухающей клумбы, белела статуя, увидев которую Кузя замер как вкопанный.

Гуляя в парке с Хозяином, он никогда не обращал внимания на бессмысленные каменные изваяния — если, конечно, снизу они не были помечены кем-нибудь из знакомых или незнакомых собак. Но эта статуя была живая.

Перед раскрытой книгой сидел старый человек, от которого пахло так же, как от Хозяина, — всезнанием, покоем, надежностью и добротой. Это был самый лучший запах в мире, но Кузя смотрел не на каменного человека, а на Крылатого Льва, что стоял у читающего за спиной в позе бдительного стража. Этот лев,

3.10

третий по счету, был именно такой, какой нужно. В отличие от первого, летающий. В отличие от второго, без хищного клюва, а с нормальной головой, да еще с роскошной гривой.

Дальше идти было незачем.

С разбега Кузя легко вскочил на пьедестал. От толчка все вокруг дрогнуло, слегка покачнулось, но равновесие вселенной сразу же восстановилось.

Человек с книгой, не оборачиваясь, рассеянно потрепал Кузю по голове и перелистнул страницу.

А куда же делся лев? Его рядом с собакой не было.

Впрочем, Кузя перестал быть собакой. Он изменился.

Тело осталось почти таким же, только короткая шерсть из рыжей сделалась золотистой и засверкала. Оглянувшись, Кузя увидел, что у него вырос хвост. Как же он всегда завидовал хвостатым собакам, особенно овчарке Рексу, служившему в той же смене! Но куда было Рексу с его мохнатой мочалкой до этого дивного стройного хвоста с кисточкой на конце!

В восторге Кузя тряхнул головой, и оказалось, что сверху она вся покрыта косматой гривой. Это еще было не все. Странное щеко-тание в области лопаток заставило бывшего пса поежиться. Что-то зашумело, затрепетало, и он вознесся в небо, легко и свободно паря на крепких, надежных крыльях.

Страх он не испытывал. Похоже, Кузя расстался с этим противным ощущением навсегда.

Над головой темнело густо-синее небо с ярко прорисованными звездами, внизу зеленел освещенный солнцем Парк. Можно было летать в любом направлении, падать камнем вниз и ласточкой взмывать вверх, но не следовало надолго отлучаться с Поста.

Кузю теперь звали как-то иначе. Ему еще предстояло узнать имя, под которым он должен был нести свою Новую Службу.

Или, может быть, не новую, а обычную, за-чем-то прерванную на мимолетные семь лет собачьей жизни.

Картина одиннадцатая

АННА

Анна двинулась по траве к серому зданию, потому что больше все равно было некуда. Ни страха, ни волнения она не ощущала, лишь нетерпение: поскорей бы уж все эти ребусы закончились. Умерла так умерла. Надоело, ей-богу!

“Ты меня зовешь?” — послышался сзади тот самый *беззвучный голос*, что некоторое время назад посулил ей скорое возвращение домой.

Она обернулась и увидела, что сияющий контур появился снова и сопровождает ее, но исходящий от него свет умерил силу и больше не слепит. Разглядеть очертания фигуры по-прежнему было нельзя, а может быть, никаких очертаний и не было.

— Вы кто, Бог? — спросила Анна, прикрыв глаза ладонью. Остроты взору это не прибави-

ло. Светящееся и поигрывающее искрами конусообразное облако — вот все, что она видела.

“Вроде того, — как показалось, не без смущения ответило Облако. — Хотя в принципе это вопрос терминологии”.

Значит, Бог существует. Он имеет вид облака и говорит языком среднестатистического интеллигента, подумала Анна. Или же Он разговаривает на этом жаргоне только со мной, потому что я среднестатистический интеллигент. Она попыталась ощутить благоговение, но после всего, что с ней произошло за последнее время, чувства здорово пригупились.

“Вы не старайтесь, — сказала Облако. — Не получится. Мне ваше благоговение ни к чему. Вам оно тоже ничего не даст”.

Анна остановилась. Странно было беседовать с клубящимся светом. Будто разговариваешь сама с собой.

— В каком смысле “ничего не даст”?

“Есть души, которым Бог нужен. А вам ни к чему. Как бы объяснить... Ну зачем птице жабры? Зачем глухому музыкант Малера? Зачем слепому картина Филонова?”

3.11

Т
З
М
.
.

— Вы тоже любите Малера и Филонова?! — воскликнула Анна. Почему-то это ее ужасно обрадовало.

“Я всех люблю. А Малера и Филонова упомянул, потому что они вам нравятся”.

— А-а-а...

Она сникла.

— Я что, уродка, если мне вера не нужна? Вроде слепого или глухого? Инвалидка?

“Уродов на свете не бывает. То есть, конечно, бывают, но... — И опять Облако вроде как засмушалось, что для Бога было странно. — Но они не виноваты. Это моя недоработка, а они расплачиваются. Правда, я пытаюсь компенсировать, чем могу. Знаете, сколько гениев среди аутистов и слепоглухих?”

Тут уж в голосе явно прозвучала оправдывающаяся нотка.

— Слышала. — Не удержавшись, Анна протянула руку, чтобы дотронуться до божественного тумана, и пальцы тоже залучились, будто покрылись золотистой пылью. Отдернула руку — пальцы сделались прежними. — Ой, извините... — опомнилась она.

“Вот-вот. Нет в вас благоговения, лишь желание все пощупать и во всем разобраться. Зачем вам Бог?”

— Минуточку. Бог или есть, или Его нет.

“Для кого-то есть, для кого-то нет. В зависимости от категории, к которой относится человек”.

— И много их, этих категорий?

“Всего две. Есть люди, которым хочется все понимать. И есть люди, которым понимать не хочется, а хочется верить. Верить можно лишь в то, что понять невозможно. Понимать можно лишь то, что не требует веры”.

— Я, очевидно, принадлежу к первой категории. Стало быть, мне Бог не нужен? — уточнила Анна.

“Стало быть, так”.

— Но вы-то есть. Я вас вижу, говорю с вами. Если вы не Бог, то кто?

“Тот, кто вам все объяснит, чтобы стало понятно. Иными словами, Преподаватель”.

Этот разговор нравился Анне все больше и больше. Не мешало даже то, что собеседника как такового не было. Беседовать со светящим-

ся облаком уж в любом случае интересней, чем распинаться перед аудиторией тупоумных акселератов.

— Но преподаватель перестает быть таким, когда передаст ученику всю сумму знаний.

Ну-ка, что Облако ответит?

Облако ответило:

“И я перестану”.

А, вот в чем засада, сообразила Анна. Знания, которыми обладает это Существо, настолько обширны и сложны, что для их постижения мне понадобится бесконечность.

“Ничего подобного, — тут же услышала она. Очевидно, не имело значения, говорит ли она вслух или просто думает. — Объяснение много времени не займет. Поскольку вы сами преподаватель, я воспользуюсь близкой вам системой терминов и понятий. Посмотрите вон на то здание. Будем считать, что это школа. Или, если угодно, университет”.

Анна оглянулась и увидела, что серое здание, к которому она шла, действительно очень похоже на учебный корпус сталинской архитектуры. Нечто вроде химфака или физфака МГУ: с деко-

ративными колоннами, широкими ступенями и какими-то монументальными скульптурами. Рассмотреть детали мешала туманная дымка.

“Это Университет Вселенной, факультет Закрытых Самостоятельно Организующихся Систем, на студенческом жаргоне “Засос”.

— Вы хотите сказать, что Земля и ее обитатели — это “засос”? — с некоторой растерянностью улыбнулась Анна.

“Да, один из многих”.

— И вы преподаватель этого факультета?

“Что вы! — чуть колыхнулось Облако. — Я всего лишь студент. Причем далеко не отличник. Земля — моя курсовая работа за прошлый семестр. Нужно было создать и запустить самообеспечивающуюся систему, где все будет продумано и предусмотрено с максимальной точностью. Потому что впоследствии исправить что-либо уже очень трудно... Получилось так себе. Если перевести на вашу систему оценок, общий балл — трояк”.

— Трояк?! — Анне стало обидно за зеленую планету и ее бедных жителей. — Это несправедливо! Земля такая красивая!

“Да, по “Ландшафтному дизайну” у меня пятерка, — горделиво зазолотилось Облако, но тут же потускнело до серебра. — Правда, это единственная отличная оценка. За несбалансированность климатических условий незачет. По зоологии выговор, за слишком игривое воображение с элементами хулиганства. Ну, а по предмету “Превалирующий вид населения” вообще назначили пересдачу...”

— Ну и правильно сделали, — строго заметила Анна. — Лучше нужно было рассчитывать. Такой, извините, бардак развели!

“Вот вы и перестали разговаривать со мной как с Учителем. Это значит, что теперь вам уже все ясно. Можно переходить на иной уровень отношений”.

Она насторожилась:

— На какой?

“Равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, — внезапно заговорило Облако языком мидовского протокола. — Мы можем друг другу помочь. Вами, как вы сами могли убедиться, владеют два непреодолимых желания...”

Когда это я в этом убедилась и что за желания такие, хотела спросить Анна, но ответ на первый вопрос нашла сама: когда мелькали картинки из прошлого. А на второй вопрос ответило Облако:

“Ну как же. Нежелание жить и жажда материнства. Разве не ясно?”

— В-во-первых, не ясно, — от неожиданности заикнулась она. — А во-вторых, если и так, разве это вещи совместимые — иметь детей и при этом не жить?

“Нет ничего проще. А откуда, по-вашему, берется сырье для наших курсовых? Из душ вроде вашей. Сами же сказали про это бармену. Только мужчины предпочитают стать звездами. Им нравится блистать и освещать. А хорошие планеты получают из женщин. Они альтруистичней и щедрее. Понимаете, мне для передачи очень нужна приличная планета. Вроде Земли. Я назову ее Анной, обещаю! Сначала там не будет ничего, кроме воды и атмосферы. Потом, как положено, появятся микроорганизмы. Это будут ваши первые дети. Не успеете оглянуться, поплывут рыбы, поле-

3.11

а
н
н
а
б
о
р
и
с
о
в
а

тят птицы, возникнут прекрасные острова, белоснежные отмели, коралловые рифы. Получится лучше, чем в прошлый раз, честное слово! Я ведь уже многому научился!”

— У меня есть выбор? — подумав, спросила Анна.

“Выбор есть всегда. И вы свой давно сделали”.

КАРТИНА ПОСЛЕДНЯЯ

Если б я была художницей, я бы написала такую картину.

Ночь. По пустой дороге идет женщина. Идет медленно и неуверенно, во-первых, потому, что ей почти ничего не видно во мраке, а во-вторых, потому что она беременна. Я бы нарисовала перевернутого вниз головой младенца, чей силуэт просвечивает сквозь ее чрево. Это девочка.

Кажется, будто женщина на холсте совсем одна, но если присмотреться, оказывается, что это не так. Путнику оберегает призрачное сияние. Оно шепчет (если б я была художницей, мои картины умели бы издавать звуки): "Осторожней, осторожней". Дело не только в том, что на дороге рытвины и ухабы, где можно

3.12

споткнуться. Есть и глубокие трещины, отливающие багровой подсветкой. Из одной высывается хищное рогатое рыло. Из другой доносится жалобный женский плач.

Путница идет через темную равнину, на дальнем краю которой сияют огоньки чудесного города. Он прекрасен и, судя по радужным бликам, населен веселыми и беззаботными людьми, но женщина в ту сторону не смотрит — ей довольно света, согревающего ее изнутри.

Это изображено внизу, а весь центр и верхняя часть полотна заняты ночным небом. На первый взгляд это крошечная, безысходная чернота, которая не внемлет Богу, и никакая звезда там со звездой не говорит. Однако, если зритель обладает терпением и острым зрением, он увидит, что небо не так уж пустынно. В одном его конце движется (мои картины не только звучали бы, но еще и двигались) крошечный золотистый лучик — это ангел. Навстречу ему, с другого конца, летит крылатый лев. А если приглядеться совсем внимательно, то очень высоко, под самой

рамой, можно различить далекую планету, мерцающую тусклой голубизной. Но что на ней происходит и происходит ли что-нибудь вообще, нам не видно.

3.12

Г
З
М
...
.

Литературно-художественное издание

Анна Борисова

ТАМ...

Роман

Зав. редакцией *М.С. Сергеева*
Ответственный за выпуск *М.Г. Мельникова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская область, Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы «АСТ»
Обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21 (7 этаж).
Тел: 615-01-01, 232-17-16

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати».
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

НОВЫЙ РОМАН
**АННЫ
БОРИСОВОЙ**

ISBN 978-5-17-057842-9



9 785170 578429

